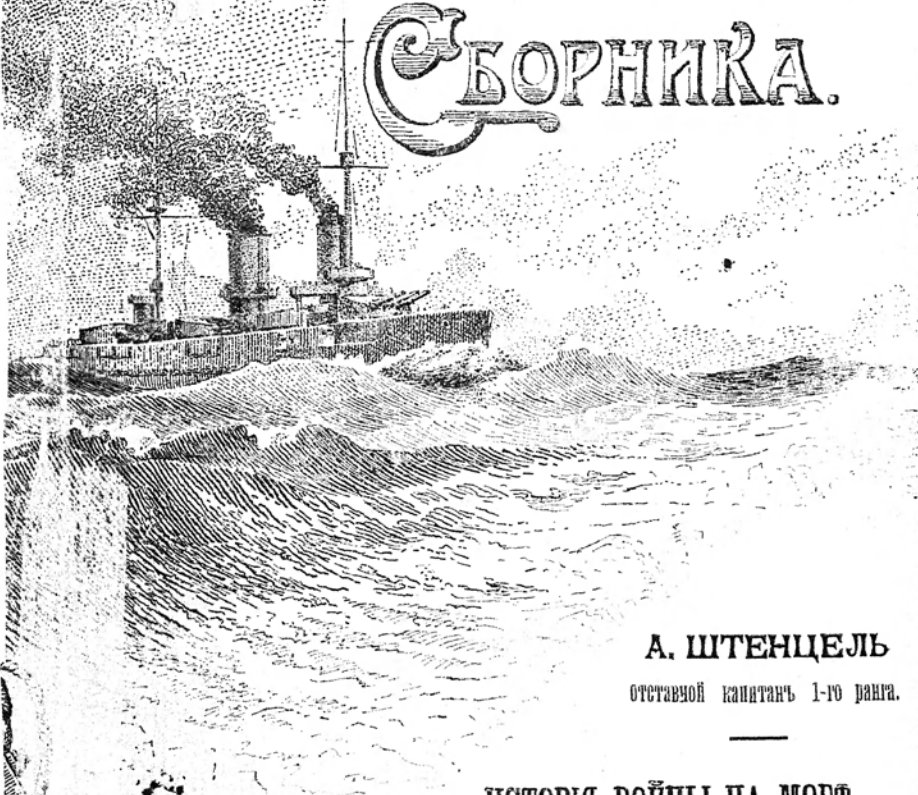

Библиотека 1917 Морского Сборника.

А. ШТЕНЦЕЛЬ

отставной капитанъ 1-го ранга.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ НА МОРЬ

съ точки зрѣнія морской тактики.

*Безплатное приложение къ №№ 2—3
„Морского Сборника“.*

Библиотека „Морского Сборника“.

№ 6.

А. ШТЕНЦЕЛЬ

отставной капитанъ 1-го ранга.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ НА МОРѢ

въ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ

съ точки зрѣнія морской тактики.

Безплатное приложеніе къ №№ 2—3 „Морского Сборника“.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1918.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ НА МОРѢ

ВЪ ЕЯ ВАЖНѢЙШИХЪ ПРОЯВЛЕНІЯХЪ
СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ МОРСКОЙ ТАКТИКИ.

Альфреда Штенцеля.

Свиты Его Величества Германскаго Императора отставного
капитана 1-го ранга.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Съ 400 г. до Р. Хр. по 1600 г. по Р. Хр.

Обработано Германомъ Кирхгофомъ, вице-адмираломъ
въ отставкѣ.

Съ 1 портретомъ и 13 картами и планами.

Издано на нѣмецкомъ языкѣ въ 1909 г.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1918.

Отъ Редакціи „Морского Сборника“.

Настоящая 2-ая часть труда Штенделя печатается въ переводѣ С. А. Геппенера.

Для редакціи *фактической* части перевода были приглашены заслуженный профессоръ Николаевской Морской Академіи генераль-маіоръ Н. Л. Блудо, которому и принадлежатъ вѣнски за подписью „Ред.“.

Предисловіе составителя.

Послѣ долгаго перерыва, вызваннаго различными печальными обстоятельствоми, появляется въ свѣтъ еще одна часть „Исторіи морскихъ войнъ“ капитана Штенделя. Остальные три тома, которыми заканчивается этотъ трудъ выйдутъ до осени 1911 года.

Работа по дальнѣйшему составленію и изданію этого труда могла продолжаться прежде всего благодаря поощренію и поддержкѣ морского генеральнаго штаба.

Предлагаемая II часть обнимаетъ періодъ времени отъ 400 года до Р. Хр. по 1600 годъ послѣ Р. Хр., т. е. конецъ древнихъ временъ, всѣ средніе вѣка и первое столѣтіе новой исторіи. Въ составленіи первыхъ главъ этой части, до описанія битвы при Акціумѣ включительно, принимаютъ еще дѣльное участіе адмиралъ Плюддеманъ (Plüddeman).

Бъ настоящему тому приложенъ относящійся къ первой части перечень ея содержанія, а кромѣ того,—найденныя въ литературномъ наслѣдіи капитана Штенделя „Посвященіе“ и „Предисловіе“ къ его труду. Въ концѣ II части дается общій „Указатель“ къ I и II частямъ.¹⁾

Въ III части будетъ изложена исторія морскихъ войнъ XVII и первой половины XVIII столѣтія; исторія слѣдующихъ ста лѣтъ, съ 1750 по 1850 годъ будетъ изложена въ IV' части; V' и послѣдняя часть будетъ обнимать событія на морѣ съ 1850 по 1905 годъ и закончатся описаніемъ боя при Цусимѣ.

Карты и планы изготовлены въ бюро графическихъ работъ при морскомъ генеральномъ штабѣ въ Берлинѣ.

---

¹⁾ Такъ какъ I томъ былъ уже напечатанъ въ то время, когда II еще не началъ даже переводиться, то къ нему былъ составленъ особый указатель.
Ред.

Содержаніе этого труда составилось изъ готовыхъ рукописей и конспектовъ автора, а также изъ болѣе или менѣе подробныхъ его замѣтокъ. Составителю пришлось, однако, кое-гдѣ заполнить нѣкоторые пробѣлы; для этого онъ пользовался новѣйшими трудами, касающимися исторіи морскихъ войнъ и въ особенности слѣдующими:

Махэнъ. „Вліяніе морской силы на исторію“.

Баронъ фонъ Мальтцанъ. „Морская война“.

Кирхгофъ. „Морская сила въ Балтійскомъ морѣ“.

Риттермейеръ. „Морскія войны и морское военное дѣло“.

Съ выходомъ въ свѣтъ V и послѣдвяго тома, явится нѣмецкій трудъ, обнимающій всю исторію морскихъ войнъ въ ея главнѣйшихъ отдѣлахъ, въ чемъ уже давно чувствовался недостатокъ.

Я считаю за честь и за счастье, что настоящей обработкой литературнаго наслѣдія моего глубокоуважаемаго учителя, я могъ принять нѣкоторое участіе въ созданіи ему памятника „вѣчнѣе мѣди прочной“.

Германъ Кирхгофъ.

Киль.

Августъ, 1909 г.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Памяти Его Королевскаго Высочества въ Бозѣ почивающаго принца Адальберта Прусскаго, перваго адмирала прусскаго и германскаго флота, который, отказавшись отъ блестящаго положенія въ нашей славной арміи, всю жизнь свою до послѣдняго вздоха посвятилъ, только что нарождавшемуся при тяжкихъ обстоятельствахъ, прусско-германскому флоту— съ глубокимъ почтеніемъ и благодарностью посвящаетъ

авторъ

Ганноверъ.
20 марта, 1899 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нижеслѣдующія лекціи не являются новостью, такъ какъ онѣ были читаны во второй половинѣ 70-хъ годовъ и впоследствии были только обработаны, болѣе или менѣе основательно, въ зависимости отъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ. Обработка эта коснулась введенія и главъ о мореплаваніи и торговлѣ до 500 года до Р. Хр. Здоровье мое, подорванное печальными случайностями не позволило мнѣ основательно обработать остальные отдѣлы этого труда, какъ я предполагалъ это сдѣлать.

Если я нынѣ выпускаю въ свѣтъ эти лекціи, несмотря на ихъ многочисленные недостатки, въ томъ видѣ, какъ онѣ были въ свое время прочитаны въ морской академіи, то дѣлаю я это не по собственному побужденію, а по желанію моихъ старшихъ и младшихъ товарищей, которые полагаютъ, что эти лекціи могутъ быть полезны флоту. Уклониться отъ этого я не счелъ возможнымъ.

Итакъ, пусть онѣ увидятъ свѣтъ для того, чтобы принести свою долю пользы имперіи, въ духѣ моихъ бывшихъ благожелательныхъ начальниковъ, блаженной памяти принца Адальберта, морского министра фонъ-Роона и вице-адмирала фонъ-Яхмана. Мнѣ остается только просить о благосклонномъ приѣмѣ инисходительной критикѣ.

Штенцель.

Ганноверъ.
1 апрѣля 1899 г.

Агриппа.

Агриппа.

I. Карфагенъ и Римъ.

1. Событія, предшествовавшія первой Пунической войнѣ.

Второю крупною морскою державою въ исторіи является Карфагенъ; особенный интересъ представляетъ рѣшительная борьба Карфагена съ Римомъ за мировое господство. 1. Введеніе.

Карфагенъ былъ одной изъ самыхъ древнихъ финикійскихъ колоній и былъ основанъ, вѣроятно, еще въ XIII вѣкѣ до Р. Хр.; впоследствии, въ 814 г. до Р. Хр. городъ былъ восстановленъ Дидоной (Элиссой) съ выходцами изъ Тира, и въ сравнительно короткое время достигъ цвѣтущаго состоянія. Характеръ финикійцевъ (хананеянъ) уже былъ обрисованъ (см. I часть): они имѣли исключительную склонность къ мореплаванію и въ этой области сдѣлали чрезвычайно много; въ самыя отдаленныя времена они уже ходили черезъ Гибралтарскій проливъ въ Англію и въ Гвинейскій заливъ, а впоследствии и кругомъ Африки. Однако эти путешествія далеко не преслѣдовали какихъ-либо идеальныхъ цѣлей основанія новыхъ поселеній, увеличенія могущества своей страны или пріобрѣтенія новыхъ познаній, какъ это дѣлалъ Геродотъ для просвѣщенія своихъ современниковъ и потомковъ—всѣ эти цѣли были совершенно чужды финикійцамъ. Руководили-же ими исключительно торговыя выгоды и интересы личной наживы; только съ этими цѣлями они основали многочисленныя торговыя поселенія, которыя, впрочемъ, они легко покидали, не оказывая серьезнаго сопротивленія при наступленіи на нихъ болѣе воинственныхъ народовъ, такъ какъ ни подготовки къ войнѣ, ни воинскаго духа у нихъ никогда не было. Финикійскій флотъ выступилъ въ качествѣ фактора въ морской войнѣ уже только тогда, когда страна утратила свою независимость, и дѣйствовалъ этотъ флотъ на службѣ

и по приказаніямъ пришлыхъ владыкъ, въ интересахъ совершенно чуждыхъ родной странѣ.

Многочисленныя финикійскія колоніи, какъ и сами финикияне, съ теченіемъ времени были покорены другими народами, и исторія не сохранила о нихъ никакихъ свѣдѣній; единственной колоніей, достигшей ступени независимаго государства и значительнаго могущества былъ Кареагенъ.

**2. Положеніе
Кареагена.**

Своимъ развитіемъ Кареагенъ въ значительной мѣрѣ обязанъ былъ исключительно — благоприятному географическому положенію, вблизи оконечности далеко выдававшегося въ Средиземное море выступа Африканскаго материка, который, вмѣстѣ съ Сициліей и Южной Италіей, дѣлитъ это море на двѣ части. Мѣстоположеніе Кареагена представляло слѣдующія выгоды:

1. Занятое имъ мѣсто давало возможность преградить сообщеніе съ западомъ.

2. Богатыя Сицилія и Сардинія лежали въ непосредственной близости отъ него.

3. Имѣлась превосходная гавань.

4. Страна въ тылу города была населена хотя и воинственнымъ, но кочевымъ, неорганизованнымъ въ государственномъ смыслѣ народомъ, который вслѣдствіе этого и не представлялъ значительной военной силы.

5. Все это вмѣстѣ взятое создавало для финикиянъ позицію, дававшую возможность господствовать на Средиземномъ морѣ, или, по крайней мѣрѣ, на средней и западной его части (см. карту № 4 части I, а также карту № 1 части II). Въ этомъ и нынѣ заключается крупное значеніе обладанія Тунисомъ и Бизертой.

**3. Духъ
Кареагена.**

Однако естественныя преимущества географическаго положенія не были единственной причиною того, что Кареагенъ, одинъ изъ сотенъ финикійскихъ торговыхъ поселеній, возвысился до степени могущественнаго государства и господствующей морской державы; было много и другихъ колоній, которыя также занимали прекрасное географическое положеніе; рѣшающимъ факторомъ въ этомъ случаѣ были скорѣе умственныя и нравственныя преимущества кареагенянъ: суди по семейству Барка, къ которому принадлежали Гамилькаръ и Ганнибаль, нужно думать, что вмѣстѣ съ Дидоной изъ Тира въ Кареагенъ переселились нѣкоторые

особенно выдающіеся роды; этимъ объясняется быстрый упадокъ Тира и столь же быстрое возвышеніе Кареагена, который вскорѣ занялъ господствующее положеніе въ западной части Средиземнаго моря и сталъ во главѣ всѣхъ финикійскихъ колоній, лежавшихъ къ западу отъ Кареагена.

Уже въ древнѣйшія времена на Сициліи, такъ же, какъ и на Сардиніи и на Балеарскихъ островахъ существовали финикійскія поселенія; въ VII вѣкѣ въ Сициліи и въ западной части Средиземнаго моря появились греки, которые въ 628 г. до Р. Хр. основали на западной сторонѣ острова, въ числѣ другихъ, поселеніе Селинусъ, вытѣснили финикійцевъ съ острова и заняли Лилибеумъ на западной его оконечности; въ это же время фокеяне основали Массилію и, такимъ образомъ, и торговлѣ и владычеству Кареагена въ Западномъ морѣ стала грозить опасность захвата греками; тогда, приблизительно около 600 года до Р. Хр., финикійяне, вопреки своему обыкновенію, стали оказывать грекамъ противодействие, возникшее первоначально въ Кареагенѣ, и противодействие это приостановило дальнѣйшее развитіе греческой колонизаціи и даже нѣсколько оттѣснило грековъ съ занятыхъ ими позицій. Въ отношеніи отдаленной Массиліи дѣло ограничилось стѣсненіемъ ея морской торговли, что же касается Сициліи, то греки были совершенно изгнаны изъ Лилибеума и съ тѣхъ поръ между обоими народами на островѣ возникла только изрѣдка прерывавшаяся ожесточенная борьба за обладаніе имъ, и борьба эта съ перемѣннымъ счастіемъ продолжалась почти 400 лѣтъ. Главнымъ центромъ греческаго вліянія на островѣ были Сиракузы, являвшіеся въ то же время единственной значительной силой на морѣ (см. карту № 4 части I и карту № 1 части II). Энергичный натискъ Кареагена однако не ограничился одной Сициліей, но распространился и на остальные острова западной части Средиземнаго моря, съ Мальтой включительно, на Испанію и на все сѣверное побережье Африки, начиная отъ Египта и до самаго Атлантическаго океана. Греки, основавшіе колоніи и въ Ливіи, были оттуда изгнаны, да и вообще туда не допускался никто изъ иностранцевъ; про оба залива Сырта были распущены такіе страшные рассказы, и внутренняя страна была такъ тщательно изолирована отъ всякаго внѣшняго вліянія, что финикійскій языкъ въ ней

4. Распростра-
неніе вліянія
на Сицилію.

5. Дальнѣй-
шее расшире-
ніе вліянія
Кареагена.

*

сохранился до V вѣка послѣ Р. Хр., въ то время, какъ онъ уже совершенно исчезъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ и даже на самой родинѣ своей.

На западѣ Картагенъ подчинилъ себѣ все финикійскія поселенія, до Зеленаго мыса, и въ Испаніи, и обложилъ ихъ данью. Независимость была сохранена только за тѣми городами въ Африкѣ, которые были основаны выходцами изъ Тира, какъ напр. Утика, который былъ древнѣе самого Картагена и за нѣкоторыми другими (въ этомъ ярко выразилось чувство почтенія къ одной общей родинѣ).

По обычаю финикійцевъ, Картагенъ до этого времени выплачивалъ земельную аренду тому африканскому племени, на землѣ котораго городъ былъ выстроенъ; теперь это было прекращено: все окрестности города на далекое. разстояніе были подчинены Картагену, земли захвачены и перекуплены отдѣльными жителями города; обработка земли стала производиться при помощи рабовъ, число которыхъ у нѣкоторыхъ богачей доходило до 20.000 человекъ.

6. Картагенъ
наиб. міровая
держава.

Такимъ образомъ, Картагенъ въ VI вѣкѣ до Р. Хр. сдѣлался могущественной сухопутной и морской державой, простиравшейся отъ Киренаики до Атлантическаго океана; средствомъ для такого развитія послужилъ, главнымъ образомъ, военный флотъ, превосходившій всехъ своихъ соперниковъ; объ этомъ флотѣ болѣе точныхъ свѣдѣній не имѣется, такъ какъ отъ Картагена никакихъ памятниковъ не сохранилось. Войско, какъ это обычно бываетъ у торговыхъ народовъ и особенно у семитовъ, состояло изъ наемниковъ всевозможныхъ національностей (это дѣлалось преднамѣренно). Западная часть Средиземнаго моря находилась подъ властью Картагена до Галльскаго моря, гдѣ ему приходилось вступать въ состязаніе съ кораблями изъ Массилии, и до

7. Этруски.

Тирренскаго моря, на которомъ господствовали этруски. Съ послѣдними Картагену не разъ приходилось сталкиваться, но противъ грековъ они дѣйствовали сообща, такъ же, какъ и противъ фокеевъ въ сраженіи при Алаліи или Алеріи на Корсикѣ, происшедшемъ въ 636 году до Р. Хр. Корсика осталась во власти этрусковъ, Сардинія (т. е. собственно говоря одинъ только берегъ) подпала подъ власть Картагена. Этруски вели морскую торговлю и производили морской разбой не только на Тирренскомъ, но и на Адриатическомъ

морѣ, такъ какъ успѣли обосноваться и въ устьяхъ рѣки По; здѣсь этруски и иллирійцы также имѣли преимущество передъ греками, самой сѣверной колоніей которыхъ были Эпидамнѣ.

Кареагеняне умѣли основательно использовать свое могущественное положеніе на морѣ: всѣмъ другимъ народамъ было запрещено плаваніе на тѣхъ моряхъ, на которыя простиралось ихъ господство, а вся иностранная торговля была, насколько возможно, сосредоточена въ Кареагенѣ. Такимъ образомъ создавалась монополія, дававшая громадныя выгоды; къ тому же кареагеняне были мастерами въ денежныхъ оборотахъ, такъ что напр. выступали посредниками при заключеніи иностранныхъ государственныхъ займовъ. Все это привело къ тому, что въ V вѣкѣ и послѣ него, Кареагенъ былъ самымъ богатымъ городомъ въ мірѣ.

Въ теченіе долгаго времени соперникомъ Кареагена являлись Сиракузы на островѣ Сициліи; въ 480 г. до Р. Хр. кареагеняне въ союзѣ съ Ксерксомъ ¹⁾, съ громадными силами, предприняли атаку на городъ, но были совершенно разбиты при Гимерѣ, въ день Саламинскаго сраженія; четыре раза кареагенянамъ удавалось завладѣвать всѣмъ островомъ до самыхъ Сиракузъ, но у стѣнъ города всѣ ихъ атаки терпѣли неудачу. Въ 415—413 г.г. казалось, что этотъ сильнѣйшій греческій оплотъ долженъ пасть передъ атакой аеинянъ ²⁾, но и изъ этого испытанія онъ вышелъ еще сильнѣе, чѣмъ былъ до того.

Сиракузы сдерживали въ опредѣленныхъ границахъ и этрусковъ: Мессинскій проливъ былъ для нихъ запертъ, а въ 474 г. до Р. Хр. они были разбиты въ большомъ сраженіи у Киме; несмотря на это они еще въ теченіе долгаго времени сохранили большое значеніе на моряхъ къ западу и къ востоку отъ Италіи.

Между тѣмъ въ средней Италіи, въ Римѣ, зародился новый соперникъ этихъ трехъ морскихъ державъ, которому суждено было привести ихъ къ гибели, несмотря на то, что

8. Могущество Сиракузъ.

9. Новый владына— Римъ.

¹⁾ Ксерксъ заключилъ союзъ съ Кареагеномъ, чтобы послѣдній своимъ нападеніемъ на Сицилію не позволилъ греческимъ колоніямъ прійти на помощь метрополіи, которую Ксерксъ имѣлъ намѣреніе стереть съ лица земли. *Ред.*

²⁾ См. часть I, стр. 290—314.

римляне такъ же, какъ и спартанцы, съ которыми они вообще имѣли много сходства, никогда не чувствовали склонности къ морю; въ этомъ отношеніи очень знаменательной является фраза Катона, который сказалъ, что однимъ изъ трехъ своихъ поступковъ, въ которыхъ онъ раскаивается, является тотъ случай, когда онъ однажды поѣхалъ на кораблѣ, когда имѣлъ возможность идти пѣшкомъ. У римлянъ было отличное войско и внутренняя организація ихъ была превосходна; у нихъ существовала обязательная воинская повинность въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ, а служить солдатомъ считалось почетнымъ, при чемъ въ службу эту не допускались вольноотпущенники, рабы и повесшіе наказаніе за преступленіе; римляне придавали большое значеніе тѣлеснымъ упражненіямъ, отличались простотою жизни, добрыми нравами, строгими семейными обычаями, точнымъ повиновеніемъ законамъ и любовью къ отечеству. Исторія развитія Рима представляетъ громаднѣйшій интересъ, но изложеніе ея завлекло бы насъ слишкомъ далеко, а потому мы посвятимъ ей только нѣсколько словъ.

10. Время
царей.

Періодъ управленія царей, начавшійся послѣ основанія Рима и продолжавшійся приблизительно 240 лѣтъ, относится къ области легенды, при чемъ твердо установленнымъ можно считать только то, что Римъ въ этотъ періодъ, послѣ долгой борьбы, завоевалъ себѣ гегемонію среди городовъ Лаціума. Послѣ изгнанія Тарквинія (511 г. до Р. Хр.) началось покореніе этрусковъ, которое съ переменнымъ успѣхомъ продолжалось болѣе 240 лѣтъ. Вольною помощію Риму въ этой борьбѣ послужило то обстоятельство, что въ это самое время этруски подвергались постояннымъ нападеніямъ и на сухопутномъ пути, со стороны кельтскихъ народовъ, пришедшихъ изъ Альпъ, и на морѣ, со стороны Сиракузъ и притомъ не только на Тирренскомъ морѣ, но и на Адриатическомъ, гдѣ Діонисъ Сиракузскій въ началѣ IV вѣка отнялъ у нихъ острова Иссу (Лиссу), Анкону и Гатрію, лежавшіе у устья рѣки По. Въ 385 году до Р. Хр., со взятіемъ Цирги, служившей гаванью для Саре, морское могущество Этруріи было сломлено.

Неоднократныя нашествія кельтовъ (галловъ), изъ которыхъ только одно, въ 390 г. до Р. Хр., подъ начальствомъ Бренна затронуло и Римъ, миновали его, хотя и захватывали весь полуостровъ до самой Кампаніи; Риму эти нашествія

послужили на пользу, такъ какъ они ослабили итальянскія народности, съ которыми Римъ находился въ почти непрерывной войнѣ.

Начиная съ 500 года Римъ началъ завоевывать латинскіе города, бывшіе до тѣхъ поръ независимыми, при чемъ, однако, они не подвергались такому жестокому и унижительному обращенію, какъ члены Делосскаго союза со стороны Аѣннъ; города эти получили права римскаго гражданства, что крѣпко привязало ихъ къ Риму; окончательное подчиненіе ихъ Риму произошло только черезъ 160 лѣтъ, а подчиненіе городов Кампаніи еще 11 лѣтъ спустя, послѣ взятія Капуи, въ 329 г. до Р. Хр.

Вслѣдъ затѣмъ, Римъ, могущество котораго значительно возросло, принялся за покореніе самнитянъ; война эта продолжалась 37 лѣтъ, до 190 г. до Р. Хр. и стоила громаднхъ жертвъ людьми, но благодаря присущей римлянамъ настойчивости и превосходству ихъ военнаго искусства, была доведена до побѣдоноснаго конца.

Послѣ этого вся средняя Италия оказалась подъ властью Рима и только югъ, такъ называемая (вслѣдствіе множества греческихъ колоній) Великая Греція, оставался еще независимымъ. Такимъ образомъ, римляне пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ древнѣйшимъ культурнымъ народомъ—греками.

Греція къ этому времени уже давно сошла съ высоты своего могущества. Послѣ Пелопоннесской войны, истощившей до крайности обѣ стороны, Спарта въ теченіе 33 лѣтъ (404—371) владѣла вновь приобретенной гегемоніей; затѣмъ, послѣ побѣды Эпаминонда у Левктръ, гегемонія эта перешла къ Фивамъ, которымъ, однако, удалось удержать ее только въ теченіе девяти лѣтъ (371—362). Послѣ этого, мало-по-малу начало возрастать вліяніе Филиппа Македонскаго, который послѣ побѣды у Херонеи, 3 августа 338 г. до Р. Хр., сдѣлался полнымъ властелиномъ въ Греціи. Подвиги его сына, Александра Великаго, сдѣлали Македонію первой державой міра, и положеніе это она продолжала занимать въ Европѣ и послѣ его смерти, среди развалинъ его колоссальнаго царства. И вотъ, на ряду съ Греціей и Карфагеномъ, въ качествѣ третьей мировой державы, на сцену выступилъ Римъ.

11. Распространеніе Римскаго владычества.

12. Великая Греція.

13. Упадокъ Греціи.

Разрушеніе міровой Персидской монархіи и послѣдовавшее вскорѣ послѣ того распаденіе еще болѣе обширнаго царства Александра Великаго повлекло за собой какъ бы разложеніе народовъ, которое явилось благодарной почвой для появленія всякихъ искателей приключеній, чему способствовало и повсемѣстное возникновеніе наемныхъ войскъ.

14. Агаоюль,
тиранъ Сира-
кузскій въ
361 г. до Р. Хр.

Удивительной личностью того времени явился Агаеюль, родившійся въ 361 г. въ Регіумѣ, по ремеслу горшечникъ. Въ юности онъ пришелъ въ Сиракузы, сдѣлался солдатомъ и отличился на войнѣ. Благодаря одному богатому покровителю, онъ быстро выдвинулся, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ послѣ его смерти женился на его вдовѣ. Послѣ различныхъ превратностей судьбы, ему удалось добиться того, что въ 317 г. до Р. Хр. его выбрали предводителемъ войска, и тогда, при помощи шайки демократическаго сброда (?), онъ захватилъ власть, казнилъ 4.000 богатыхъ и уважаемыхъ гражданъ, 6.000 другихъ выслалъ въ изгнаніе и началъ править самовластно. Ему въ значительной степени удалось осуществить намѣреніе покорить всю Сицилію, но при этомъ онъ былъ вовлеченъ въ войну съ кареагенянами, которые на голову разбили его у Гелы и осадили въ Сиракузахъ.

15. Знаменитый походъ
Агаеюля въ
Африку въ
310 г. до Р. Хр.

Тогда у него родился планъ, который и далъ поводъ рассказывать здѣсь о немъ. Разсчитывая отвлечь кареагенянъ отъ Сиракузъ, онъ рѣшился атаковать ихъ въ Африкѣ. Въ 310 г. ему удалось прорвать кареагенскій блокадный флотъ и высадиться въ Африкѣ, гдѣ онъ такъ искусно и счастливо повелъ войну, что черезъ три года кареагеняне владѣли уже почти только однимъ своимъ городомъ. Нельзя не признать, что планъ осажденнаго военачальника прорвать блокирующій флотъ и изъ тѣсно обложеннаго города-предпринять крупную заморскую экспедицію въ далекую непріятельскую страну, по своей смѣлости и оригинальности долженъ считаться единственнымъ въ своемъ родѣ: отъ обороны онъ перешелъ къ самому дерзкому наступленію противъ непріятельской столицы.

Первая цѣль его—отвлечь кареагенянъ отъ Сиракузъ—была достигнута; однако взять Кареагенъ и вообще добиться какихъ-либо прочныхъ результатовъ ему не удалось, такъ какъ войскамъ его не хватало моральныхъ качествъ: они были вѣроломны, коварны, и въ высшей степени жестоки. Ага-

еоклу пришлось возвратиться въ Сиракузы, которые тѣмъ временемъ подверглись нападенію со стороны Агригента. Онъ освободилъ Сиракузы, провозгласилъ себя царемъ, заключилъ миръ съ Каррагеномъ и царствовалъ благополучно еще въ теченіе 16 лѣтъ, пока не былъ отравленъ своимъ внукомъ. Смерть его совпала съ временемъ утвержденія владычества Рима въ средней Италіи.

Присущее римскому народу стремленіе къ расширенію своего владычества вскорѣ привело къ нарушенію мира съ Великой Греціей; въ 285 г. до Р. Хр. началась война противъ Луканіи и Бруцціума, а черезъ два года римская эскадра, состоявшая изъ 10 кораблей, вошла въ Тарентъ самый большой и важный городъ и лучшую гавань Великой Греціи.

Это было первымъ выступленіемъ римлянъ на морѣ. Обыкновенно считаютъ, что до первой Пунической войны у нихъ вовсе не было флота, но это является заблужденіемъ; Римъ стоитъ недалеко отъ моря, Лаціумъ имѣетъ длинную береговую линію, и это само по себѣ должно было привлекать римлянъ къ морю, и дѣйствительно уже въ 633 г. ими была заложена гавань въ Остіи; тѣмъ не менѣе римляне не любили моря, вслѣдствіе чего и не приобрѣли могущества на морѣ. Однако спокойное, обстоятельное и разумное отношеніе къ дѣлу привело ихъ къ убѣжденію, что пренебрегать моремъ нельзя. Насколько слабы были римляне на морѣ доказывается тѣмъ, что еще въ 349 году греческій (сиракузскій) флотъ грабилъ берега Лаціума. Вѣроятно, вслѣдствіе этой слабости Римъ заключилъ съ Каррагеномъ договоръ о торговлѣ и мореплаваніи, въ которомъ ярко обрисовывается превосходство сильнаго на морѣ города: римлянамъ запрещалось плавать за предѣлами Гермейской области, а производить торговлю въ Каррагенскихъ гаваняхъ имъ разрѣшалось только подъ правительственнымъ надзоромъ; за то каррагеняне получили право свободной торговли и имъ лишь запрещалась постройка крѣпостей и не разрѣшалось производить разбой въ глубинѣ страны (такимъ образомъ, побережье было отдано имъ во власть).

Таковъ же былъ договоръ и съ Тарентомъ: римляне не имѣли права плавать по ту сторону мыса Лацініума. Защита побережья была организована только послѣ того, какъ Римъ

16. Римъ въ южной Италіи; первое выступленіе на морѣ.

отвоевалъ значительную береговую полосу отъ Этруріи и Луканіи; прибрежные жители были освобождены отъ службы въ войскахъ, но зато обязаны были поставлять суда для торговаго мореплаванія, при чемъ въ Кампаніи это были греческія суда. Впрочемъ, къ концу IV вѣка были уже сформированы и римскій флотъ; были назначены *duumviri navales* (морскіе дуумвиры) на эскадру, которая должна была обложить съ моря Нуперію въ Кампаніи, уже обложенную съ сухого пути. Въ 307 г. на Корсику должна была отправиться эскадра изъ 25 кораблей, но Карфагенъ воспротивился этому, и римляне были настолько слабы на морѣ, что вынуждены были заключить новый договоръ, по которому они должны были подчиниться еще гораздо большимъ стѣсненіямъ.

Въ 283 г. римская эскадра отправилась въ Тарентъ, что противорѣчило договору и само-по-себѣ было крайне подозрительно, такъ какъ Римъ находился въ войнѣ съ Бруцціумомъ; поэтому неудивительно, что приходъ эскадры вызвалъ сильное возмущеніе; тарентцы были такъ возмущены, что напали въ гавани на эскадру, убили ея начальника, захватили 5 кораблей, экипажъ которыхъ былъ также уничтоженъ; остальнымъ кораблямъ удалось уйти; очевидно, что руководство эскадрой, поставившее ее въ такое опасное положеніе, было крайне неумѣлое.

17. Тарентъ. Такимъ образомъ создается поводъ для войны, котораго, повидимому, преднамѣренно искалъ Римъ. Тарентъ въ 280 г. призвалъ Пирра изъ Эпира, который, хотя и происходилъ изъ царскаго рода, но вслѣдствіе бурно проведенной юности и общей тогдашней неурядицы, сдѣлался пскателемъ приключеній; Эпиръ казался ему слишкомъ ничтожнымъ поприщемъ для его честолюбивыхъ замысловъ, а потому онъ отозвался на приглашеніе Тарента, разсчитывая положить основаніе міровой монархіи; онъ двинулся въ Тарентъ съ большимъ войскомъ (25.500 человекъ и проч.; были у него и слоны); такимъ образомъ, греческая фаланга столкнулась съ римскимъ легиономъ. У Гераклеи Пирръ одержалъ побѣду, такъ какъ былъ лучше подготовленъ и, кромѣ того, для римлянъ явились новостью и фаланга и слоны; затѣмъ, онъ одержалъ и вторую побѣду у Аускулума, но при этомъ понесъ громадныя потери; послѣ этого онъ двинулся на

**Пирръ изъ
Эпира въ
280 г. до Р. Хр.**

Римъ, къ которому подошелъ на близкое разстояніе, при чемъ однако почти никто изъ мѣстныхъ жителей къ нему не присоединился. Его расчеты въ этомъ отношеніи не оправдались, а въ то же время онъ получилъ призывъ изъ Сиракузъ, которые были осаждены кареагенянами и приглашали его къ себѣ на царство; онъ бросилъ на произволъ судьбы итальянскихъ грековъ, своихъ сородичей и товарищей по оружію, и отправился искать счастья въ Сицилію.

Тогда Римъ и Кареагенъ заключили союзъ противъ Пирра: въ случаѣ нападенія на одного изъ союзниковъ, другой долженъ былъ идти къ нему на помощь; Кареагенъ обязывался, въ случаѣ надобности, доставить транспортныя суда и выставить военный флотъ; каждый изъ союзниковъ долженъ былъ содержать свою сухопутную армію.

Пирръ безъ сопротивленія высадился въ Сициліи, освободилъ отъ осады Сиракузы, обложенныя съ суши и съ моря; всѣ греки присоединились къ нему, и ему удалось завоевать весь островъ до самаго Лилибеума, который ему однако взять не удалось, за неимѣніемъ флота; отсутствіе флота мѣшало ему также сообщаться съ Тарентомъ и Эпиромъ, вслѣдствіе чего онъ приступилъ въ Сиракузахъ къ постройкѣ флота, который и былъ готовъ въ 276 г.; между тѣмъ среди грековъ возникли обычные раздоры, которыхъ Пирръ не сумѣлъ уладить, и въ концѣ концовъ, вмѣсто того, чтобы взять Лилибеумъ, онъ возвратился обратно въ Тарентъ, покинувъ своихъ соотечественниковъ грековъ и Сиракузы.

По пути онъ выдержалъ сраженіе съ кареагенскимъ флотомъ, который на этотъ разъ лучше слѣдилъ за нимъ; въ сраженіи этомъ онъ потерялъ много кораблей, съ остальными добрался до береговъ Италіи и снова возобновилъ войну противъ Рима; въ 275 г. онъ былъ на голову разбитъ римлянами у Беневентума, послѣ чего предоставилъ Великую Грецію ея судьбѣ и возвратился въ Эпиръ, оставивъ въ Тарентѣ одного Милоса; нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ убитъ въ сраженіи у Аргоса.

Римляне осадили Тарентъ, но за неимѣніемъ флота, не могли его взять до тѣхъ поръ, пока въ 272 году не подошелъ (на помощь римлянамъ) кареагенскій флотъ, который очень быстро добился рѣшительныхъ результатовъ. Городъ не

18. Союзъ
Рима и Кареагена.

могъ долѣе держаться, и тарентцы хотѣли сдать его кареагенянамъ, но Милосъ (Пирръ) сдать цитадель римлянамъ, въ руки которыхъ попалъ и весь городъ. Кареагенскому флоту пришлось уходить ни съ чѣмъ, такъ какъ результаты получились какъ разъ обратные тому, чего онъ добивался; флотъ этотъ дѣйствовалъ такъ, какъ могъ бы дѣйствовать только римскій флотъ, и вызвалъ немедленную сдачу города, который римляне уже долгое время тщетно осаждали, и который имъ, при ихъ неумѣннн вести осажденную войну, никогда не удалось бы взять съ суши; такимъ образомъ кареагенскій флотъ поработалъ на пользу римлянамъ. (Этотъ случай ясно показываетъ, какое рѣшающее вліяніе немедленно оказываетъ появленіе флота).

И несмотря на это, римскій сенатъ оказался настолько безремоннымъ, что еще обращался въ Кареагенъ съ жалобами на дѣйствія начальника кареагенскаго флота.

Тарентъ былъ вынужденъ скрыть свои стѣны и выдать корабли и оружіе; это было большимъ выигрышемъ для Рима, такъ какъ Тарентъ былъ самымъ большимъ и богатымъ городомъ въ Великой Греціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всей Италіи; онъ же былъ единственной хорошей гаванью на южномъ берегу и вообще въ Италіи.

Въ томъ же году окончательно покорились Риму самнитяне, пытавшіеся вновь возстать въ надеждѣ на Цирра, а также лукане и бруттійцы. Такимъ образомъ въ чужой власти оставался только Регіумъ; въ этомъ городѣ уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ взбунтовался состоявшій изъ наемниковъ римскій гарнизонъ, завладѣлъ городомъ, въ которомъ и устроилъ разбойничье гнѣздо; совершенно тоже самое произошло и въ Мессані, лежавшей противъ Регіума по другую сторону пролива, гдѣ основались мамергинцы—банда наемныхъ солдатъ, когда-то состоявшихъ на службѣ у Агаокла; случаи эти доказываютъ полное государственное и общественное разложеніе того времени: шайки непризнававшихъ отечества солдатъ продавались для какихъ угодно цѣлей тому, кто предлагалъ имъ наибольшую цѣну, а когда не находилось нанимателя, они за собственный рискъ принимались за разбойничье ремесло.

19. Римъ противъ Регіума. Несмотря на продолжительную осаду, римляне не могли взять Регіума; тогда на помощь имъ, въ 270 году, пришелъ

царь Геронъ Сиракузскій. Геронъ былъ молодой человекъ изъ благородной семьи, обладавшій многими выдающимися достоинствами, отличившійся на войнѣ и всѣми любимый, вслѣдствіе чего онъ и былъ провозглашенъ царемъ. Регіумъ, несмотря на отчаянную храбрость защитниковъ, не могъ устоять противъ одновременной атаки войска и флота. Оставшіеся въ живыхъ изъ гарнизона были отведены въ Римъ, всенародно подвергнуты наказанію плетьюми, а затѣмъ казнены.

Такимъ образомъ вся Италія (нынѣшняя Верхняя Италія въ тѣ времена причислялась къ Галліи, подъ названіемъ Цивальпинской Галліи — Gallia Cisalpina) была подчинена римлянамъ; постоянными войнами они, сперва очень медленно, а за послѣдніе 50 лѣтъ—чрезвычайно быстро, распространяли свое владычество, завоевали двѣтущія области съ инороднымъ населеніемъ, и можно было думать, что на этомъ они если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, приостановятся, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ направленіяхъ границы ихъ подошли къ морю, къ которому они никогда не чувствовали склонности.

Однако на этотъ разъ оправдалась поговорка о томъ, что аппетитъ растетъ во время ѣды: властолюбіе римлянъ не знало предѣловъ, а Сицилія лежала такъ близко, что они не могли удержаться отъ соблазна завладѣть ею, тѣмъ болѣе, что плодородіе и богатство ея являлось для нихъ постоянной приманкой. Правда, она лежала по другую сторону моря, но отдѣлена была только узкимъ проливомъ; не подлежащо сомнѣнію, что переправа черезъ этотъ проливъ поведетъ къ войнѣ съ могущественнымъ на морѣ Каррагеномъ, но римляне не отступили передъ этой перспективой, какъ вообще никогда не отступали передъ неприятелемъ. Римляне успѣли хорошо познакомиться съ каррагенянами, съ которыми имъ пришлось уже не разъ вступать и въ дружественныя и въ непріязненныя сношенія; до войны однако дѣло еще ни разу не доходило. Итакъ римляне переправились черезъ море и вступили въ борьбу съ господствовавшей на морѣ державой, не задумываясь надъ вопросомъ о тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ борьба эта могла быть доведена до успѣшнаго конца.

Положеніе дѣлъ представлялось совершенно своеобразнымъ: одинъ изъ противниковъ былъ могущественное госу-

20. Римъ, какъ владыка Средней и Южной Италіи.

21. Причины столкновенія Рима и Каррагена.

дарство, вытянувшееся вдоль всего сѣвернаго берега Африки, все существованіе котораго было основано на морской торговлѣ; для охраны этой торговли и для дальнѣйшаго развитія заморскихъ торговыхъ связей, государство это содержало сильный флотъ, который безраздѣльно господствовалъ на моряхъ, такъ какъ единственный его соперникъ—Сиракузы были слишкомъ ослаблены внутренними неурядицами и постоянными войнами, чтобы оказать какое-либо сопротивленіе.

**22. Карраген-
ская армія.** Вторая роль принадлежала сухопутной арміи; вся она состояла изъ наемниковъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ націямъ, съ которыми Каррагенъ состоялъ въ торговыхъ отношеніяхъ; какъ это всегда бываетъ съ наемниками, солдаты удерживались на службѣ только соображеніями выгоды или насилиемъ: и государство, которому они служили, и цѣли, ради которыхъ они сражались, были для нихъ совершенно безразличны.

Для содержанія такой арміи и большого флота постоянно требовались крупныя денежныя средства, доставлявшіяся міровой торговлей, которая велась съ неослабной энергіей и искусствомъ. Народъ, исповѣдывавшій жестокою и чувственную религію, всецѣло былъ преданъ поклоненію золотому тельцу, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями: высшіе классы предавались роскоши и распутству, питали другъ къ другу постоянное недовѣріе и безпощадно давили низшіе классы населенія; царилъ жестокое рабство, а покоренные народы держались въ тяжеломъ угнетеніи, которое заставляло ихъ мечтать о той минутѣ, когда они будутъ въ состояніи сбросить ненавистное иго и получить свободу, или, до крайней мѣрѣ, перейти подъ власть болѣе милосерднаго господина.

Постоянная подозрительность самымъ вреднымъ образомъ отражалась и на командованіи войсками. Вожди арміи выбирались народомъ изъ числа гражданъ, при чемъ, вслѣдствіе партійныхъ происковъ, выборъ часто падалъ далеко не на наиболѣе подходящихъ лицъ. Однако и эти выборные вожди не пользовались свободой дѣйствій: къ нимъ были приставлены для наблюденія представители отъ сената, въ числѣ 30 человекъ; имъ даже не предоставлялось права выработать планъ веденія войны, который составлялся особой

комиссіей изъ ста судей; комиссія эта, кромѣ того, постоянно вмѣшивалась въ ходъ операцій, смѣшала вождей и привлекала ихъ къ отвѣтственности; вслѣдствіе этого происходила постоянная смѣна военачальниковъ, при чемъ нерѣдко случалось, что неудачливый военачальникъ подвергался жестокой казни распятіемъ на крестѣ. Эти казни особенно неблагоприятно отражались на успѣшномъ веденіи войны, такъ же, какъ и взаимныя отношенія между начальниками и наемными солдатами, не связанными между собой ни взаимнымъ довѣріемъ, ни расположеніемъ. Ни у государства, ни у военачальниковъ не было никакихъ основаній, кромѣ денежныхъ расчетовъ, беречь людей, такъ какъ цѣною золота они могли помѣть ихъ сколько угодно, а потому нерѣдко случалось, что начальники бросали своихъ людей на произволъ судьбы или жертвовали ими для своего собственнаго спасенія. Интересно отмѣтить, что у караегенянъ всегда были особые начальники для флота и для сухопутной арміи, между тѣмъ какъ у грековъ, римлянъ и др. въ этомъ отношеніи никакого различія не дѣлалось.

Караегенскій флотъ въ тѣ времена состоялъ главнымъ образомъ изъ пентеръ (квинкверемы — суда съ 5-ю рядами веселъ), а также изъ триремъ, которые еще сохранились въ употребленіи. Первые крупныя и высокія пентеры были выстроены Деметріемъ Полиоркетомъ, человѣкомъ богато одареннымъ техническимъ талантомъ, которому (т. е. вообще грекамъ) и подражали караегеняне въ постройкѣ своихъ судовъ. Марквардтъ, въ своемъ сочиненіи „Государственное устройство Рима“ (Römische Staatsverwaltung) приводитъ такіе размѣры: 1) Пентеры: 51,2 метра длины; 5,5—8 метровъ ширины; 4,1 м. осадки; водоизмѣщеніе 534 тонны; гребцовъ 310 человѣкъ, 18 солдатъ; 47 офицеровъ и рабовъ, всего 375 человѣкъ экипажа. 2) Триремы: 45,4 метра длины; 4,3—5,5 м. ширины; 2,6 м. осадки; водоизмѣщеніе 232 тонны, гребцовъ 174 человѣка; 10 солдатъ, 41 офицеровъ и рабовъ, всего 225 человѣкъ экипажа.

23. Караегенскій флотъ.

Въ противоположность караегенянамъ, римляне были простыми, здоровыми, земледѣльческимъ народомъ, который самъ воздѣлывалъ свою землю; съ дѣтства они были приучены къ строгому порядку и послушанію и гордились правомъ носить оружіе и защищать родной городъ; вся армія состояла

24. Римское войско.

изъ воиновъ одной національности, имѣла однообразную организацію и одинаковые боевые приемы и, благодаря постояннымъ войнамъ, приобрѣла большой боевой опытъ; начальники и солдаты привыкли другъ къ другу и были связаны взаимнымъ довѣріемъ. Вожди (консулы), хотя тоже мѣнялись ежегодно, но это были въ большинствѣ случаевъ опытные въ военномъ дѣлѣ люди, а въ трудныя времена во главѣ становился диктаторъ, какъ лучший предводитель арміи.

Все это вмѣстѣ взятое создавало неизмѣримое превосходство римскаго войска надъ карагенскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, римляне мягко обращались съ покоренными народами и умѣли привязать ихъ къ Риму тѣмъ крѣпче, чѣмъ ближе они къ нему находились; благодаря этому создавалась взаимная общность интересовъ, при чемъ всѣ народы были заинтересованы въ томъ, чтобы поддерживать городъ. Однако, главнаго, что было необходимо для войны съ Карагеномъ,— флота—у римлянъ не было; поэтому самымъ важнымъ городомъ въ Сициліи для римлянъ была Мессана, находившаяся въ рукахъ мамертинцевъ. Въ 270 году, когда былъ взятъ Регіумъ, Геронъ началъ осаду Мессаны, предварительно разбивъ въ открытомъ полѣ скопища мамертинскихъ наемниковъ. Послѣ пятилѣтней войны, доведенные до крайности мамертинцы обратились съ просьбой о помощи къ римлянамъ; правда, послѣдніе находились въ союзѣ съ Герономъ, оказавшимъ имъ помощь при взятіи Регіума, гарнизонъ котораго, какъ разбойничья шайка, былъ имъ по справедливости преданъ позорной казни. Казалось совершенно невозможнымъ, чтобы римляне, соблюдая хотя-бы малѣйшее политическое приличіе, обманули довѣріе Герона и вступили противъ него въ союзъ съ такой же разбойничьей шайкой; однако властолюбіе и перспектива завладѣть важнымъ городомъ одержали верхъ: они обѣщали мамертинцамъ свою помощь. Во внутренней своей жизни римляне блюли строгую нравственность, за то во внѣшней политикѣ не было такого средства, которое имъ показалось бы слишкомъ низкимъ, разъ только оно сулило выгоды.

26. Взятіе Мессаны; Римъ собираетъ флотъ.

Въ 264 (?) году римляне собрали въ Неаполѣ и Тарентѣ корабли изъ греческихъ городовъ и снарядили въ Регіумѣ авангардъ той арміи, которую предполагалось переправить

въ Мессану, какъ вдругъ пришло извѣстiе, что Кареагенъ выступилъ въ качествѣ посредника между Герономъ и мамертинцами, занявъ цитадель Мессаны, а кареагенскій флотъ, подъ командой Ганнона находится въ гавани города; въ виду этого, мамертинцы благодарили римлянъ за общанную имъ помощь и отказывались отъ нея. Все это однако не оставило консула Гагiя Клавдiя, который рѣшилъ тѣмъ не менѣе переправиться въ Сицилiю. Первая его попытка переправы была отбита кареагенянами; они захватили нѣсколько римскихъ кораблей, но, чтобы не давать повода къ войнѣ, отослали ихъ назадъ. Гагiй Клавдiй однако упорствовалъ въ своемъ намѣренiи. Вторая попытка переправы удалась, Клавдiй подошелъ съ войскомъ къ Мессанѣ и началъ переговоры съ мамертинцами; Ганнонъ былъ также приглашенъ къ участию въ этихъ переговорахъ, но тутъ же былъ предательски захваченъ въ плѣнъ и принужденъ отдать своимъ войскамъ приказъ очистить цитадель. Вотъ какимъ путемъ римляне овладѣли Мессаною!

2. Первая Пуническая война 264—241 до Р. Хр.

Ганнонъ отправился назадъ въ Кареагенъ, гдѣ и былъ казненъ. Кареагеняне объявили Риму войну, заключили союзъ съ Герономъ и отправили армию и флотъ къ Сиракузамъ, которые и были обложены съ моря и съ суши. Несмотря на это, второму консулу, который пришелъ съ главными силами въ Регiумъ, удалось темной ночью переправиться въ Сицилiю; осада Сиракузъ была снята и римляне побѣдоносно двинулись противъ кареагенянъ.

27. Начало войны.

Осенью римляне безпрепятственно переправили свою армию назадъ въ Италию, а весной 263 года снова доставили въ Сицилiю еще вдвое болѣе сильное войско и одержали надъ кареагенянами и Герономъ блестящую побѣду; послѣ этого Геронъ отказался отъ союза съ кареагенянами и перешелъ на сторону Рима; такъ же поступили и всѣ греческiе города на островѣ. Римляне продолжали побѣдоносную войну, такъ что во власти Кареагена оставалось только нѣсколько укрѣпленныхъ гаваней — Панормусъ, Дрепанумъ и Лилибеумъ.

28. Завоеванiе Сицилiи Римомъ.

29. Дѣятельность кареагенскаго флота.

Кареагенскій флотъ не сумѣлъ помѣшать переправѣ римскихъ войскъ на островъ и обратно въ Италію, но проявилъ свою дѣятельность въ другихъ мѣстахъ; онъ произвелъ набѣги на итальянское побережье, разорилъ его и причинилъ громадныя убытки; однако еще большій ущербъ причинилъ упадокъ, а частью и полное прекращеніе морскихъ сношеній и торговли; тутъ только римляне на собственномъ опытѣ испытали значеніе господства на морѣ.

30. Римъ строитъ флотъ.

Съ присущей имъ смѣлостью и рѣшимостью они пришли къ заключенію о необходимости бороться съ кареагенянами и на морѣ, и немедленно пришли къ рѣшенію во много разъ увеличить свой флотъ, при чемъ обнаружили удивительную вѣрность взгляда и практической смѣлости. Они не стали сами изобрѣтать и изготавлять все, что нужно было для флота—такое самонадѣянное рѣшеніе потребовало бы массы времени и громадныхъ денегъ, чтобы поднять Римъ на одинъ уровень съ Кареагеномъ; но, по своему обыкновенію перенимать все пригодное и полезное отъ другихъ народовъ, они заимствовали все, что касалось постройки и снаряженія кораблей отъ наиболѣе искусныхъ моряковъ того времени—грековъ, иллирійцевъ и кареагенянъ; однако заимствованія эти дѣлались не механически, безъ надлежащаго обсужденія, а наоборотъ, каждое изъ нихъ приспособлялось къ ихъ собственнымъ потребностямъ.

Нельзя не признать основательности такого принципа, въ особенности для вновь возникающей морской державы: слѣдуя примѣру другихъ болѣе опытныхъ моряковъ и не считая за стыдъ учиться у нихъ и пользоваться результатами ихъ опыта, можно сберечь много денегъ, которыми иначе пришлось бы расплачиваться за науку.

Случайно въ руки римлянъ попала потерпѣвшая крушеніе кареагенская пентера, и они воспользовались ею въ качествѣ модели для постройки такихъ кораблей. При громадныхъ средствахъ людьми и деньгами, которыми они располагали и при свойственной имъ энергіи, дѣло было быстро налажено, и уже къ началу 260 года до Р. Хр. былъ выстроенъ флотъ, состоявшій изъ 100 пентеръ и 23 триремъ.

31. Подготовка экипажей.

Для работы на веслахъ были назначены рабы и вольноотпущенники, а также и граждане низшихъ классовъ; обученіе ихъ было начато еще до того, какъ были готовы

корабли, на сухомъ пути, для чего были выстроены соответствующіе подмостки; люди были расписаны по судамъ и по мѣстамъ на суднѣ, и ихъ начали обучать движеніямъ веселъ въ тактъ; какъ только суда были спущены на воду, обученіе дѣятельно продолжалось уже на водѣ. Въ качествѣ солдатъ на суда были посажены легионеры въ возможно большомъ числѣ.

Въ послѣднемъ отношеніи римляне превосходили кареагенянь, за то во всѣхъ другихъ они имъ значительно уступали: корабли ихъ были гораздо тяжелѣе и тихоходнѣе, частью вслѣдствіе того, что уступали кареагенскимъ по своей конструкціи, частью потому, что были выстроены изъ совершенно сырого лѣса; на этотъ недостатокъ римляне впоследствии обратили серьезное вниманіе, что было тѣмъ болѣе необходимо, что у кареагенянь гребцами были рабы, которые всю свою жизнь проводили на этой работѣ и приобрѣли въ ней такой навыкъ и такую выносливость, что сравниться съ ними было невозможно; во всякомъ случаѣ, римскіе рабы и вольноотпущенники, исполнявшіе эту работу, далеко уступали имъ въ этомъ отношеніи. Долгая служба и постоянное исполненіе одного и того же дѣла тогда, такъ же какъ и въ настоящее время, вырабатывали для флота наиболѣе пригодныхъ людей.

Кареагенянамъ пригодилась ихъ опытность старыхъ мореплавателей, какъ въ отношеніи эволюцій и маневровъ, такъ и въ отношеніи навигаціи; примѣнять свою практику въ бою у нихъ было мало случаевъ, такъ какъ уже давно противъ нихъ не выступало сильнаго, опытнаго въ морской войнѣ непріятеля. Въмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ, какъ семитовъ, не было врожденнаго таланта къ веденію войны, въ особенности въ крупномъ масштабѣ. Тактическіе же навыки существовали у нихъ повидимому только въ самыхъ общихъ чертахъ. Какъ бы то ни было, мореходный опытъ принесъ имъ несомнѣнно очень большую пользу и въ этомъ случаѣ, въ особенности въ стратегическомъ отношеніи; недостатокъ этого опыта у римлянъ послужилъ причиною тѣхъ большихъ потерь, которыя они понесли. За то въ тактическомъ отношеніи имъ удалось восполнить недостатокъ морского опыта своимъ яснымъ взглядомъ на дѣло и практической сметкой.

32. Положеніе дѣлъ у кареагенянь: тактическая подготовка

*

Успѣхъ въ таранномъ бою, который въ тѣ времена былъ во всеобщемъ употребленіи и рѣшала участь сраженій, обусловливался быстротою хода судовъ, ихъ поворотливостью и искусствомъ командира (конечно при соответствующемъ высшемъ командованіи); всѣ эти условія складывались въ пользу кареагений.

33. Римляне рѣшаются перейти къ абордажному бою. Поэтому римляне рѣшили использовать единственное преимущество, которое они имѣли передъ кареагениями— искусство своихъ легионеровъ, лучшихъ въ мірѣ солдатъ; искусство это на морѣ могло быть примѣнено только въ абордажномъ бою, а для того, чтобы имѣть возможность, вопреки общепринятому способу сражаться, перейти къ такому бою, они снабдили свои корабли совершенно неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ приспособленіемъ—опускными мостками для абордажа.

34. Римскіе абордажные мостки. Эти абордажные мостки носили странное названіе „вороновъ“ (corvi); впрочемъ, римляне повидимому называли ихъ также „железной рукой“ (manus ferrata).

Относительно устройства этихъ мостковъ, которые у Полибія описаны довольно неясно, существуютъ разногласія; наиболѣе вѣроятнымъ представляется нижеслѣдующее: на носу судна, на одинаковомъ разстояніи отъ форштевня и обѣихъ бортовъ, стоялъ вертикальный столбъ толщиной въ 23 сантиметра, который на $7\frac{3}{4}$ метра выступалъ надъ палубой, и въ верхней своей части былъ снабженъ блокомъ, черезъ который былъ перекинутъ толстый канатъ; столбъ внизу упирался въ киль и могъ вращаться вокругъ вертикальной оси. Самые абордажные мостки состояли изъ помоста въ 11 метровъ длины и 1,2 метра ширины, на которомъ были набиты поперечины, а по обѣимъ сторонамъ была устроена на высоту колы́нь стѣнка или перила; внутренний конецъ помоста былъ прикрѣпленъ на высотѣ одной ступени отъ палубы къ вертикальному столбу при помощи сквозного болта, на которомъ онъ могъ вращаться, какъ на шарнирѣ; на высотѣ блока къ помосту былъ прикрѣпленъ упомянутый выше канатъ, при помощи котораго помостъ могъ подниматься и опускаться, на подобіе подъемнаго моста. Чтобы имѣть возможность устанавливать помостъ почти вертикально, а также и для того, чтобы онъ плотно прилегалъ къ столбу, въ немъ былъ сдѣланъ пазъ въ $3\frac{2}{3}$ метра

длины; тѣмъ не менѣе, помость, даже при полномъ подъемѣ, сохраняла нѣсколько наклонное положеніе, такъ что при отпусканіи каната онъ самъ по себѣ падалъ; на внѣшнемъ (верхнемъ) концѣ помоста былъ прикрѣпленъ тяжелый желѣзный придатокъ, имѣвшій въ верхней своей части широкую и толстую форму и кольцо для привязыванія, а въ нижней части—острую и слегка изогнутую; въ разрѣзѣ этотъ придатокъ представлялъ нѣкоторое сходство съ вороньимъ клювомъ, что вѣроятно и дало поводъ къ названію „ворона“.

До встрѣчи съ неприятелемъ помость этотъ оставался поднятымъ, а затѣмъ поворачивался въ сторону неприятельскаго судна: при столкновеніи съ нимъ или при сближеніи на такое разстояніе, что помость могъ быть перекинутъ на неприятельскую палубу, канатъ сразу отпускался и помость падалъ; „вороній клювъ“ пробивалъ палубу, или по крайней мѣрѣ на столько глубоко вливался въ нее, что благодаря своей искривленной формѣ крѣпко въ ней держался; въ то же время солдаты по-двое бросались черезъ этотъ мость; первые двое держали щиты передъ собой, а слѣдующія пары ставили ихъ на боковыя стѣнки; тогда на неприятельскомъ кораблѣ начинался рукопашный бой, въ которомъ римляне не имѣли себѣ равныхъ.

Кому принадлежала идея этихъ мостковъ и кто далъ ей практическое осуществленіе—неизвѣстно, но успѣхъ примѣненія этого изобрѣтенія связывается съ именемъ Кая Дуилия.

По преданію, рѣшительному сраженію предшествовали двѣ предварительныя стычки. Оба консула, повидимому, бросили жребій кому изъ нихъ командовать флотомъ и кому войсками, находившимися въ Сициліи; первое досталось Кнеку Корнелію Сципіону, второе—Кая Дуилию. Сципіонъ не захотѣлъ ждать, пока изготовятся главные силы флота и съ 17 кораблями (которые не были снабжены абордажными мостками) отправился впередъ вдоль итальянскаго берега и благополучно прибылъ въ Мессану; кареагенскій адмиралъ Ганнибалъ, стоявшій съ флотомъ въ Панормусѣ, распустилъ ложный слухъ, будто бы жители Липары ждутъ только прибытія Сципіона, чтобы стать на сторону Рима; слухъ этотъ заманилъ Сципіона къ Липарѣ, гдѣ на слѣдующее утро на него напала превосходившая его силами кареагенская

35. Предвари-
тельные
стычки между
отрядами
флота.

эскадра и захватила его со всѣмъ отрядомъ въ плѣнъ; за это Сципионъ получилъ прозвище „ослица“ (asiца).

Послѣ этого Ганнибалъ съ 50 кораблями, какъ можно предполагать, двинулся навстрѣчу главнымъ силамъ римскаго флота, которыя шли вдоль итальянскаго берега, но при этомъ не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности; вслѣдствіе этого, а также и несчастной случайности, кареагенская эскадра, стоявшая повидимому на якорѣ и, во всякомъ случаѣ не изготовившаяся къ бою, была захвачена врасплохъ подходившимъ въ боевомъ порядкѣ римскимъ флотомъ, и потеряла нѣсколько кораблей.

Какъ бы то ни было, главные силы римскаго флота благополучно пришли въ Мессану. Здѣсь Кай Дуилий, передавъ командованіе войсками трибунамъ, принялъ главное начальство надъ флотомъ (возможно, что до этихъ поръ онъ никогда въ жизни не ступалъ на корабль) и, со свойственной римскимъ военачальникамъ твердой рѣшимостью, двинулся съ 130 кораблями вдоль сѣвернаго берега острова, на западъ, къ Панормусу, навстрѣчу своему могущественному морскому сопернику. Со своей стороны кареагеняне уже шли навстрѣчу ему; столкновение произошло у мыса Миле (Миллаццо); кареагенскій флотъ насчитывалъ 120—130 судовъ и состоялъ почти исключительно изъ пентеръ, а флагманскій корабль былъ даже хептерой (септиремой), которую кареагеняне захватили у Пирра.

36. Морская
побѣда рим-
лянъ у Миле въ
260 г. до Р. Хр.

Командовалъ кареагенскимъ флотомъ тотъ самый Ганнибалъ, беззаботность котораго незадолго передъ тѣмъ привела къ потерѣ значительнаго числа кораблей; урокъ этотъ однако нисколько не сдѣлалъ его умнѣе; кареагеняне, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій почти безраздѣльно господствовавшіе на морѣ и давно уже не знавшіе сколько нибудь равнаго себѣ противника, считали себя въ полной безопасности; это привело ихъ къ чрезмѣрной самоувѣренности и къ пренебреженію всѣми, даже самыми простыми тактическими правилами: они полагали, что одно ихъ приближеніе должно устрашить и обратить въ бѣгство непріятеля; такое пренебреженіе противникомъ почти всегда бываетъ наказано, чему настоящій случай служить нагляднымъ примѣромъ.

И на этотъ разъ Ганнибалъ не выслалъ впередъ развѣдчиковъ; флотъ его шелъ въ беспорядкѣ; когда показались

римляне, онъ, имѣя около 30 кораблей, находился далеко впереди главныхъ силъ, и вмѣсто того, чтобы дать послѣднимъ подойти, или хотя бы выстроить въ боевой порядокъ тѣ суда, которыя были съ нимъ, онъ съ безразсудной смѣлостью бросился на непріятеля.

Мы неоднократно высказывали мнѣніе, что отвага есть самое важное условіе на войнѣ и въ особенности въ морской войнѣ; смѣлость является необходимымъ элементомъ наступленія и всякаго крупнаго успѣха; тамъ, гдѣ нѣтъ этой смѣлости, надо умѣть ее возбудить; у солдатъ и у младшихъ офицеровъ смѣлость никогда не можетъ быть чрезмѣрной, такъ какъ она направляется и держится въ извѣстныхъ границахъ старшими начальниками; даже безразсудная смѣлость, т. е. та, которая дѣйствуетъ безъ надлежащей обдуманности, заслуживаетъ снисхожденія и можетъ быть извинена; но въ отношеніи самостоятельнаго военачальника дѣло обстоитъ совершенно иначе: чѣмъ выше онъ поставленъ и чѣмъ крупнѣе вѣренныя ему интересы, тѣмъ менѣе онъ имѣетъ права пренебрегать тщательнымъ взвѣшиваніемъ всѣхъ наличныхъ обстоятельствъ.

Ганнибалу навстрѣчу шелъ Дуилій съ спокойной рѣшимостью, являвшейся результатомъ его отваги; и дѣйствительно, нельзя было не признать большой смѣлости за Дуиліемъ, который съ только что созданнымъ флотомъ шелъ въ бой съ непріятелемъ, для котораго море составляло его родную, никѣмъ не оспариваемую стихію. Однако Дуилій дѣлалъ это въ сознаніи своей силы, разсчитывая на хладнокровіе и строгую дисциплину командировъ своихъ судовъ и на искусство своихъ воиновъ, которые, благодаря новымъ абордажнымъ мосткамъ, могли такъ же сражаться въ рукопашную, какъ они привыкли это дѣлать на сушѣ; онъ заранее тщательно взвѣсилъ свои шансы противъ непріятеля, искуснаго въ морскомъ дѣлѣ, но самонадѣяннаго и имѣвшаго плохихъ начальниковъ. Карфагеняне замѣтили на приближавшихся къ нимъ въ сомкнутомъ строю (въ какомъ именно — неизвѣстно) римскихъ корабляхъ неуклюжихъ „вѣроновъ“ и хотя и были удивлены, но не приняли никакихъ мѣръ противъ нихъ, а ограничились однѣми насмѣшками. Возможно, что и самое названіе „вѣронъ“ произошло отъ какой-нибудь изъ этихъ насмѣшекъ. Однако когда корабли столкнулись

37. Значеніе
отваги.

38. Рѣши-
мость Дуилія.

**39. Боевые
приемы рим-
лянъ.**

носъ къ носу, римляне тотчасъ же пустили ихъ въ ходъ. Съ какой бы стороны кареагеняне ни атаковывали—штевень противъ штевня или проходя вплотную вдоль борта противника съ цѣлью обломать ему весла—тяжелые абордажные мостки падали на ихъ палубу и пробивали ее острымъ крюкомъ; по этимъ мосткамъ на ихъ корабли, удерживаемые „вѣрономъ“ тотчасъ же двойнымъ рядомъ устремлялись многочисленные легионеры, защищенные отъ метательныхъ снарядовъ стѣнками, щитами и шлемами.

Кареагеняне были совершенно поражены этимъ неожиданнымъ способомъ атаки; въ рукопашномъ бою ихъ солдаты далеко уступали римлянамъ, которые сверхъ того значительно превосходили ихъ численностью; они были не въ состояніи долго сопротивляться, и вскорѣ всѣ 30 кораблей, съ которыми Ганнибалъ произвелъ первую атаку, были взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ и флагманскій корабль; адмиралу едва-едва удалось на шлюпкѣ бѣжать къ своимъ главнымъ силамъ.

Однако онъ все-таки не хотѣлъ признать сраженія проиграннымъ. Такъ какъ атака съ носа оказалась неудачной, онъ приказалъ своимъ кораблямъ, превосходившимъ непріятеля въ быстротѣ и поворотливости, окружить римлянъ, чтобы атаковать ихъ съ бортовъ или съ кормы; римляне однако оказались настолько искусными, что сумѣли парировать этотъ приемъ, и атакующій вездѣ встрѣчалъ угрожающаго „вѣрона“, который могъ поворачиваться на обѣ стороны приблизительно на 300°. Потерпѣвъ значительныя потери, Ганнибалъ, не имѣя больше никакой надежды на успѣхъ, прекратилъ бой и началъ отступать, чему Дуилий со своими тихоходными кораблями не могъ помѣшать.

**40. Петери
кареагенянь.**

Кареагеняне потеряли не менѣе 50 кораблей, 3.000 убитыхъ и 7.000 плѣнныхъ; потери римлянъ были ничтожны. Такимъ образомъ Дуилий въ первомъ же сраженіи одержалъ полную блестящую побѣду, при чемъ однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что ему благоприятствоваль и случай ¹⁾, такъ какъ погода была хорошая и море спокойно; что впрочемъ обычно бываетъ лѣтомъ на Средиземномъ морѣ.

¹⁾ Это вѣрно. Но этотъ «случай» ему доставилъ Ганнибалъ, который имѣя флотъ, обладавшій большей быстроходностью, не уклонился отъ боя при неблагоприятныхъ для него условіяхъ. *Ред.*

Вслѣдствіе побѣды при Миле Дуилий получилъ возможность усилить свою армію экипажами съ кораблей, освободить отъ осады Эгесту, которой грозила серьезная опасность и снова оттѣснить кареагенянъ въ ихъ укрѣпленные гавани; однако, гораздо важнѣе этихъ практическихъ результатовъ былъ моральный эффектъ этой битвы. Первая въ мірѣ морская держава, народъ-мореплаватель по преимуществу, который въ тѣ времена занималъ приблизительно такое же мѣсто, какъ нынѣ Англія,—флотъ, царившій на всѣхъ моряхъ и далеко превосходившій всѣ другіе флоты, обладавшій укрѣпленными гаванями на всѣхъ значительныхъ пунктахъ, колоніями, разсѣянными по всему известному тогда міру, производившій обширнѣйшую и выгоднѣйшую морскую торговлю и потому обладавшій громадными богатствами, обеспеченный отъ атаки съ суши,—при первомъ же столкновеніи былъ на голову разбитъ на его собственной стихіи противникомъ, совершенно неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ на морѣ и обладавшимъ гораздо болѣе слабымъ флотомъ. Подобно тому, какъ престижъ аѣнскаго флота былъ мало-по-малу подорванъ четырьмя послѣдовательными сраженіями въ сиракузской бухтѣ ¹⁾, такъ морское могущество Кареагена было опрокинуто однимъ ударомъ.

41. Послед-
ствія побѣды
римлянъ.

Въ этомъ отношеніи сраженіе у Миле заслуживаетъ особаго вниманія. И здѣсь, какъ и тамъ, объясненія нужно искать не въ тактикѣ флотовъ, т. е. не въ построении и не въ примѣненіи боевыхъ силъ, а въ способѣ дѣйствія одного корабля противъ другого. Аѣняне въ послѣднемъ своемъ сраженіи также рассчитывали на абордажный бой, принявъ во вниманіе усвоенный сиракузянами способъ атаки съ носа; однако успѣха они не имѣли, такъ какъ сиракузяне, благодаря хорошей освѣдомленности, во-время узнали объ ихъ приготовленіяхъ и приняли необходимыя мѣры (мокрыя кожи) противъ заготовленныхъ ими абордажныхъ крюковъ. Напротивъ того, у Миле изобрѣтеніе римлянъ явилось совершенно неожиданнымъ для непріятеля, который въ своемъ самоувѣреніи совершенно не заботился о томъ, что дѣлали римляне.

42. Значеніе
абордажного
боя.

Главнѣйшая задача тактики—обеспечить себѣ перевѣсъ въ силахъ на рѣшительномъ пунктѣ—достигается въ тактикѣ

¹⁾ См. т. I, стр. 301—312.

флотовъ численностью кораблей, а въ бою корабля противъ корабля—дѣйствіемъ подавляющей массы; въ данномъ случаѣ дѣйствіе это при помощи „вороновъ“ было достигнуто болѣе искусными и болѣе многочисленными легионерами, дѣйствовавшими при томъ совершенно неожиданно.

Параллельными примѣрами изъ новѣйшаго времени могли бы послужить слѣдующіе: *Merrimac* со своимъ тараномъ и броней, который разсѣялъ большую блокадную эскадру у Гамптона, частью уничтоживъ ее, а частью вселивъ въ нее непреодолимый ужасъ, могъ бы рѣшить участь войны, если бы случайно, какъ разъ въ это время не оказался готовымъ и не прибылъ тотчасъ на мѣсто *Monitor*. Въ половинѣ 60-хъ годовъ французскій флотъ превосходилъ англійскій численностью броненосцевъ, снабженныхъ таранами, что давало ему значительное преимущество, или наконецъ мины. Флотъ, вооруженный минами, противъ флота, не имѣющаго ихъ!

43. Значеніе
техническихъ
усовершен-
ствованій.

Примѣръ сраженія при Миле показываетъ, какое рѣшающее значеніе можетъ имѣть техника для морского боя и какъ необходимо внимательно слѣдить за ея успѣхами во всѣхъ странахъ.

Въ военномъ искусствѣ не существуетъ точно определенныхъ условій, которыя обезпечивали бы успѣхъ: у Рима тихоходныя суда съ менѣе опытными экипажами и съ неумѣлыми вождями окружили опытный въ таранномъ бою непріятельскій флотъ и были на-голову разбиты, а у Миле, при совершенно сходныхъ условіяхъ, такія же суда одержали блестящую побѣду.

Вѣрная оцѣнка обстановки въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и соответственное примѣненіе боевыхъ силъ только одни могутъ обезпечить военачальнику вѣроятность успѣха.

44. Почести
Дуилию.

Въ Римѣ вполне оцѣнили значеніе побѣды у Миле; Дуилию, помимо другихъ почестей, былъ назначенъ триумфъ, т. е. торжественный въѣздъ въ Римъ; для увѣковѣченія побѣды была воздвигнута колонна, украшенная корабельными носами (*columna rostrata*), которая, пролежавъ много столѣтій подъ развалинами древняго Рима, въ 1565 г. была снова извлечена на свѣтъ Божій и, вмѣстѣ съ древнею надписью, цѣла до сихъ поръ. Въ новѣйшее время Дуилию была ока-

запа почеть тѣмъ, что одинъ изъ крупныхъ итальянскихъ броненосцевъ получилъ названіе Duilio.

Ганнибалъ въ Каррагенѣ спасъ свою жизнь при помощи хитрости. „Долженъ ли я быть атаковать?“ — „Да.“ — „Соответственно этому и получились результаты“¹⁾.

Одержавъ побѣду на морѣ, римляне получили свободный выборъ способа дальнѣйшаго веденія войны, а именно они могли или 1) настолько ослабить Каррагенъ, отнявъ у него Сицилію, Сардинію и Корсику, чтобы вынудить его заключить миръ, или же 2) прямо атаковать самый Каррагенъ и тѣмъ принудить его къ заключенію мира, если не совоѣтъ его подчинить.

Неизвѣстно по какимъ соображеніямъ сенатъ остановился на первомъ стратегическомъ планѣ. Римляне предприняли походъ на Корсику, взяли штурмомъ Алерію и завоевали весь островъ. Нападеніе на Сардинію въ 258 году окончилось неудачей; въ слѣдующемъ году оно было повторено, но также не дало рѣшительнаго результата. На Сициліи тоже не было одержано новыхъ успѣховъ: укрѣпленные города Панормусъ, Дрепанумъ и Лилибеумъ противостояли всѣмъ атакамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у каррагенянъ появился искусный предводитель — Гамилькаръ Барка.

Происходили случайные бои, которые, однако, не имѣли большого значенія; таковъ былъ бой, происшедшій въ 257 году до Р. Хр. у мыса Тиндара, недалеко къ западу отъ Миле. Римляне стояли въ бухтѣ и замѣтили проходившихъ мимо въ безпорядкѣ каррагенянъ; консулъ спѣшно подготовилъ суда къ бою, и съ первыми 10-ю бросился на непріятеля, но былъ имъ окруженъ; суда его были потоплены, и лишь онъ одинъ спасся благодаря тому, что его корабль былъ особенно хорошо вооруженъ; ему на помощь вышли главныя силы его флота и атаковали каррагенянъ, утопили 8 судовъ и захватили въ плѣнъ 10; обѣ стороны приписывали побѣду въ этомъ сраженіи себѣ.

¹⁾ Этотъ вопросъ отъ имени Ганнибала былъ заданъ его посланнымъ въ Каррагенскомъ сенатѣ, при чемъ предварительно онъ краснорѣчиво въобразилъ положеніе Ганнибала, очутившагося во главѣ стараго, издревне владѣвшаго моремъ флота, въ присутствіи наглаго новичка съ тихходными, неуклюжими кораблями, хотя и снабженными на носу какими-то невѣдомыми машинами.

Ред.

45. Дальнѣйшія событія.

46. Римляне атакуютъ Корсику и Сардинію.

47. Морское сраженіе у мыса Тиндара.

При такомъ способѣ веденія войны нельзя было ожидать рѣшительныхъ результатовъ; между тѣмъ морская торговля римлянъ пришла въ упадокъ, и убытки, которые они терпѣли, превышали убытки кареагенянъ; тогда наконецъ они рѣшили послѣдовать примѣру Агаеокла, переправиться въ Африку и идти прямо на Кареагенъ.

48. Походъ въ Кареагенъ. Однако они не хотѣли братья за это предпріятіе, подобно Агаеоклу, съ ничтожными силами. А потому была собрана громадная армія, во главѣ которой были поставлены два консула: Л. Манлій Вульзонъ и Аттилій Регуль.

Флотъ состоялъ не менѣе, какъ изъ 330 военныхъ судовъ, все пентеры и лишь флагманскіе корабли обоихъ консуловъ были гексерами (въ шесть рядовъ веселъ); кромѣ того было множество транспортныхъ судовъ. Съ этимъ флотомъ римляне весной не пошли прямо на югъ черезъ открытое море кратчайшимъ путемъ къ Кареагену, а, не будучи опытными въ навигаціи, направились вдвое болѣе длинной дорогой вдоль береговъ Италіи къ Мессанѣ; отсюда они также не пошли вдоль сѣвернаго берега Сициліи, такъ какъ пришлось бы проходить мимо кареагенскихъ гаваней Панормуса и друг., а направились вокругъ мыса Шахинуса, вдоль южнаго берега острова. У устья рѣки Гимеры, недалеко отъ Экномоса, они нашли 40.000-ую армію, готовую къ походу, и посадили ее на суда, главнымъ образомъ на военные, такъ что на каждую пентеру, кромѣ 300 человѣкъ гребцовъ, приходилось еще по 120 легионеровъ; такимъ образомъ экипажъ флота, не считая транспортныхъ судовъ, насчитывалъ 140.000 человѣкъ.

49. Боевыя силы Кареагена. Кареагенскій флотъ весной отправился въ Лилибеумъ. Кареагеняне были уже освѣдомлены о приготовленіяхъ римлянъ; флотъ ихъ состоялъ изъ 350 кораблей съ 150.000 человѣками экипажа; послѣдняя цифра должна считаться преувеличенной, такъ какъ у нихъ на судахъ не было никакой арміи, а при обычной численности экипажа въ 375 человѣкъ, получается всего только 131.000. Они узнали о выходѣ римскаго флота, пошли ему навстрѣчу и встрѣтились съ нимъ у Экномоса. Если не считать Саламинской битвы, на этотъ разъ были собраны самыя крупныя боевыя силы, которыя когда либо участвовали въ морскомъ сраженіи, а именно

680 кораблей и 290.000 человекъ (или 650 кораблей и 270.000 человекъ).

Римляне раздѣлили свой флотъ на четыре эскадры по числу легионовъ, при чемъ четвертая эскадра была сильнѣе трехъ первыхъ и состояла изъ 90 судовъ, въ то время, какъ остальные имѣли каждая по 80; первой и второй эскадрами командовали консулы. При построении боевого порядка консулы задались цѣлью, во первыхъ, не дать кареагенянамъ воспользоваться своими преимуществами въ быстротѣ хода и въ умѣнии маневрировать, и во вторыхъ—прикрыть транспортный флотъ.

Возлагать на военный флотъ задачу прикрывать транспортный флотъ на походѣ черезъ море въ непріятельскую страну ранѣе, чѣмъ господство на морѣ будетъ вполне обеспечено, должно въ принципѣ считаться ошибочнымъ, такъ какъ морской бой по существу своему заключается въ движеніи и въ наступленіи,¹ а потому командующій флотомъ долженъ имѣть возможность беспрепятственно распоряжаться движеніями всѣхъ своихъ судовъ; между тѣмъ необходимость охранять транспортный флотъ мѣшаетъ этому, и такимъ образомъ создается противорѣчіе между лежащей въ основѣ дѣла идеей наступления и необходимостью держаться, хотя бы отчасти, оборонительнаго образа дѣйствій.

Консулы пытались примирить эти два требованія, для чего имъ пришлось отказаться отъ быстрыхъ передвиженій и отъ тараннаго боя, въ чемъ въ тѣ времена собственно и заключалась энергичная атака; они выбрали такое построение, которое даетъ возможность проявить наибольшую наступательную силу при движеніи впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ наилучшую защиту противъ таранной атаки. А именно, они построили свои эскадры клиномъ, внутри котораго были поставлены транспортный флотъ; арьергардъ былъ поставленъ позади, что создавало, вопреки тогдашней практикѣ, глубокое построение (см. табл. II и табл. III, схема I).

Оба флагманскіе корабли находились во главѣ клина, при чемъ къ нимъ примыкала уступами съ правой стороны первая, а съ лѣвой стороны вторая эскадра; съ тыловой стороны клина шла третья эскадра въ строѣ фронта, имѣя на буксирѣ транспортныя суда; все построение замыкалось четвертой эскадрой, находившейся также въ строѣ фронта,

50. Силы флота у Эннососа.

51. Ошибочность совѣстнаго похода военнаго и транспортнаго флотовъ.

52. Морское сраженіе у мыса Эннососа. Боевой строй римлянъ.

параллельно и позади третьей эскадры. Въ виду того, что число кораблей въ четвертой эскадрѣ было больше, чѣмъ въ остальныхъ, концы ея съ обѣихъ сторонъ выдавались за линію транспортовъ, а правымъ флангомъ она, во избѣжаніе обхода, примыкала къ берегу. Цѣлю этого построенія очевидно было намѣреніе прорвать клиномъ середину непріятельской линіи, воспользовавшись перевѣсомъ силъ, который получался вслѣдствіе глубокаго построенія, и занести въ мѣстѣ прорыва рѣшительный ударъ; резервъ долженъ былъ тѣмъ временемъ охранять все построеніе отъ атаки съ тыла, а третья эскадра—прикрывать транспорты или, въ случаѣ надобности, отвести ихъ въ безопасное мѣсто.

Построеніе это казалось выгоднымъ во многихъ отношеніяхъ: 1) оно имѣло выгоды массивности и глубины, въ противоположность обычнымъ длиннымъ и тонкимъ линіямъ строя фронта; благодаря этому достигалось лучшее сосредоточеніе силъ, 2) оно обезпечивало римлянамъ перевѣсъ силъ въ пунктѣ атаки, 3) построеніе уступами лучше всего обезпечивало отъ атаки таранами, и, наконецъ, 4) транспортный флотъ былъ сравнительно хорошо прикрытъ.

Однако все это были только кажущіяся преимущества, т. е. такія, которыхъ нельзя было долго удерживать за собой; за то въ построеніи этомъ имѣлось много серьезныхъ слабыхъ сторонъ, а именно: а) построеніе это вообще являлось чрезчуръ искусственнымъ, такъ какъ почти невозможно сохранить порядокъ въ строю уступами изъ 75-80 кораблей, даже при хорошей погодѣ, спокойномъ морѣ и при очень искусныхъ экипажахъ на корабляхъ; б) весь флотъ вынужденъ былъ сообразовать быстроту своего хода съ шедшими на буксирѣ транспортными судами и в) свобода движенія отдѣльныхъ кораблей, а также дивизионовъ и другихъ болѣе мелкихъ подраздѣленій была связана.

Построеніе это имѣло наступательный характеръ, но ничтожная быстрота хода и недостатокъ гибкости, необходимой въ морскомъ бою, противорѣчили этому характеру (помѣщеніе транспортовъ между третьей и четвертой эскадрами). Это обстоятельство, а также оставленіе части флота въ резервъ доказываетъ, что авторами этого построенія были люди можетъ быть опытные въ сухопутной войнѣ, но не понимавшіе морской войны.

Караегеняне, флотъ которыхъ былъ также раздѣленъ на четыре эскадры, выстроили три изъ нихъ развернутымъ фронтомъ (въ видѣ полумѣсяца), при чемъ ихъ правый флангъ (третья эскадра), состоявшій изъ самыхъ быстроходныхъ судовъ, далеко выдавался въ сторону открытаго моря за расположеніе римлянъ. Четвертая эскадра на крайнемъ лѣвомъ флангѣ шла въ кильватерной колоннѣ въ строѣ пеленга, вблизи и вдоль берега.

53. Боевой
строй карае-
генянь.

Какъ только вершина массивнаго римскаго клина подошла къ караегенскому центру, караегенскій адмиралъ Гамилькаръ приказалъ этому центру (первая и вторая эскадры) повернуть и начать уходить. Консулъ Регулъ, чеповѣкъ горячій и упрямый, бросился за ними съ первой эскадрой, при чемъ въ пылу преслѣдованія скоро развилъ полный ходъ; другой консулъ послѣдовалъ его примѣру; такимъ образомъ они отдѣлились отъ третьей эскадры, которая, имѣя на буксирѣ транспорты, не могла послѣть за ними; вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдать строй пеленга было трудно, а потому порядокъ въ строю нарушился; вслѣдствіе этого хитро задуманное искусственное боевое построеніе римлянъ было разстроено уповкой караегенскаго адмирала; флотъ римлянъ раздѣлился на двѣ части, а строй обѣихъ эскадръ, преслѣдовавшихъ непріятели, былъ нарушенъ (см. табл. III, схема II).

54. Тактиче-
скій пріемъ
Гамилькара.

Гамилькаръ увидя, что цѣль его достигнута, и находя, что разстояніе между обѣими частями непріятельскаго флота настолько велико, что даетъ возможность разбить ихъ порознь, раньше, чѣмъ онѣ успѣютъ подать другъ другу помощь, сигналомъ приказалъ своему центру сдѣлать поворотъ кругомъ и атаковать преслѣдовавшихъ его и уже разстроенныхъ при преслѣдованіи римлянъ съ фронта, охватывая ихъ въ то же время съ фланга и съ тыла. Тутъ завязался горячій бой, главнымъ образомъ съ первой римской эскадрой, къ которой вскорѣ пришла на помощь и вторая; какъ только бой перешелъ на близкую дистанцію, римляне пустили въ ходъ своихъ „вороновъ“.

Тѣмъ временемъ лѣвый флангъ караегенянь продолжалъ идти впередъ и вмѣсто того, чтобы атаковать римлянъ во флангъ, выстроилъ развернутый фронтъ и бросился на третью римскую эскадру; эскадра эта тотчасъ же бросила

55. Продолже-
ніе сраженія.

буксиры, дала транспортамъ укрыться подъ берегомъ въ бухтѣ около Финтіаса, и приняла бой.

Почти въ то же время правый флангъ кареагенянъ (третья эскадра), обойдя неприятельскій флотъ по дугѣ, подошла къ четвертой римской эскадрѣ, успѣшно атаковала ее во флангъ и въ тылъ, и погнала ее къ берегу, въ ту бухту, гдѣ укрылись транспорты (см. табл. III, схема II); здѣсь однако римлянамъ удалось оправиться, выстроить развернутый фронтъ, и хотя съ большимъ трудомъ отразить кареагенянъ при помощи „вороновъ“; послѣдніе не рѣшились подойти къ римлянамъ носъ къ носу. Третья римская эскадра тоже была вынуждена отступить передъ неприятелемъ и укрылась подъ берегомъ, такъ какъ бой въ открытомъ морѣ давалъ кареагенянамъ слишкомъ большія преимущества (см. табл. IV, схема III).

Такимъ образомъ бой шелъ въ трехъ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, мѣстахъ; боевой порядокъ римлянъ былъ совершенно разстроенъ, но число кораблей съ обѣихъ сторонъ во всѣхъ трехъ мѣстахъ было приблизительно одинаковое.

Кареагеняне дѣйствовали ловко и, по существу, правильно, но сдѣлали ту ошибку, что ни на одномъ мѣстѣ не обезпечили себя такого перевѣса силъ, который склонилъ бы побѣду на ихъ сторону раньше, чѣмъ подоспѣетъ къ римлянамъ помощь; а главное—они за четыре года не нашли никакого способа парировать дѣйствіе „вороновъ“. При такихъ обстоятельствахъ рѣшающее значеніе приобрѣло искусство въ одиночномъ бою корабля съ кораблемъ, а въ этомъ отношеніи римляне, благодаря численности и искусству своихъ легіонеровъ, стояли значительно выше кареагенянъ.

**56. Бѣгство
кареагенскаго
центра.**

Послѣ продолжительнаго боя кареагенскій центръ обратился въ бѣгство, и такимъ образомъ освободилъ первую и вторую римскія эскадры, изъ которыхъ послѣдняя пострадала очень мало (см. табл. IV, схема III). Командовавшій ею консулъ Люцій, человекъ обстоятельный, занялся сборомъ многочисленныхъ призовъ, захваченныхъ Регуломъ, между тѣмъ, какъ послѣдній, видя, что вторая эскадра и транспортный флотъ подвергаются большой опасности въ бухтѣ у Экономоса, тотчасъ же повернулся кругомъ, чтобы идти имъ на помощь и атаковать съ тыла нападавшіе кар-

оагенскіе корабли, которые въ началѣ боя входили въ составъ праваго фланга (см. табл. IV, схема IV). Командовавшій этой эскадрой Ганнонъ во время замѣтилъ опасность и обратился въ бѣгство въ открытое море, гдѣ и спасся почти со всѣми своими кораблями. Лѣвый флангъ кареагенянь, сражавшійся съ третьей римской эскадрой, поступилъ иначе: командовавшій этимъ флангомъ, которому выступъ берега вѣроятно закрывалъ поле зрѣнія, увлеченный боемъ не замѣтилъ, что Регуль, а затѣмъ и другой консуль, приближаются къ нему съ тыла, и потерялъ при послѣдовавшей атакѣ втрое превосходившихъ его силъ не менѣе 50 кораблей. Только немногимъ кораблямъ удалось уйти изъ окружившаго ихъ кольца и бѣжать полнымъ ходомъ вдоль берега (см. табл. IV, схема IV).

Побѣда была одержана римлянами уже раньше, но крупный матеріальный успѣхъ достался имъ именно въ этомъ мѣстѣ; они потеряли 24 корабля, которые всѣ потонули и ни одинъ не достался неприятелю; потери людьми составляли около 10.000 человекъ. Кареагеняне потеряли около 100 кораблей (64 были взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ экипажемъ, болѣе 30 потоплено) и до 40.000 человекъ.

Кареагенскій флотъ возвратился въ Кареагенъ; онъ былъ настолько ослабленъ, что уже не могъ противостоять римлянамъ; послѣднимъ тоже пришлось идти въ гавань для исправленія поврежденных; они вернулись въ Мессану, произвели починки, но не отказались отъ предпринятой экспедици, и вскорѣ безпрепятственно высадили около Кульпнеи значительную армию. Началась война въ Аѳрикѣ.

При описаніи хода сраженія уже отмѣчены наиболѣе существенные моменты, имѣющіе значеніе съ точки зрѣнія военной науки; поэтому намъ остается еще только отмѣтить, что римское построеніе, при всѣхъ своихъ бросающихся въ глаза недостаткахъ, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исходило изъ правильныхъ и новыхъ въ морской тактикѣ соображеній. Здѣсь мы въ первый разъ встречаемся 1) съ глубокимъ построеніемъ явнымъ, чѣмъ кильватерная колонна, 2) съ взаимной поддержкой кораблей противъ таранной атаки и 3) съ прорывомъ неприятельской линіи посредствомъ клина.

57. Побѣда римлянъ. Потери обѣихъ сторонъ.

58. Высадка римлянъ въ Африкѣ.

59. Заключительная замѣчанія.

Надо отдать справедливость смѣлости этихъ идей, хотя онѣ и были заимствованы изъ сухопутной тактики и применены къ дѣйствіямъ на морѣ безъ основательнаго знакомства съ послѣдними. Дальнѣйшаго развитія эти идеи не получили, но тѣмъ не менѣе сраженіе у Экомоса навсегда сохранило интересъ въ исторіи морской тактики.

60. Отозваніе римской арміи.

Походъ римлянъ въ Африку шель успѣшно, въ руки ихъ попали многіе города, и если бы они продолжали рѣшительное наступленіе, то, вѣроятно, взяли бы и самый Каррагенъ, но сенатъ отозвалъ одного изъ консуловъ съ флотомъ и половиной арміи назадъ; съ ними было отослано въ Римъ не менѣе 20.000 рабовъ. Регулъ остался въ Африкѣ только съ 15.500 людей и 40 кораблями. Несмотря на это, Каррагенъ просилъ мира, но ему было поставлено условіемъ не только отказаться отъ Сициліи, Сардиніи и Корсики, но и выдать свой флотъ. Принять это условіе равнялось бы самоубійству, такъ какъ безъ флота невозможно морская торговля, а безъ обширной морской торговли Каррагенъ терялъ всякое значеніе; поэтому война продолжалась, но не такъ, какъ велась до тѣхъ поръ; каррагеняне напрягли всѣ свои силы и прибѣгли къ новымъ средствамъ.

61. Пораженіе Регула въ Африкѣ.

Гамилькаръ Барка былъ вызванъ изъ Сициліи, а кромѣ того, въ первый разъ за большія деньги были приглашены греческіе наемники, во главѣ которыхъ находился искусный военачальникъ, спартаецъ Ксантиппъ; была создана сильная кавалерія и заведено 100 слоновъ. Вопреки обычаю, главное командованіе въ 255 г. было поручено Ксантиппу, который, благодаря превосходству своихъ силъ и своей тактики, на голову разбилъ Регула близъ Туниса и взялъ его въ плѣнъ; только 2.000 человекъ удалось бѣжать въ Кульпею.

62. Новая морская побѣда римлянъ.

Тогда сенатъ снова отправилъ весь свой могущественный флотъ изъ 350 кораблей въ Африку; каррагеняне выступили имъ навстрѣчу у Гермейскаго мыса, но были совершенно разбиты въ большомъ сраженіи, о которомъ подробныхъ свѣдѣній не имѣется; въ сраженіи этомъ они будто бы потеряли 114 кораблей. Въмѣсто того, чтобы возобновить съ новыми силами войну въ Африкѣ, римляне сами очистили даже послѣдній удобный для высадки укрѣпленный

пунктъ—Кульпею: гарнизонъ былъ посаженъ на суда и увезенъ обратно. Эти два случая отступленія изъ Африки являются совершенно необъяснимыми.

У южнаго берега Сициліи, у Камарина, флотъ былъ застигнутъ непогодой; римскіе военачальники не обратили вниманія на совѣты бывшихъ при нихъ опытныхъ моряковъ, послѣдствіемъ чего была гибель около 280 кораблей и гораздо болѣе 100.000 человекъ; это было самое крупное кораблекрушеніе извѣстное въ исторіи.

Римляне немедленно выстроили новый флотъ, состоявшій не менѣе, какъ изъ 220 кораблей; къ работѣ этой, а также и къ поставкѣ людей на суда были принудительно привлечены жители прибрежныхъ городовъ и областей, при чемъ примѣнялось жестокое насиліе.

Въ 254 году римляне отправили флотъ изъ 300 кораблей противъ Панормуса, который и былъ взятъ, такъ же, какъ и остальная часть сѣвернаго берега Сициліи, до Термъ, находившаяся между Панормусомъ и Гимерой. Въ этомъ мѣстѣ картагеняне передъ этимъ одержали нѣкоторый успѣхъ и, послѣ оставленія римлянами Кульпеи, отправили на островъ большую армію со 140 слонами. Надо, между прочимъ, сказать, что картагеняне съ ужасающей жестокостью обошлись съ отпавшимъ отъ нихъ населеніемъ въ Африкѣ, при чемъ 3.000 старѣйшинъ было распято на крестахъ.

Въ слѣдующемъ году къ берегамъ Африки былъ отправленъ римскій флотъ, имѣвшій цѣлью разграбить и опустошить эти берега; однако флотъ этотъ, вслѣдствіе неопытности въ навигаціонномъ отношеніи, потерпѣлъ аварію въ Маломъ Сыртѣ и вернулся назадъ въ Панормусъ; отсюда консулы, снова вопреки совѣтамъ моряковъ, захотѣли итти прямо въ Остію, но поднялась буря, во время которой погибло 150 судовъ и около 60.000 людей (у мыса Палинура въ Луканіи).

Громадныя усилія, которыя пришлось употребить за двѣнадцать лѣтъ войны, совершенно истощили силы и средства, какъ самаго Рима, такъ и его морскихъ союзниковъ; сенатъ также не хотѣлъ болѣе рисковать крупными операціями на коварной морской стихіи; поэтому онъ рѣшилъ отказаться отъ постройки флота и отъ морской войны и содержать только 60 кораблей для защиты береговъ, перевозки войскъ и конвойной службы; такимъ образомъ онъ предоставить

63. Крушеніе римскаго флота у Камарина.

64. Захватъ сѣвернаго берега Сициліи римскимъ флотомъ.

65. Новая крушенія римскаго флота.

66. Отказъ Рима отъ борьбы за господство на морѣ.

*

Караегену полное господство на морѣ, что было равносильно отказу отъ побѣды въ войнѣ, отъ которой зависѣло не только владѣніе моремъ, но и вообще міровое господство. Рѣшеніе это было слѣдствіемъ не проигранныхъ сраженій, такъ какъ потери римлянъ въ бояхъ были совершенно ничтожны, но слѣдствіемъ недостаточной опытности въ морскомъ дѣлѣ. Съ развитіемъ знаній и техники человекъ все болѣе и болѣе подчиняетъ себѣ стихіи, но сдѣлаться вполне независимымъ отъ нихъ ему никогда не удастся, что каждый день доказывается аваріями и потерями; поэтому и не слѣдуетъ пренебрегать морскимъ опытомъ; флотъ, который постоянно старается держаться поближе къ берегу, скоро дѣлается неспособнымъ къ службѣ въ открытомъ морѣ.

67. Сухопутная война.

Тѣмъ рѣшительнѣе повели римляне сухопутную войну въ Сициліи: они взяли Термы и другіе города; въ 251 году консулъ Метеллъ совершенно разбилъ караегенянъ въ большомъ сраженіи и взял у нихъ 120 слоновъ, что, вмѣстѣ съ другими успѣхами римлянъ, привело караегенянъ къ тому, что они снова стали просить мира, но римляне настаивали на требованіи занять и крѣпость Лилибеумъ, имѣя въ виду окончательно вытѣснить караегенянъ изъ Сициліи; на этомъ переговоры о мирѣ были прерваны.

68. Осада Лилибеума съ моря.

Римляне рѣшили овладѣть Лилибеумомъ силой и начали осаду, но скорѣй увидали, что пока крѣпость свободно общается по морю съ внѣшнимъ міромъ и получаетъ снабженіе всѣмъ необходимымъ, имъ никогда не удастся ее взять; въ виду этого, когда морскіе союзники ихъ нѣсколько оправились, они рѣшили построить новый флотъ. При той энергіи, съ которой они, по своему обыкновенію, повели это дѣло, флотъ былъ очень скоро готовъ (200 судовъ) и въ 250 году римляне осадили Лилибеумъ и съ моря: съ суши онъ уже былъ осажденъ; это была первая большая осада, которая продолжалась девять лѣтъ.

Лилибеумъ былъ сильно укрѣпленъ, входъ въ гавань, вслѣдствіе отмелей былъ очень затруднителенъ и возможенъ только для знакомыхъ съ мѣстностью людей или при помощи лодмановъ; въ виду этого римлянамъ было невозможно войти въ гавань и прямо атаковать городъ, но, отрѣзавъ городъ съ моря, они могли скоро вынудить его къ сдачѣ, тѣмъ болѣе, что городъ имѣлъ большое населеніе и, кромѣ

того, гарнизонъ, состоявшій изъ 10.000 наемныхъ солдатъ. Осадныя работы римлянъ, начатыя на югѣ, отъ берега, шли успѣшно и въ короткое время до полудюжины башенъ крѣпостной стѣны были разрушены; тѣмъ не менѣе оборона шла упорно и энергично; позади атакованной стѣны была выстроена другая, а работы римлянъ очень затруднялись вслѣдствіе постоянныхъ крупныхъ и мелкихъ вылазокъ. Тѣмъ не менѣе духъ осажденныхъ сталъ падать, вожди и солдаты начали поговаривать о сдачѣ. Въ это время явилась помощь.

Каррагеняне въ теченіе долгихъ лѣтъ безпрерывственно распоряжались на морѣ, уничтожали непріятельскую торговлю и широко развивали свою; поэтому у нихъ было время и средства на то, чтобы выстроить и содержать большой флотъ, но вслѣдствіе полного отсутствія предвидѣнія и прозорливости въ военныхъ дѣлахъ, они, какъ только римляне отказались отъ морской войны, совершенно перестали заботиться и о своемъ флотѣ; если бы не это, они имѣли бы возможность атаковать и разбить стоявшій передъ Лилибеумомъ римскій блокадный флотъ, на что теперь у нихъ не оказывалось достаточныхъ силъ. Кромѣ того, вслѣдствіе обложенія Лилибеума, они не получали оттуда никакихъ извѣстій, хотя могли съ большой вѣроятностью догадываться о положеніи дѣлъ въ немъ. Поэтому они спѣшно снарядили 50 кораблей, посадили на нихъ 10.000 солдатъ, погрузили большіе запасы продовольствія и вручили начальство надъ ними опытному морскому военачальнику Ганнибалу, которому приказали какъ можно скорѣе выходить въ море на помощь осажденному городу (см. табл. V).

Ганнибалъ пошелъ къ Эгатскимъ островамъ и сталъ ожидать благопріятнаго вѣтра, не будучи замѣченъ римлянами, которые пренебрегали развѣдкой на морѣ; затѣмъ онъ направился полнымъ ходомъ, на всѣхъ парусахъ, въ Лилибеумъ, прорвалъ застигнутый врасплохъ блокадный флотъ, который не рѣшился преслѣдовать его изъ опасенія передъ мелями, находившимися въ проходѣ и поблизости отъ него, и безъ боя, совершенно спокойно, вошелъ въ гавань; это былъ первый примѣръ прорыва блокады въ крупномъ масштабѣ и примѣръ этотъ служить доказательствомъ отваги и искусства каррагенскаго военачальника. Позднѣе такіе

69. Прорывъ блокады Ганнибаломъ въ 250 г. до Р. Хр.

прорывы повторялись довольно часто, а во время войны Сѣверныхъ и Южныхъ Штатовъ сдѣлались обычнымъ дѣломъ и обратились въ своего рода искусство. Такіе прорывы удавались чаще, чѣмъ можно и должно было бы ожидать, но необходимыми условіями для ихъ успѣшности являются смѣлость и хладнокровіе предводителя, способность его принимать быстрыя рѣшенія и точное знаніе, какъ кораблей, такъ и фаватера. Совокупность этихъ условій встрѣчается не часто, а для пріобрѣтенія ихъ необходима долгая практика.

Съ вновь прибывшими подкрѣпленіями и съ прежнимъ гарнизономъ, всего съ 20.000 человекъ, комендантъ крѣпости Гимилькаръ сдѣлалъ на другое утро вылазку для уничтоженія осадныхъ работъ; однако римляне ожидали этого и отразили кареагенянь, хотя и съ большими потерями. Ганнибалъ, выгрузивъ всѣ доставленные припасы, въ одну изъ слѣдующихъ ночей воспользовался береговымъ бризомъ и вышелъ изъ гавани; онъ снова безъ боя прошелъ черезъ блокирующій флотъ и направился въ Дрепанумъ (Трапани), отстоявшій оттуда на разстояніи всего 14 морскихъ миль.

70. Дневной прорывъ блокады Ганнибаломъ Родосскимъ.

Кареагеняне опять въ теченіе долгаго времени не получали изъ Лилибеума никакихъ извѣстій, которыми они очень интересовались; тогда другой Ганнибалъ, носившій прозвище Родосскаго, человекъ благороднаго происхожденія, и притомъ опытный и искусный морякъ, предложилъ одинъ, на своемъ собственномъ кораблѣ, прорвать блокаду и привезти извѣстія изъ Лилибеума. Никто не хотѣлъ вѣрить ему, но онъ надѣялся на свой корабль, который, повидимому, отличался особенной быстротой хода и имѣлъ особенно хорошую команду; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсчитывалъ и на свое превосходное знаніе мѣстности, при чемъ въ извилистомъ и трудномъ проходѣ въ гавань Лилибеума у него были свои примѣты на берегу и, кромѣ того, записка, въ которой былъ указанъ курсъ, котораго слѣдовало держаться. Онъ также сперва пошелъ на одинъ изъ Эгатскихъ острововъ, Эгузу (Фавианно), находившійся въ 9-ти морскихъ миляхъ отъ Лилибеума (см. табл. I), а затѣмъ воспользовался попутнымъ морскимъ бризомъ и одинъ, вполне благополучно, днемъ прошелъ мимо пораженнаго удивленіемъ блокаднаго флота.

Командовавший этимъ флотомъ консулъ былъ внѣ себя отъ дерзости прорвавшего блокаду, и чтобы не дать ему возможности ни въ какомъ случаѣ ускользнуть на обратномъ пути, поставилъ на ночь десять своихъ самыхъ быстроходныхъ кораблей у входа въ гавань; корабли эти подошли къ гавани настолько близко, насколько позволяла глубина воды, и держась на веслахъ по обѣ стороны входа, стали ждать выхода Ганнибала. Самъ консулъ стоялъ недалеко для наблюденія. Однако это нисколько не испугало Ганнибала; онъ даже не считъ нужнымъ дожидаться наступленія темноты, а пустился въ путь на глазахъ у всѣхъ; благодаря значительному превосходству въ быстротѣ хода и отличному званію мѣстности, ему и на этотъ разъ удалось вполне благополучно проскочить мимо сторожевой эскадры: по сравненію съ быстротой его хода римскіе корабли какъ будто стояли на мѣстѣ. Пройдя мимо непріятели и отплывъ на нѣкоторое разстояніе, Ганнибалъ имѣлъ дерзость остановиться, поднять весла и начать издѣваться надъ римлянами; затѣмъ онъ ушелъ въ море, при чемъ ни одинъ римскій корабль не пустился за нимъ въ погоню. Эти рейсы онъ повторилъ и еще нѣсколько разъ, послѣ чего его примѣру послѣдовали и другіе, что принесло громадное облегченіе осажденнымъ въ Лилибеумѣ, которые уже не чувствовали себя совершенно отрѣзанными отъ родины, связь съ которой постоянно поддерживалась.

Это былъ прорывъ блокады одиночнымъ судномъ совершенно въ томъ же родѣ, какъ онъ практиковался, до нѣкоторой степени въ видѣ спорта, во время войны Сѣверныхъ и Южныхъ Штатовъ; прошло однако 21 столѣтіе, раньше чѣмъ паровая сила дала возможность распоряжаться по усмотрѣнію командира движеніями корабля и повторять прорывъ блокады въ томъ видѣ, какъ это дѣлалъ Ганнибалъ.

Римляне понимали, какое значеніе для осажденнаго города имѣла поддержка сообщенія по морю, и потому пытались совершенно запереть выходъ изъ гавани, засыпавъ его или забивъ въ немъ сваи, такъ же, какъ дѣлали Сѣверные Штаты, когда пробовали загородить фарватеръ Чарльстона затопленіемъ судовъ, сваями и т. п. Вслѣдствіе илистаго дна и теченія, сдѣлать это на главномъ фарватерѣ не удалось, кромѣ одного только мѣста, имѣвшаго песчаное дно;

**71. Захватъ
блокадопро-
рывателя.**

на этомъ мѣстѣ ночью сѣлъ на мель пыгавшійся выйти въ море корабль - двойникъ того, на которомъ ходилъ Ганнибалъ, построенный на той же верфи, по тѣмъ же чертежамъ и былъ захваченъ римлянами. Они посадили на него лучшихъ людей, выбранныхъ изъ всего флота и, кромѣ того, большое число легионеровъ и стали подстерегать прорывателей блокады. Вскорѣ Ганнибалъ ночью снова благополучно вошелъ въ гавань; въ Лилибеумѣ захватъ корабля-двойника замѣченъ не былъ, такъ что и Ганнибалъ ничего не зналъ объ этомъ. Тѣмъ болѣе онъ былъ испуганъ, увидѣвши этотъ корабль, который пустился его преслѣдовать. Послѣ долгой погони онъ увидалъ, что экипажъ другого корабля превосходить его экипажъ и нагоняетъ его. Онъ рѣшился принять бой, но значительное число легионеровъ одержало верхъ надъ его людьми и, такимъ образомъ, и этотъ быстроходный корабль попалъ въ руки римлянъ. Съ этими двумя кораблями, превосходившими все другіе своей быстроходностью, римлянамъ удалось положить конецъ дѣятельности прорывателей блокады, подобно тому, какъ это удалось сдѣлать Сѣвернымъ Штатамъ, послѣ того, какъ они въ 1864 году начали строить специально для этой цѣли быстроходные пароходы.

72. Уничтоженіе осадныхъ машинъ.

Лилибеуму приходилось сдаваться отъ голода. Дѣлу не могло помочь и то, что осажденнымъ удалось поджечь часть римскихъ осадныхъ машинъ; поджогъ былъ сдѣланъ во время сильнаго вѣтра и подожжены были тѣ машины, которыя стояли на вѣтрѣ, вслѣдствіе чего все онѣ сгорѣли; возстановить ихъ въ короткое время римлянамъ не было возможности, вслѣдствіе чего они отказались отъ активной осады города и ограничились его обложеніемъ; они окружили весь городъ валомъ и рвомъ, такъ что въвозъ или вывозъ изъ него сталъ совершенно невозможнымъ. Однако въ 249 году въ командованіе римскими войсками вступили новые консулы, а вмѣстѣ съ тѣмъ наступила и нѣкоторая перемѣна обстоятельствъ.

73. Побѣда Адгербала надъ Публиемъ Клавдіемъ у Дрепанума.

Судовые экипажи принимали дѣятельное участіе въ осадѣ и при этомъ понесли значительныя потери; обстоятельство это было извѣстно карфагенянамъ, а въ томъ числѣ и адмиралу Адгербалу, стоявшему съ флотомъ въ Дрепанумѣ. Для пополненія экипажей къ Лилибеуму было приставо сухимъ

путемъ 10.000 матросовъ, которыхъ консулъ Публий Клавдій Пульхеръ, принявшій главное командованіе въ Сициліи, распредѣлилъ по всѣмъ кораблямъ. Публий Клавдій рассчитывалъ воспользоваться моментомъ, пока Адгербалъ еще не узналъ, что римскій блокадный флотъ снова пополнилъ свои экипажи и приобрѣлъ (какъ онъ полагалъ) полную боеспособность, и уничтожить непріятельскій флотъ внезапной атакой его въ Дрепанумъ. Съ этой цѣлью онъ вышелъ ночью съ 123 кораблями (нѣкоторые авторы называютъ гораздо большую цифру) изъ Лилибеума, рассчитывая пройти вдоль берега въ кильватерной колоннѣ, и на разсвѣтѣ войти въ гавань Дрепанума, отстоявшую всего въ 14 морскихъ миляхъ; однако, какъ это часто случается при ночныхъ экспедиціяхъ съ мало-надежными и плохо обученными войсками, если заранѣе не обдуманы тщательно всѣ мѣстные условія—отрядъ сильно запоздалъ. Кромѣ того, Клавдій сдѣлалъ промахъ, поставивъ свой флагманскій корабль въ самомъ хвостѣ всей длинной колонны, такъ что лишился возможности имѣть общее наблюденіе и фактически выпустилъ управленіе эскадрой изъ рукъ (см. табл. VI, a, b).

Вслѣдствіе этого, хотя наступленіе римскаго флота дѣйствительно озадачило Адгербала, онъ, тѣмъ не менѣе, при его появленіи успѣлъ посадить людей на суда; онъ сталъ во главѣ своего флота, и, чтобы не быть атакованнымъ въ тѣсномъ мѣстѣ, повелъ его въ кильватерной колоннѣ вонъ изъ гавани, вдоль тянущихся къ западу отмелей и островковъ, въ открытое море; затѣмъ онъ повернулъ влѣво и пошелъ къ югу, вдоль берега, параллельно шедшей къ сѣверу римской кильватерной колоннѣ, и прошелъ мимо всей этой колонны до послѣдняго ея корабля (см. табл. VI, d.). Тѣмъ временемъ голова римской колонны, не руководимая консуломъ, и слѣдуя полученному ранѣе приказанію, вмѣсто того, чтобы атаковать кареагенянъ или итти за ними, стала входить черезъ узкій проходъ въ тянущуюся къ востоку гавань. Клавдій, замѣтивъ, наконецъ, что рассчитанный имъ ударъ не удался, и что кареагенскій флотъ, вмѣсто того, чтобы оказаться запертымъ въ гавани, грозитъ обойти и атаковать его въ морѣ, приказалъ повернуть кругомъ и выстроиться противъ непріятеля въ боевомъ порядкѣ; но тутъ, при попыткѣ выйти изъ тѣсной гавани черезъ узкій проходъ

въ то время, какъ послѣдующіе корабли еще продолжали входить въ нее, произошло большое замѣшательство, вызванное тѣмъ, что на веслахъ работало большое число новыхъ, неумѣлыхъ людей. Корабли сталкивались другъ съ другомъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ еще до начала сраженія потеряли отчасти свою боепособность. Между тѣмъ, корабли еще не вошедшіе въ гавань стали выстраиваться развернутымъ фронтомъ у самаго берега, очень отлого спускавшася въ море, при чемъ корма ихъ оказалась такъ близко къ берегу, что при малѣйшемъ движеніи назадъ корабли должны были неминуемо сѣсть на мель; выходяшіе изъ гавани корабли, насколько было возможно, пристраивались къ этому фронту (см. табл. VI, с, хуз). Раньше чѣмъ закончилось это построеніе, Адгерваль повернулъ свои корабли одновременно на 8 румбовъ (90°) влѣво и атаковалъ римлянъ (см. табл. VI, е, f).

**74. Тактиче-
сная обста-
новка.**

Сближеніе противниковъ произошло такимъ образомъ штевнями; если бы строй былъ въ полномъ порядкѣ, и при нормальныхъ обстоятельствахъ, римляне имѣли бы возможность отразить непріятели посредствомъ бордажныхъ мостковъ, какъ это случалось ранѣе при такой же обстановкѣ; но на этотъ разъ обстоятельства сложились для нихъ неблагоприятно. Во первыхъ, правый флангъ ихъ находился въ безпорядкѣ, и нѣкоторые корабли уже потерпѣли аварію, что повліяло на ихъ способность маневрировать; во вторыхъ способность маневрированія и всѣхъ остальныхъ римскихъ кораблей была неудовлетворительна вслѣдствіе того, что на веслахъ было много новыхъ, совершенно неумѣлыхъ людей; въ третьихъ, римскіе корабли были лишены возможности приходить другъ къ другу на помощь, и каждый изъ нихъ долженъ былъ сражаться стоя на своемъ мѣстѣ, такъ какъ при движеніи впередъ они подвергались непріятельской атакѣ со всѣхъ сторонъ, а при движеніи назадъ рисковали сѣсть кормой на мель; для того же, чтобы сдѣлать обходъ сзади, не хватало мѣста; и наконецъ, въ четвертыхъ,—не было на лицо надлежащаго руководства, такъ что съ самаго начала произошла путаница среди кораблей и возникла растерянность среди людей.

Каррагеняне наоборотъ имѣли позади себя свободное море, могли безпрепятственно передвигаться и, по мѣрѣ

надобности, могли сосредоточивать свои силы; они могли входить въ широкіе промежутки между непріятельскими кораблями и атаковать одинъ корабль двумя или тремя судами одновременно съ разныхъ сторонъ. Такимъ образомъ имъ представлялась возможность использовать свою подвижность; кромѣ того, во главѣ ихъ, въ лицѣ Адгербала, стоялъ искусный адмиралъ, который умѣлъ ихъ воодушевить. Вслѣдствіе этого сраженіе вскорѣ приняло неблагоприятный для римлянъ оборотъ: нѣсколько кораблей, которые выдвинулись впередъ для атаки, были потоплены, другіе сѣли на мель или наткнулись на скалистые островки; больше всего пострадалъ правый флангъ, на который кареагеняне всего сильнѣе вели атаку.

Консулъ Клавдій, увидѣвъ, что сраженіе проиграно, бросился бѣжать на своемъ крайнемъ лѣво-фланговомъ кораблѣ вдоль берега къ Лилибеуму (см. табл. VI); съ нимъ вмѣстѣ удалось уйти приблизительно 30-ти кораблямъ съ лѣваго фланга, всѣ остальные были уничтожены или захвачены въ плѣнъ—всего 93 корабля съ 40.000 человекъ экипажа, а по другимъ свѣдѣніямъ, даже 137 кораблей, экипажъ которыхъ долженъ быть доходить до 50.000 человекъ. Это было единственной морской побѣдой кареагенянъ въ этой продолжительной и преимущественно морской войнѣ, длившейся 24 года; но за то эта побѣда была и самой рѣшительной, такъ какъ сами кареагеняне ни въ одной битвѣ не теряли болѣе $\frac{3}{4}$ своихъ кораблей.

75. Потери
римлянъ.

Выводы, которые можно сдѣлать изъ этого сраженія, очевидны:

76. Выводы.

1) было неправильно идти немедленно въ бой, имѣя въ составѣ экипажей большую часть новобранцевъ;

2) такъ же неправильно было предполагать, что корабли съ такими экипажами будутъ въ состояніи точно рассчитать ночью свое движеніе, чтобы произвести атаку на разсвѣтѣ; съ людьми, недавно поступившими на службу, необходимо было соблюдать осторожность въ расчетахъ;

3) было ошибкой выстраивать для такой атаки многочисленный флотъ въ кильватерную колонну, которая неизбежно должна была ночью разстроиться; головной части пришлось одной начинать атаку, и она легко могла быть разбита раньше, чѣмъ подоспѣтъ аріергардъ.

77. Ошибочная позиция корабля командующаго флотомъ.

Особеннаго же вниманія заслуживаетъ плохое руководство флотомъ. Съ перваго взгляда очевидно, что командующій флотомъ, занявшій со своимъ кораблемъ мѣсто въ самомъ хвостѣ походной кильватерной колонны, голова которой должна была начать атаку — сдѣлать грубѣйшую ошибку. Онъ потерялъ возможность слѣдить за общимъ ходомъ дѣла, не могъ, въ непредвидѣнныхъ случаяхъ, отдать никакого распоряженія, флагманскій корабль его уже не являлся руководящимъ для всего флота, а наоборотъ самъ долженъ былъ слѣдовать за движеніями остальныхъ судовъ; однимъ словомъ, онъ совершенно выпустилъ изъ рукъ управленіе флотомъ. Въ данномъ случаѣ командовавшій авангардомъ получилъ очевидно приказаніе ввести голову колонны въ гавань Дрепанума и атаковать кареагенскіе корабли, которые предполагалось захватить врасплохъ и безъ экипажа. Влѣдствіе значительнаго запозданія, кареагенскій флотъ успѣлъ уйти изъ гавани еще до того, какъ въ нее вошла головная часть атакующей колонны; такимъ образомъ объекта атаки уже не было на предполагаемомъ мѣстѣ, но у командовавшаго головой колонны не хватило сообразительности или рѣшимости, а можетъ быть и того и другого вмѣстѣ, самому сдѣлать соответствующія измѣненія, т. е. начать преслѣдовать уходившаго непріятеля; онъ продолжалъ механически выполнять полученное первоначально приказаніе, несмотря на то, что приказаніе это уже совершенно не соответствовало положенію дѣла; получить же новыя указанія онъ не имѣлъ возможности, такъ какъ командующій флотомъ находился далеко позади; дѣйствительно, онъ такъ и не получилъ своевременно этихъ указаній. Отсюда и произошло замѣшательство въ узкомъ проходѣ въ гавань и аваріи и безпорядокъ на правомъ флангѣ боевого строя.

Проигрышъ этого сраженія долженъ быть приписанъ главнымъ образомъ плохому руководству флотомъ, которое выразилось прежде всего въ томъ, что командующій флотомъ занялъ совершенно неподобающее ему мѣсто, а затѣмъ и въ отсутствіи надлежащаго согласенія между нимъ и командующимъ передовой частью эскадры. Вопросъ о мѣстѣ, которое является наиболѣе подходящимъ для адмирала, чрезвычайно важенъ, и мы вернемся, можетъ быть къ нему впоследствии, здѣсь же ограничимся общимъ замѣ-

чаніемъ: наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для адмирала является то, съ котораго онъ всего лучше и вѣрнѣе можетъ руководить дѣйствіями флота.

Успѣхи кареагенянъ на морѣ не ограничились побѣдой у Дрепанума: послѣ этой побѣды Адгербаль отправилъ одного изъ начальниковъ эскадръ, Картолона, съ 100 кораблями въ Лилибеумъ для уничтоженія остатковъ блокаднаго флота. Чтобы выполнить какъ слѣдуетъ эту задачу, а не такъ какъ это сдѣлалъ Клавдій, Картолонъ подошелъ на разсвѣтѣ къ Лилибеуму, захватилъ нѣсколько римскихъ кораблей, другіе (вѣроятно, стоявшіе на мели) подожогъ и, такимъ образомъ, открытъ осажденному городу сообщеніе съ моремъ; вслѣдъ за тѣмъ, услышавъ о приближеніи новаго римскаго флота, онъ ушелъ, слѣдуя вдоль южнаго берега.

Въ то время, какъ Клавдій ушелъ къ Лилибеуму, второй консулъ 249 года, Люцій Юній, съ большимъ транспортнымъ флотомъ для снабженія припасами арміи, осаждавшей этотъ городъ, прибылъ, подъ сильнымъ прикрытіемъ, въ Мессану; здѣсь къ нему присоединились еще другіе корабли, такъ что весь флотъ состоялъ изъ 120 военныхъ и почти 800 транспортныхъ судовъ. Изъ Мессаны они пошли въ Сиракузы, гдѣ надо было взять еще запасы зерна и друг. Въ виду спѣшности дѣла, къ Лилибеуму были отправлены впередъ квесторы съ половиной транспортного флота и эскадрой пентеръ. Картолонъ подстерегъ ихъ и настигъ недалеко отъ Экомоса, но квесторы были уже предупреждены высланными впередъ развѣдочными судами, и, считая себя слишкомъ слабыми, чтобы принять сраженіе, успѣли укрыться въ бухтѣ небольшого дружественнаго римлянамъ городка—Финтіаса. Они немедленно добыли имѣвшіяся въ городѣ метательныя машины, установили ихъ на скалистыхъ выступахъ окружавшихъ бухту и, такимъ образомъ, устроили для защиты флота береговую батарею.

Картолонъ атаковалъ эту батарею, но встрѣтивъ серьезное сопротивленіе, и убѣдившись въ силѣ оборонительныхъ сооружений, удовольствовался захватомъ нѣсколькихъ кораблей, а затѣмъ сталъ для наблюденія на якорь, недалеко къ востоку отъ города. Онъ организовалъ наблюденіе за всѣмъ происходящимъ при помощи развѣдочныхъ судовъ, отъ которыхъ вскорѣ узналъ о приближеніи со стороны мыса Пахиуса

78. Картолонъ освобождаетъ Лилибеумъ отъ осады.

79. Морская стычка у Финтіаса.

консула Юнія со второй половиной флота. Чтобы не быть вынужденнымъ сражаться сразу съ обѣими частями флота, которыя, вмѣстѣ взятыя, превосходили его численностью (120 кораблей противъ 100), онъ немедленно снялся съ якоря и пошелъ навстрѣчу Юнію, который ничего не зналъ о положеніи квесторовъ у Финтіаса. Онъ встрѣтилъ его у Камарина и, такъ какъ Юній тоже не желалъ вступать въ бой, вынудилъ его стать на якорь у скалистаго берега. Римляне всегда избѣгали открытаго моря, кареагеняне, какъ моряки, наоборотъ, стремились къ нему. Атаковать римлянъ на этомъ мѣстѣ Картолонъ счелъ неудобнымъ и сталъ на якорь посереднѣ между обоими римскими флотами, такъ что могъ наблюдать за ними и получать отъ своихъ развѣдочныхъ судовъ свѣдѣнія о томъ и о другомъ. Между тѣмъ, появились признаки приближавшейся неблагоприятной погоды и вѣтеръ задулъ съ юго-запада. Опытные въ морскомъ дѣлѣ кареагеняне оставались на мѣстѣ пока опасность еще не угрожала, а затѣмъ своевременно снялись съ якоря и ушли въ открытое море; пользуясь попутнымъ вѣтромъ, они обогнули мысъ Пахинусъ и стали въ безопасности у восточнаго берега. Оба римскихъ флота, ничѣмъ не защищенные отъ бури, были выброшены на берегъ и совершенно погибли; не спасся ни одинъ корабль, при чемъ пошло ко дну болѣе 900 судовъ, на которыхъ было вѣроятно до 60.000 человекъ экипажа.

80. Нрушеніе
всего рим-
скаго флота.

81. Римская
имперская и
крейсерская
война.

Послѣ этихъ ужасныхъ потерь сенатъ снова рѣшилъ прекратить морскую войну, но за это время римскіе арматоры начали заниматься каперствомъ, какъ прибыльнымъ дѣломъ; правительство поощряло ихъ къ расширенію этого дѣла и оказывало имъ поддержку, снабжая ихъ кораблями. Тогда они стали предпринимать крупныя разбойничьи походы съ сильными эскадрами, при чемъ не ограничивались захватомъ призовъ и подрывомъ кареагенской торговли, но дѣлали даже высадки на непріятельскихъ берегахъ. Они опустошили часть Африканскаго берега, обложили контрибуціями или сожгли многіе города, при чемъ особенно пострадалъ значительный приморскій городъ Гиппо; такимъ образомъ, непріятелю былъ нанесенъ значительный ущербъ.

Тотъ фактъ, что не только отдѣльныя римскіе каперы, но даже цѣлыя эскадры могли нарушать безопасность пла-

ванія послѣ того, какъ римское правительство прекратило войну, служить новымъ доказательствомъ неспособности кареагенскаго правительства къ веденію морской войны и вообще къ военному дѣлу. Въ битвѣ у Дрепанума кареагеняне не понесли сколько-нибудь значительныхъ потерь, а на южномъ берегу, при уничтоженіи бурей громаднаго римскаго флота, не потеряли ни одного корабля; такимъ образомъ, въ ихъ распоряженіи былъ сильный военный флотъ, а также и необходимыя средства для увеличенія его по мѣрѣ надобности; не было у нихъ недостатка и въ искусныхъ военачальникахъ: Адгербатъ показалъ себя при Дрепанумѣ рѣшительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнымъ и энергичнымъ адмираломъ, который умѣлъ держать въ рукахъ свой флотъ и своихъ подчиненныхъ; Картопонъ также толково и дѣльно выполнялъ данныя ему порученія.

Имѣя такія средства и пользуясь превосходствомъ своихъ кораблей въ быстротѣ хода, кареагеняне могли бы установить такой контроль на морѣ, что даже отдѣльный каперъ едва ли рѣшился бы выйти въ море, а не только пѣлая эскадра, которая грабила далекій Африканскій берегъ. Между тѣмъ кареагеняне пренебрегали своимъ флотомъ, на которомъ зиждилась ихъ сила и дальнѣйшее существованіе ихъ государства, угрожаемаго сильнымъ врагомъ, тогда какъ отрѣзавъ всѣ морскія сообщенія и разоряя побережья, они могли бы нанести римлянамъ такой вредъ, что въ теченіе года принудили бы ихъ къ миру. Это было тѣмъ болѣе возможно, что въ теченіе пѣлыхъ семи лѣтъ (248—241 до Р. Хр.) на морѣ не появилось совершенно никакого римскаго флота. Веденіе войны въ Сициліи и ея окрестностяхъ взялъ на себя превосходный начальникъ Гамилькаръ Барка (молнія). Онъ сталъ вести войну по новому способу, избавившись отъ зависимости отъ Кареагена тѣмъ, что самъ сталъ добывать, при помощи флота, необходимыя для веденія войны средства. Такимъ образомъ онъ сталъ вести войну совершенно самостоятельно, самъ воспитать свою армію и вселилъ въ нее свой духъ. Сперва онъ направился въ южную Италію и разорилъ и обложилъ контрибуціей берега Локріума и Бруцціума; затѣмъ, онъ пошелъ въ Панормусъ и занялъ возвышенность Геиркте (Monte Pellegrino), находившуюся на западномъ концѣ бухты и падающую въ нее крутымъ обрывомъ;

82. Гамилькаръ Барка въ Сициліи.

83. Кареагеняне на возвышенности Геиркте.

возвышенность эта представляла плато длиною въ двѣ морскихъ мили и высотой отъ 345 до 400 метровъ, посерединѣ которой имѣлась вершина, высотой въ 620 метровъ, представлявшая отличный наблюдательный пунктъ; на этой возвышенности Гамилькаръ, опираясь на свой флотъ, держался почти три года. Отсюда онъ постоянно угрожалъ съ моря и съ суши Панормусу, который находился въ разстояніи всего двухъ километровъ; римлянамъ приходилось быть постоянно на-сторожѣ, и они были вынуждены поставить у подошвы горы свой отрядъ. Съ этимъ отрядомъ у караегеня въ происходили почти ежедневныя стычки, при чемъ употреблялись всевозможныя хитрости; однако, до рѣшительнаго сраженія Гамилькаръ дѣла не доводилъ, а прогнать его съ горы римляне не могли.

Эскадра Гамилькара производила набѣги на берега Южной Италии до самаго Неаполя и даже сѣвернѣе его, доставляла припасы для арміи и поддерживала сообщеніе. Тѣмъ временемъ осада Лилибеума съ суши продолжалась, но такъ какъ сообщеніе съ моремъ было свободно, то городъ продолжалъ держаться. Повидимому съ цѣлью быть ближе къ нему, Гамилькаръ очистилъ возвышенность Гейрктѣ, пошелъ къ Дрепануму и неожиданно захватилъ городъ Эриксъ, стоявшій на горѣ того же имени, на высокой круглой террасѣ. Вершину горы, имѣвшую около 790 метровъ высоты, такъ же, какъ и подошву ея, занимали римляне и, такимъ образомъ, Гамилькаръ былъ ими почти совершенно окруженъ, имѣя для сообщенія съ моремъ и флотомъ только трудную кружную дорогу. Тѣмъ не менѣе ему удалось удержаться и здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ, ведя непрерывные бои и причиняя римлянамъ большой вредъ. Эскадра его за это время, повидимому, потеряла свое боевое значеніе; во всякомъ случаѣ она уже не играла никакой роли въ приближавшейся развязкѣ. Такъ тянулась война до 242 года, при чемъ Римъ несъ большія потери; взять Лилибеумъ съ суши было невозможно, а противъ Гамилькара и его прекрасно организованной арміи, римляне тоже ничего подѣлать не могли. Такое положеніе дѣла продолжалось семь лѣтъ безъ всякаго измѣненія, и только крейсерская и разбойничья война на морѣ шла своимъ чередомъ. Несмотря на это, сенатъ не хотѣлъ возобновлять крупныхъ операцій на морѣ, хотя и было

85. Крейсерская война.

вполнѣ очевидно, что развязки можно добиться только на морѣ; къ тому же и казна была пуста. Тогда арматоры, которые занимались каперствомъ, и другіе богатые римляне предложили дать въ распоряженіе государства флотъ, который могъ бы положить конецъ войнѣ, подрывавшей торговлю и причинявшей неисчислимыя потери государству; при этомъ они ставили единственное условіе, чтобы въ случаѣ побѣды расходы имъ были возмѣщены. Нельзя не удивляться такой крупной жертвѣ, которая, хотя и приносилась въ собственныхъ интересахъ, но, тѣмъ не менѣе, служить доказательствомъ высокаго патріотизма. Съ обычной энергіей римляне принялись за осуществленіе новаго плана, при чемъ, основываясь на 18-ти лѣтнемъ опытѣ, повели дѣло болѣе искусно и съ большимъ знаніемъ дѣла, чѣмъ въ прежнее время. За образецъ былъ взятъ корабль Ганнибала Родосскаго; по этому образцу было выстроено 200 быстроходныхъ галіевъ, съ которыми въ началѣ лѣта 242 года консулъ Кай Лутаций Катулъ отправился въ Сицилію.

86. Основаніе добровольнаго флота.

Каррагеняне съ обычной преступной безпечностью нисколько не думали о томъ, что дѣлается у непріятеля; они даже отозвали стоявшую обычно у Дрепанума эскадру, въ которой въ этотъ моментъ не было настоятельной нужды, и поэтому, когда Катулъ пришелъ къ Дрепануму, онъ не нашелъ тамъ никакого непріятеля и могъ немедленно установить блокаду, какъ этой гавани, такъ и Лилибеума; вмѣстѣ съ тѣмъ оказался отрѣзаннымъ и подвозъ припасовъ Гамилькару, находившемуся въ Эриксѣ. Катулъ тотчасъ же распорядился выстроить укрѣпленія вокругъ Дрепанума, которые въ то же время защищали его со стороны Эрикса, и началъ осаду города. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неустанно упражнялъ свой флотъ, который вскорѣ очень усовершенствовался, и въ ожиданіи атаки каррагенянъ, озаботился организаціей развѣдочной части.

87. Походъ Лутация Катула съ добровольнымъ флотомъ въ Сицилію.

Каррагеняне тѣмъ болѣе были поражены извѣстіемъ о появленіи новаго римскаго флота, что считали себя въ полной безопасности; они поспѣшно собрали всѣ суда, какія только могли, чтобы снабдить припасами Гамилькара, Дрепанумъ и Лилибеумъ, которые очень скоро начали ощущать недостатокъ во всемъ. Къ началу 241 года они собрали около 250 судовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, часть была купеческими ко-

88. Новая вооруженія Каррагена.

раблями; но офицеровъ, солдатъ и рабовъ для работы на веслахъ не хватало, такъ какъ зарабѣ никто ни о чемъ не позаботился. Между тѣмъ опасность грозила неминуемая— не оставалось ничего другого, какъ посадить на суда совершенно необученныхъ людей. Затѣмъ на всѣ корабли, въ томъ числѣ и на военные, было погружено сколько было возможно всякихъ припасовъ. Съ этимъ флотомъ, который скорѣе можно было назвать вооруженнымъ конвоемъ, въ началѣ марта 241 года вышелъ въ море изъ Кареагена Ганнонъ, которому было поручено командованіе имъ.

Такой же случай повторился и въ наши дни: транспортный флотъ вышелъ въ море, на которомъ господство не было завоевано, и двинулся прямо на непріятеля безъ предварительной развѣдки, безъ какой-либо хитрости или уловки,— просто прямо впередъ ¹⁾.

89. Морская
побѣда Катугла
надъ Ганнономъ у Эгатскихъ острововъ 10 марта
241 г.

Ганнонъ отличію сознавалъ свою слабость и потому предполагалъ сперва идти въ Дрепанумъ, выгрузить тамъ съ военныхъ кораблей запасы, взять на бортъ Гамилькара, котораго римляне очень боялись, съ его храбрыми и искусными солдатами, и затѣмъ уже атаковать блокадный флотъ у Лилибеума. Предварительно онъ зашелъ въ Піеру (Māritima), чтобы выждать благоприятнаго вѣтра.

Однако Ганнонъ ошибся въ своемъ мнѣніи о Катуглѣ. Послѣдній своевременно узналъ о выстушеніи Ганнона и собралъ весь свой флотъ у острова Эгузы, посадивъ на него лучшихъ солдатъ изъ арміи. Въ то время какъ показались кареагянине, дулъ благоприятный для нихъ свѣжій западный

¹⁾ Это указаніе могло относиться и къ японо-китайской, и къ испано-американской и русско-японской войнамъ. Японскіе транспортные флоты съ войсками совершали свои переходы гораздо раньше чѣмъ японцы разбили и заблокировали китайскій флотъ. Также и американцы везли армію въ С. Яго, не обезпечивъ себя достаточно отъ возможнаго нападенія испанскаго флота. Что-же касается до явнаго намека на конецъ похода Рождественскаго (прямо на непріятеля, безъ предварительной развѣдки, безъ хитрости или уловки— просто прямо впередъ), то конечно флотъ Рождественскаго ни въ коемъ случаѣ не могъ быть названъ транспортнымъ флотомъ. Но въ германской и вообще въ западной литературѣ такъ много связывалась неудача Рождественскаго съ его заботой о транспортахъ (базой при себѣ), что такое общеніе въ бѣглой замѣткѣ было вполне возможно. Здѣсь больше всего проводится параллель со спѣшной отправкой эскадры Рождественскаго для спасенія положенія на Дальнемъ Востоку, эскадры плохо снабженной и съ неопытными экипажами. *Ред.*

бризъ, который развелъ настолько сильное волненіе, что у Катупа возникло сомнѣніе въ возможности сражаться при такихъ условіяхъ; однако, основываясь на полученныхъ свѣдѣніяхъ о плохомъ состояніи непріятельскаго флота, онъ все-таки рѣшился на бой; къ тому же, выйдя въ море онъ убѣдился, что благодаря усиленнымъ упражненіямъ, командиры судовъ могли отлично держать ихъ въ рукахъ и дѣйствовать въ бою. Онъ выстроилъ свой флотъ въ линію, между Эгузой (Фавиньяно) и Форбантійей (Брандо) и двинулся навстрѣчу приближавшимся подъ парусами при свѣжемъ бризѣ кареагенянамъ, преграждая имъ путь.

Случай благоприятствовалъ на этотъ разъ Ганнону и давалъ ему еще лишній шансъ на успѣхъ; онъ имѣлъ возможность:

90. Выгодная позиция Ганнона.

а) или воспользоваться свѣжимъ бризомъ и прорваться черезъ римскій флотъ, съ трудомъ подвигавшійся на веслахъ по беспокойному морю, какъ это сдѣлалъ Ганнибалъ, прорвавшійся при благоприятномъ вѣтрѣ черезъ флотъ, блокировавшій Лилибеумъ;

б) или послать впередъ свои транспортныя суда, а самому медленно слѣдовать за ними въ боевой готовности, и помѣшать римлянамъ преслѣдовать ихъ;

в) или же, наконецъ, попытаться обойти римскій строй по дугѣ, и воспользовавшись преимуществомъ хода подъ парусами, постараться уйти отъ непріятеля.

Адгерваль навѣрно избралъ бы одно изъ этихъ рѣшеній, но Ганнонъ совершенно не обладалъ его талантомъ. Онъ зналъ, что его корабли далеко уступаютъ въ боеспособности римскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему едва удалось выстроить въ порядкѣ свой флотъ раньше, чѣмъ онъ подошелъ къ римлянамъ; тѣмъ не менѣе онъ распорядился:

д) закрѣпить паруса, и тѣмъ отказался отъ превосходнаго способа передвиженія, и со своими неопытными гребцами — рабами и солдатами, принять бой на веслахъ.

Въ исходѣ сраженія сомнѣній быть не могло; дѣло рѣшилось при первомъ же столкновеніи; въ результатѣ 50 кареагенскихъ кораблей было пущено ко дну, 70 взято въ плѣнъ вмѣстѣ съ экипажами; остальные 130 спаслись благодаря тому, что они передъ самымъ столкновеніемъ поставили па-

91. Ходъ сраженія и его результаты.

*

руса и ушли въ сторону; такъ какъ вѣтеръ дулъ къ сѣверу, то они направились назадъ въ Пьеру.

92. Конецъ
первой пуниче-
ской войны.
Условія мира.

Катуль возобновили блокаду Лилибеума и Дрепанума. Надежды на выручку уже никакой не было, и гарнизонамъ обоихъ городовъ, а также арміи Гамилькара приходилось сдаваться отъ голода. Тогда кареагеняне дали Гамилькару неограниченныя полномочія на переговоры о мирѣ, который и былъ вскорѣ заключенъ между двумя искусными и благородными предводителями — Гамилькаромъ и Катуломъ. Впрочемъ, въ Римѣ мирнымъ условіямъ былъ приданъ еще болѣе суровый характеръ. Кареагенъ обязался:

1) совершенно очистить Сицилію и не вести никакой войны съ Пьерономъ;

2) уступить Корсику, Сардинію, Мальту и всѣ другіе острова, расположенные между Сициліей и Африкой;

3) уплатить въ теченіе десяти лѣтъ 3.200 талантовъ военнаго вознагражденія, что равнялось 15,1 милліонамъ марокъ.

93. Заключи-
тельные замѣ-
чанія.

Такъ окончилась 24-лѣтняя война, побѣдой сухопутныхъ силъ надъ морскими, какъ это было и въ Пелопонесской войнѣ. Кареагенъ въ 264 году такъ же господствовалъ надъ западной частью Средиземнаго моря, какъ Аѣины въ 431 году надъ восточной его частью; онъ содержалъ многочисленный военный флотъ, не имѣвшій себѣ равнаго, обладалъ множествомъ богатыхъ колоній, которыми правилъ самовластно и сурово, и монополизировалъ въ своихъ рукахъ всю морскую торговлю, приносящую ему несмѣтныя богатства; море служило ему такой же защитой отъ нападенія сухопутной державы, какъ Аѣинамъ служили защитой ихъ неприступныя стѣны, и побѣдить его можно было только на морѣ. Особенная черта сходства обѣихъ войнъ, продолжавшихся съ переменнымъ счастьемъ въ теченіе почти одинаковаго періода времени, заключается въ томъ, что и та и другая война закончились рѣшительнымъ пораженіемъ господствовавшей на морѣ державы, при чемъ пораженіе это было достигнуто довольно легко въ сраженіи, не представляющемъ особеннаго тактическаго интереса.

Для рѣшенія вопроса, неизбежно ли пораженіе морской державы въ борьбѣ съ сухопутной, необходимо подробнѣе рассмотреть условія, въ которыхъ находилась та и другая

сторона, а также и дѣйствія обѣихъ сторонъ въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніяхъ.

Римляне были крѣпко сплоченнымъ, суровымъ, храбрымъ и воинственнымъ народомъ, неуклонно преслѣдовавшимъ систематическую завоевательную политику; въ непрерывныхъ войнахъ, продолжавшихся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, они покорили своей власти всю Италію, побѣдили Пирра, причемъ имъ никогда не приходилось прибѣгать къ дальновиднымъ стратегическимъ планамъ; враждебныя арміи просто шли другъ на друга и затѣмъ сражались; весь вопросъ заключался въ тактикѣ, и въ этомъ отношеніи римляне приобрѣли громаднѣйшій опытъ, который касался, однако, исключительно сухопутной тактики. Съ моремъ, какъ театромъ войны, они едва были знакомы, вообще не знали его и не чувствовали къ нему влеченія.

Въ виду этого, успѣвъ по безопасности кареагенянъ переправиться въ Сидилію, они пытались добиться рѣшительныхъ результатовъ сухопутной войной, и только послѣ того, какъ имъ не удалось добиться этого въ теченіе четырехъ лѣтъ, они рѣшились начать морскую войну и немедленно съ удивительной энергіей, привели это рѣшеніе въ исполненіе.

91. Стратегія,
политика и
морская торговля.

Правильно оцѣнивъ тотъ единственный пунктъ, въ которомъ они превосходили своего противника, они изобрѣли и энергично пустили въ ходъ пріемъ, при которомъ превосходство это могло получить наилучшее примѣненіе; это и дало имъ блестящую побѣду въ первомъ же сраженіи; однако, вмѣсто того, чтобы по своему обыкновенію тотчасъ послѣ этой побѣды наступить прямо на горло врагу, они примѣнили пріемъ, обычный въ морской войнѣ и хотѣли принудить противника къ сдачѣ, напавъ на его отдаленныя владѣнія.

Эта стратегія въ теченіе еще четырехъ лѣтъ не дала окончательнаго результата, и тогда только они рѣшились нанести врагу прямой ударъ всѣми силами, несмотря на то, что для этого приходилось, не владѣя моремъ, посадить армію на суда и переправить ее на непріятельскую территорию, что само по себѣ являлось недопустимымъ рискомъ; все это удалось имъ настолько, что впереди уже виденъ былъ вѣрный успѣхъ, какъ вдругъ, по совершенно необъ-

яснымъ причинамъ и безъ видимыхъ оснований, они отозвали назадъ бѣльшую часть своей арміи и флота, послѣ чего остатокъ первой былъ уничтоженъ непріятелемъ.

И тутъ, вмѣсто того, чтобы по своему обыкновенію исправить ошибку и, удвоивъ усилія, добиться побѣды, они, одержавъ новую крупную побѣду у непріятельскихъ береговъ, очистили послѣдній свой опорный пунктъ на этихъ берегахъ, который могъ служить удобнымъ мѣстомъ для высадки арміи. Потерпѣвъ затѣмъ громадныя потери на морѣ, не отъ непріятеля, а отъ собственнаго незнакомства съ морскимъ дѣломъ и отъ упрямства своихъ предводителей, они окончательно отказались отъ морской войны и ограничились сухопутной войной въ Сициліи; такимъ образомъ они снова возвратились къ тому способу дѣйствій, который шесть лѣтъ тому назадъ сами признавали недостижимымъ цѣли, и, конечно, получили тотъ же отрицательный результатъ.

Тогда они опять начали строить новый флотъ; дѣло пошло хорошо, Лилибеумъ былъ осажденъ, но тутъ смѣна выбранныхъ народомъ предводителей все испортила. Безтолковыя дѣйствія новаго консула Клавдія Пульхра противъ кареагенскаго флота у Дрепанума и неумѣлость другого консула у Камарина погубило ихъ обоихъ, послѣ чего римскій сенатъ уже не захотѣлъ имѣть больше никакого дѣла съ коварнымъ моремъ, при чемъ, однако, не оказался послѣдовательнымъ до конца и мира не заключилъ. Такимъ образомъ въ веденіи войны наступило относительное замиреніе, продолжавшееся не менѣе семи лѣтъ, во время котораго противники продолжали ослаблять другъ друга малой войной на морѣ и на сушѣ.

95. Взорвъ патриотизма. Практическіе взгляды народа.

Этотъ недостатокъ рѣшимости и послѣдовательности былъ совершенно противенъ характеру римлянъ, и потому вызвалъ неудовольствіе народа; дѣло дошло до того, что торговля и вообще всякій обмѣнъ были окончательно подорваны и никакой надежды на улучшеніе дѣла не было. Сильнѣе всего, конечно, страдали матеріальные интересы арматоровъ и крупныхъ купцовъ, а также и всѣхъ тѣхъ, которые жили морской торговлей или извлекали изъ нея выгоды. Вмѣстѣ съ тѣмъ и римская гордость возмущалась тѣмъ, что кареагенянь не удавалось побѣдить такъ же, какъ были побѣ-

ждены всё народности Италии и царь Пиррръ. Это привело къ взрыву присущаго каждому римлянину глубокаго патриотизма: арматоры, крупные коммерсанты и т. п. принесли громадныя жертвы и предоставили въ распоряженіе государства большой, вполне снаряженный флотъ, чтобы закончить войну, которая могла рѣшиться только на морѣ.

Настроеніе это, конечно, повліяло и на выборъ консула Катула. Такимъ образомъ, Римъ былъ обязанъ счастливымъ окончаніемъ этой войны не сенату или народному собранію, а безпримѣрному патриотическому подъему, который претворился въ великій подвигъ. Къ благопріятному окончательному результату привели основныя черты римскаго характера: твердость, рѣшимость, настойчивость, вѣрный взглядъ на дѣло и практическая смѣтливость, затѣмъ—воинская доблесть и любовь къ отечеству въ связи съ искусствомъ вождей.

Изъ изложеннаго выше видно, насколько въ началѣ войны въ Римѣ отсутствовало правильное пониманіе приѣмовъ ея веденія, и какъ пониманіе это только постепенно выработывалось съ теченіемъ лѣтъ; то обстоятельство, что отъ этихъ приѣмовъ римляне впоследствии снова отказались и даже нѣсколько разъ совершенно прекращали морскую войну, что затянуло войну еще на полтора десятилѣтія къ великому ущербу для государства,—должно быть объяснено природнымъ отвращеніемъ ихъ къ морю и къ морскому дѣлу и вытекающимъ отсюда полнымъ непониманіемъ его.

Флотъ былъ для римлянъ только крайнимъ средствомъ, къ которому они относились, если можно такъ выразиться, какъ къ неизбѣжному злу; вслѣдствіе этого флотъ никогда не былъ, подобно арміи, національнымъ дѣломъ, онъ не былъ предметомъ гордости и къ нему всегда относились, какъ къ пасынку; служба во флотѣ всегда ставилась ниже службы въ арміи, офицерами были большею частью не римляне или итальянцы, а итальянскіе греки. Римляне всегда держались подальше отъ воды и въ этомъ заключалась причина, по которой римскій флотъ немедленно приходилъ въ полный упадокъ, какъ только проходила временная нужда въ немъ.

Тѣмъ болѣе приходится удивляться и цѣнить, что римляне нѣсколько разъ, съ затратой колоссальныхъ средствъ,

96. Отсутствие у римлянъ расположенія къ морскому дѣлу.

97. Гангина.

создавали большіе, даже громадныя флоты, и что они съ перваго же раза сумѣли искусно примѣнить ихъ въ бою, несмотря на то, что командовали ими неопытныя, мѣнявшіеся каждый годъ консулы. Исходя изъ тактики сухопутнаго боя, они съ самаго начала, вопреки существовавшимъ до того времени обыкновеніямъ, стали примѣнять массивное, глубокое построеніе, которое, въ связи съ абордажными мостками, вполне соответствовало ихъ цѣлямъ, давая возможность примѣнять абордажный бой и въ открытомъ морѣ. Неудача, постигшая у Дрепанума римскую кильватерную колонну, объясняется неумѣльнымъ командованіемъ новаго консула, дѣйствовавшаго противъ выдающагося своимъ искусствомъ Адгербала. Какъ разъ обратное можно сказать про линію развернутаго фронта въ послѣднемъ сраженіи у Эгатскихъ острововъ.

Для римлянъ гораздо болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ кареагеняне было непониманіе морского дѣла ихъ собственными военачальниками; потери ихъ отъ кораблекрушеній во много разъ превосходили потери въ бояхъ. Если бы римляне съ самаго начала стали на правальный путь, и оцѣнивъ значеніе морской силы, создали флотъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и сухопутную армію, съ постоянными экипажами для него и съ особымъ римскимъ корпусомъ офицеровъ, то несомнѣнно, со временемъ въ этомъ флотѣ развилось бы пониманіе морской стратегіи и тактики, и война могла бы закончиться гораздо скорѣе.

**98. Причины
конечнаго
успѣха рим-
лянъ.**

Несмотря на свою постоянно мѣнявшуюся, часто несоотвѣтствовавшую обстоятельствамъ, а иногда и совершенно ошибочную стратегію, несмотря на неповоротливую тактику, и на ужасныя катастрофы, которымъ не разъ подвергался ихъ флотъ, римляне тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ одержали побѣду надъ великой, старинной морской державой; обстоятельство это могло бы повести къ заключенію, что морская держава вообще не можетъ успѣшно вести войну противъ сухопутной; но такое заключеніе было бы неправильно: причина конечнаго успѣха римлянъ заключалась въ томъ, что ихъ стратегія и тактика, изобрѣтенныя и примѣняемыя новичками въ морскомъ дѣлѣ, несмотря на крупныя недостатки, все-таки должны считаться блестящими по сравненію съ тактикой и стратегіей кареагенянъ.

Этот поразительный фактъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что кареагеняне совершенно не обладали правильнымъ пониманіемъ основъ могущества своего государства, значенія господства на морѣ и значенія военнаго флота, стоящаго на высотѣ современныхъ требованій и правильно примѣняемаго къ дѣлу.

Ихъ корабли, ихъ моряки, ихъ рабы-гребцы были лучшими въ мірѣ; въ теченіе столѣтій они были господами на морѣ и жили въ глубокомъ убѣжденіи, что это есть непреложный фактъ, который не можетъ быть измѣненъ; только этимъ, и ихъ врожденнымъ нерасположеніемъ къ войнѣ можетъ быть объяснена ихъ неспособность къ военному дѣлу и та полная безпечность, съ которой они къ нему относились.

Благодаря широкому развитію судоходства, они имѣли возможность расширить свой кругозоръ и приучиться болѣе сознательно смотрѣть на то, что дѣлалось на свѣтѣ, но они оставались слѣпы къ надвигавшейся все ближе опасности, грозившей имъ изъ Рима. Въ то время, какъ римляне гигантскими шагами расширяли свою власть на сушѣ, кареагеняне своими торговыми договорами 348 и 306 годовъ все болѣе и болѣе стѣсняли ихъ на морѣ, но при этомъ совершенно упускали изъ вида, что въ международныхъ отношеніяхъ поддерживать стѣснительныя для другого народа постановленія можно только открытой силой; такимъ образомъ они вызвали неизбежную войну, но при этомъ ничего не сдѣлали для ея подготовки ни въ отношеніи плана, ни въ отношеніи самаго веденія войны.

Послѣ покоренія Бруціума, кареагенянамъ слѣдовало всѣми средствами (въ которыхъ недостатка у нихъ не было) стараться завладѣть Мессаною и сдѣлать ее неприступной, чтобы затруднить римлянамъ переправу въ Сицилію; однако, они медлили и ограничивались полумѣрами. Затѣмъ, имъ слѣдовало во что бы то ни стало помѣшать переправѣ римской арміи на этотъ островъ; средство для этого—флотъ—у нихъ имѣлось на лицо, но несмотря на опытъ, который они пережили 20 лѣтъ тому назадъ въ войнѣ съ Пирромъ, они и этимъ пренебрегли и при томъ не одинъ, а нѣсколько разъ: сообщеніе римлянъ съ Сициліей происходило такъ же свободно, какъ если бы она соединялась съ материкомъ.

**99. Поведеніе
кареагенянь.**

**100. Первая
основная
ошибка.**

101. Дальнѣй-
шія упущенія.

Они не давали себѣ труда интересоваться тѣмъ, что дѣлалось у ихъ противниковъ, какъ передъ войной, такъ и во все время, пока она продолжалась; поэтому они ничего не знали о такихъ крупныхъ и важныхъ событіяхъ, какъ постройка и снаряженіе новыхъ флотовъ въ 260, 249 и 242 годахъ; каждый разъ это являлось для нихъ полной неожиданностью и вынуждало ихъ къ спѣшнымъ и торопливымъ мѣрамъ противодѣйствія. Въ тактическомъ смыслѣ постановка освѣдомительнаго дѣла также была совершенно неудовлетворительна (кромѣ Кареагена въ 249 году).

102. Ошибоч-
ное примѣне-
ніе морскихъ
силъ, ошибоч-
ная морская
политика и
стратегія.

Они не сумѣли рѣшительно и послѣдовательно дѣйствовать своимъ флотомъ, иначе ущербъ, нанесенный римлянамъ, былъ бы гораздо значительнѣе.

Правда, они подорвали римскую торговлю, разорили въ нѣсколькихъ мѣстахъ побережье, но напр., о блокадѣ Остіи и рѣчи не было; при громадномъ протяженіи береговой линіи Италіи, они могли причинить римлянамъ несравненно большій вредъ, что особенно удобно было сдѣлать занявъ на продолжительное время укрѣпленные пункты на берегу или на островахъ вблизи берега.

Самой же крупной ошибкой было то, что кареагеняне начинали энергично дѣйствовать только тогда, когда пришла крайность, а какъ только непріятель переставалъ имъ непосредственно угрожать, они снова утрачивали всякую энергію и бездѣйствовали. Они не использовали ни перваго трехлѣтняго, ни втораго семилѣтняго перерыва въ морской войнѣ для усиленія своего флота и болѣе энергичнаго веденія войны; мало того, какъ только они перестали опасаться атаки непріятеля съ моря, они немедленно допустили свой собственный флотъ до полнаго упадка; все это были непростительныя ошибки, за которыя проигрышъ войны долженъ считаться заслуженнымъ и справедливымъ возмездіемъ.

У кареагенянъ, какъ семитовъ, отсутствовалъ инстинктъ воинственности и этимъ характернымъ недостаткомъ можно объяснить, что они потерпѣли пораженіе отъ римлянъ, которые наоборотъ, обладали этимъ качествомъ въ высшей степени, и проявляли его какъ въ морской, такъ и въ сухопутной войнѣ. Флотъ, не обладающій духомъ воинственности, никогда ничего крупнаго совершить не можетъ.

Впрочемъ въ тактическомъ смыслѣ и караегеняне не упустили случая дѣйствовать наступательно, что объясняется тѣмъ, что у нихъ, какъ старыхъ моряковъ, наступательная тактика всосалась въ плоть и въ кровь. Однако, въ первомъ же сраженіи у Миле они проявили ту же преступную беззаботность, вытекавшую изъ пренебреженія къ непріятелю, какъ и въ области стратегіи: съ тридцатью передовыми кораблями, не выстроивъ ихъ даже въ боевой порядокъ, караегенскій адмиралъ двинулся прямо противъ вчетверо сильнѣйшаго непріятеля, который при первой же стычкѣ забралъ всѣ эти корабли въ плѣнъ, благодаря абордажнымъ мосткамъ и многочисленнымъ легіонерамъ. Сдѣланная вполнѣмъ поспѣху попытка окружить римлянъ и атаковать ихъ сразу со всѣхъ сторонъ не увѣчалась успѣхомъ, такъ какъ римляне, избѣгая маневрированія, выстроили свои корабли по окружности. Ганнибалъ счелъ тогда сраженіе проиграннымъ и оставилъ поле битвы за римлянами; если бы онъ этого не сдѣлалъ, Дуилий могъ бы оказаться въ очень тяжеломъ положеніи, такъ какъ во время движенія всѣмъ его кораблямъ невозможно было держаться носомъ въ сторону непріятеля; впрочемъ, обыкновенно бываетъ, что сторона, захваченная врасплохъ быстро теряетъ мужество и признаетъ себя побѣжденной.

Замѣчательно, что караегеняне за все время долгой войны не придумали никакого средства противъ „вороновъ“, что служить доказательствомъ полного отсутствія технической изобрѣтательности и искусства; сами они не примѣняли этого приспособленія повидимому потому, что на это у нихъ не хватало мужества и довѣрія къ своимъ солдатамъ.

О неудовлетворительной тактикѣ при Экономосѣ и о неправильной тактикѣ у Эгузы уже было сказано; адѣсь мы добавимъ только нѣсколько словъ по поводу тактики, примѣненной караегенянами въ 249 году, когда они одержали единственный успѣхъ за все время этой долгой морской войны. Адгербалъ, такъ же, какъ и Картолонъ, проявилъ большую осторожность и присутствіе духа, а первый, кромѣ того, и большую энергію; такимъ образомъ, съ теченіемъ времени выработались прекрасные морскіе вожди, которые умѣли держать въ рукахъ боевую силу и въ тактическомъ смыслѣ дѣйствовали очень успѣшно. Однако, имена ихъ

уже не упоминаются въ дальнѣйшемъ ходѣ событій: по всей вѣроятности наградой имъ была черная неблагодарность, какъ это обыкновенно бывало съ побѣдоносными вождями и въ Афинахъ во время господства демагоговъ. Ксантиппъ, уничтожившій армию Перула и спасшій Кареагень, несомнѣнно по тѣмъ же причинамъ долженъ былъ уѣхать назадъ на родину.

104. Недостатокъ воинскаго духа.

Такия дѣйствія находятъ себѣ объясненіе также и въ томъ, что въ Кареагень совершенно не понимали сущности войны вообще и морской войны въ особенности, и это-то непониманіе и было причиной гибели великой старинной морской державы.

105. Сравненіе Кареагена и Англии.

Можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы такое положеніе дѣлъ могло сложиться въ крупномъ морскомъ государствѣ; однако, новѣйшее время даетъ подобный же примѣръ и притомъ у такой морской державы, которую никакъ нельзя упрекнуть въ недостатокъ воинственности и которая, наоборотъ, справедливо гордится славнымъ военнымъ прошлымъ. Мы говоримъ объ Англии и ея флотѣ. Сдѣлавшись послѣ 1815 года владычицей на всѣхъ моряхъ, и гордая достигнутыми успѣхами, она стала съ пренебреженіемъ смотрѣть на воѣ другіе флоты и нисколько не беспокоилась достигнутыми ими техническими успѣхами и не обращала вниманія на тѣ тактическія и стратегическія измѣненія, которыя создались благодаря этимъ успѣхамъ; это повело къ тому, что одно время она во всѣхъ отношеніяхъ стояла позади другихъ державъ: Франція опередила ее съ колесными пароходами, Соединенные Штаты первые примѣнили винтъ, затѣмъ опять Франція первая выстроила паровой линейный винтовой корабль (въ Крымской войнѣ). Этими фактами, къ счастью для Англии, ей быть данъ сильный толчекъ, однако, косность ея была такъ велика, что она только съ крайней медленностью послѣдовала примѣру другихъ (во Франціи появился первый броненосный фрегатъ, таранъ, артиллерія, крейсера). Лишь черезъ два десятилѣтія послѣ того, какъ воѣ эти „пугала“ (scares) вошли въ употребленіе, Англія принялась за соотвѣтственное усовершенствованіе и увеличеніе своего флота.

Еще большую отсталость обнаружила она въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніяхъ; въ первый разъ въ

1885 году были произведены большіе маневры, до тѣхъ поръ царилъ полная бездѣятельность и полная неопредѣленность въ отношеніи примѣненія флота какъ вообще въ войнѣ, такъ и въ отдѣльныхъ сраженіяхъ. Отсюда выводъ о необходимости постоянной напряженной работы.

3. Вторая и третья Пуническія войны 218—202 г.г. до Р. Хр.

Необходимо сказать нѣсколько словъ по поводу второй Пунической войны, такъ какъ Механъ касается ея въ предисловіи къ своему капитальному труду „Вліяніе морской силы на исторію“. Онъ говоритъ: „Побѣдившая сторона могла установить свое господство на морѣ“. Этому нельзя утверждать такъ безусловно—необходимо при этомъ удѣлить серьезное вниманіе внутреннему положенію Карфагена и его неспособности использовать свои морскія силы. Первая Пуническая война и ея послѣдствія обезсилили Карфагенъ: онъ понесъ громадныя потери людьми и деньгами и еще заплатилъ 3200 талантовъ военнаго вознагражденія; правда, богатая торговля и обширная территорія Карфагена обеспечивали достаточные доходы и возможность неограниченно снабжать свой флотъ людьми, но ничего этого онъ не сдѣлалъ и почти не пользовался своимъ флотомъ.

Вторая Пуническая война не была войной Карфагена, а войной Ганнибала и его брата, сыновей Гамилькара Барки. Гамилькару удалось прекратить возникшую въ 240—237 годахъ чрезвычайно опасную войну противъ наемныхъ солдатъ и спасти Карфагенъ; тѣмъ не менѣе соотечественники его возненавидѣли, такъ какъ боялись его; онъ былъ главой антиримской военной партіи и рѣшилъ создать армію равную римской съ цѣлью освободить Сицилію. Онъ отправился вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Газдрубаломъ въ Испанію, гдѣ до тѣхъ поръ существовали только факторіи, покорилъ большую часть ея, основалъ собственное, почти независимое государство, которому далъ прекрасную организацію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, создалъ и превосходную армію. Армія эта состояла не изъ наемниковъ, но была набрана изъ мѣстныхъ жителей, которые долгой службой и строгимъ воспитаніемъ

106. Критика
мнѣнія Механа.

107. Карфагенъ
въ Испаніи.

были приучены къ военному дѣлу и были вполне преданы своему вождю. Но флота у него не было.

Когда Ганнибалъ въ 219 году, послѣ смерти обоихъ, былъ избранъ предводителемъ, то располагалъ уже арміей свыше 100.000 человекъ, но флотъ былъ въ жалкомъ состояніи и частью даже не имѣлъ такелажа. Ганнибалъ былъ всецѣло сухопутнымъ военачальникомъ и, въ противоположность своимъ соотечественникамъ, нисколько не былъ морякомъ и повидимому, подобно римлянамъ, даже чувствовалъ отвращеніе къ морю.

108. Начало второй пунической войны.

Въ виду благопріятнаго политическаго положенія онъ рѣшился немедленно начать войну и притомъ войну наступательную, разсчитывая атаковать Римскую имперію въ самой Италіи, покорить и уничтожить Римъ. Онъ самовольно, не испросивъ согласія Карфагена началъ войну, напавъ на Сагунтъ, лежавшій на восточномъ берегу Испаніи и находившійся подъ покровительствомъ Рима, что вызвало сильную вражду къ нему, со стороны партіи мира на родинѣ. Этими партійными несогласіями въ значительной степени объясняется исходъ войны, такъ какъ патріотизмъ у карфагенянъ былъ развитъ очень слабо, партійная же ненависть всегда проявлялась очень сильно.

У римлянъ въ это время, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, имѣлся сильный флотъ, который, однако, былъ занятъ въ Адриатическомъ морѣ войной съ Иллиріей. Къ западу отъ Италіи у римлянъ почти не было никакого флота, а у береговъ Испаніи—совсѣмъ никакого, о чемъ карфагеняне, искусные моряки, владѣвшіе быстроходными кораблями, по всей вѣроятности, были точно осведомлены.

109. Ошибка Ганнибала въ веденіи войны.

Если только подумать о продолжительности и страшныхъ трудностяхъ похода черезъ Пиренеи и черезъ Альпы, на который Ганнибалъ употребилъ около трехъ мѣсяцевъ и во время котораго онъ потерялъ 33.000 человекъ изъ 59.000, т. е. значительно больше половины, при чемъ упущены были и всѣ выгоды неожиданнаго нападенія, то нельзя не признать, что этотъ походъ сухимъ путемъ не находитъ себѣ никакого оправданія и что результатъ его, при такомъ гениальномъ полководцѣ, могъ и долженъ былъ быть совершенно инымъ.

Затѣмъ нельзя не упомянуть и о послѣдующей попыткѣ подкрѣпленій. Римляне держали эскадры для охраны бере-

говъ Италіи, Сициліи и Сардиніи, но ни одна изъ нихъ не была настолько сильна, чтобы лишить кареагенянь возможности попытаться захватить господство на морѣ; однако, какъ и въ первую Пуническую войну, кареагеняне ничего не сдѣлали, и за всю войну, продолжавшуюся 17 лѣтъ не произошло ни одного боя за владѣніе моремъ. Со своей стороны и римляне недостаточно внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы не допустить подвоза подкрѣпленій; такъ, послѣ битвы при Каннахъ въ 216 году подкрѣпленія кареагенянамъ были подвезены прямо въ Локры, и римскіе корабли не помѣшали этому, такъ что Гамилькаръ безпрепятственно высадилъ на берегъ 4.000 человекъ и много слоновъ. Не было причинъ не повторить такой посылки и впослѣдствіи. Послѣ сраженія при Каннахъ у кареагенянь наступилъ краткій періодъ воодушевленія, но вслѣдъ затѣмъ, зависть и ненависть къ Ганнибалу снова стали тормозить энергію его наступленія.

Отсюда ясно, что не морское владычество Рима, флотъ котораго въ началѣ войны находился слишкомъ далеко, привелъ къ побѣдѣ его во второй Пунической войнѣ, а исключительно ошибочная стратегія Ганнибала и Кареагена, которые неумѣло вели войну и не понимали, какую громадную помощь, въ особенности въ началѣ войны, можетъ оказать флотъ.

Во всякомъ случаѣ, при тогдашнемъ положеніи дѣла **110. Положеніе дѣла на морѣ.** (у береговъ Испаніи имѣлось только небольшое число римскихъ кораблей), если бы Ганнибалъ перевезъ 60.000 своихъ старыхъ солдатъ моремъ въ окрестности Рима или хотя бы въ Сѣверную Италію, едва ли онъ потерялъ бы 33.000 человекъ, какъ это случилось при переходѣ черезъ Альпы.

Со своей стороны римляне съ большимъ успѣхомъ использовали внутреннія линіи морскихъ сообщеній съ Испаніей для перерыва коммуникацій Ганнибала; выполнили они это очень легко, такъ какъ Кареагенъ рѣшительно ничего не предпринималъ, и безъ боя отдалъ море въ распоряженіе Рима. А затѣмъ, когда, наконецъ, кареагеняне мало по малу опомнились и стали проявлять дѣятельность на морѣ, то сдѣлано это было такъ вяло и нерѣшительно, что для римлянъ не представляло никакого труда съ ними справиться. Тогда всѣ тыловыя сообщенія Ганнибала оказались въ рукахъ неприятеля, такъ какъ Римъ господствовалъ и на Тирен-

скомъ морѣ и владѣлъ гаванями на сѣверномъ берегу Сициліи, при чемъ за все время второй Пунической войны это господство на морѣ ни разу не было вырвано изъ его рукъ. Зато южнѣ Сициліи и до южной Испаніи Римъ не владѣлъ моремъ, но линія рѣки Эбро находилась у него въ рукахъ, вслѣдствіе чего Ганнибалъ и Газдрубалъ были отрѣзаны другъ отъ друга, и несмотря на то, что послѣдній въ теченіе семи лѣтъ войны въ Испаніи разбилъ обоихъ Сципіоновъ, тѣмъ не менѣе сообщеніе съ южной Италіей возстановить не удалось. Въ концѣ концовъ Газдрубалъ все-таки перешелъ черезъ западную часть Пиренеевъ и пробилъ себѣ путь въ Верхнюю Италію и тогда положеніе Рима сдѣлалось болѣе чѣмъ критическимъ.

И на этотъ разъ, благодаря господству Рима въ Тиренскомъ морѣ, котораго Каррагенъ никогда и не пытался у него оспаривать, Публий Сципіонъ Младшій имѣлъ возможность отправить морскимъ путемъ свои лучшія войска въ верхнюю Италію, навстрѣчу Газдрубалу; римскія войска соединились и уничтожили сперва армію Газдрубала въ битвѣ при Метаврѣ, чѣмъ, въ сущности говоря, и была рѣшена участь войны, такъ какъ Каррагенъ уже не могъ собрать войскъ въ достаточномъ числѣ и Ганнибалу пришлось уходить изъ Южной Италіи.

По поводу продолжавшейся еще въ теченіе долгаго времени съ перемѣннымъ успѣхомъ морской и сухопутной войны въ Сициліи, будетъ подробно сказано ниже.

111. Походъ
Газдрубала.

Итакъ, единственная крупная попытка доставить Ганнибалу подкрѣпленія была сдѣлана его братомъ Газдрубаломъ, но онъ не обладалъ талантомъ Ганнибала; распоряженіе было имъ получено въ 212 году, а выступилъ онъ въ походъ только въ 208, когда было уже поздно; ему пришлось переминуть въ Галліи, и только въ 207 году онъ пришелъ (также съ большими потерями) въ Верхнюю Италію и тутъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить къ Ганнибалу, занялся осадой Плаценціи на рѣкѣ По. Благодаря этому, римляне успѣли собрать подавляющія силы и уничтожить его. Газдрубалъ тоже имѣлъ полную возможность избѣжать похода сухимъ путемъ.

112. Майо въ
205 г.

Позже, когда положеніе дѣлъ было еще значительно менѣе благоприятно для каррагенянъ, изъ Гадеса вышелъ на Ба-

леарскіе острова младшіі братъ Ганнибала, Маіто, переправлялъ тамъ, а весной 205 года переправился съ арміей въ 12.000 человѣкъ пѣхоты и 2.000 кавалеріи въ Геную, куда и прибылъ благополучно. Вслѣдъ затѣмъ кареагеняне прислали ему еще 6.000 человѣкъ пѣхоты, 800 человѣкъ кавалеріи и 7 слоновъ, съ тѣмъ, чтобы онъ скорѣе шелъ на соединеніе съ Ганнибаломъ; и эти подкрѣпленія безпрепятственно прибыли на мѣсто назначенія, при чемъ остается неизвѣстнымъ почему они не были отправлены прямо, по кратчайшему пути. Можно даже подумать, что это дѣлалось нарочно, съ злымъ умысломъ, такъ какъ Ганнибалъ, уже продержался въ Бруціумѣ въ теченіе 11 лѣтъ собственными средствами противъ сильнѣйшаго непріятеля и въ это время терпѣлъ недостатокъ во всемъ. Наконецъ въ 203 году онъ самъ организовалъ переправу изъ Кротона (въ Бруціумѣ) въ Африку съ 24.000-ой арміей на корабляхъ, которые онъ самъ собралъ, такъ какъ изъ Кареагена ихъ не прислали; онъ прибылъ на мѣсто не подвергшись нападенію, несмотря на то, что, какъ утверждаетъ Мэхэнъ, римляне владѣли моремъ.

Впрочемъ, кареагенскіе транспорты не всегда проходили благополучно: иногда они встрѣчались съ римскими эскадрами, которые на нихъ нападали; нужно однако замѣтить, что эскадры эти никогда не бывали большой силы—не болѣе 60-ти кораблей (такъ какъ силы римлянъ были разбросаны), и болѣе сильный флотъ легко могъ бы одержать надъ ними верхъ; къ тому же кареагенскіе транспорты ни разу не были уничтожены, а только несли потери, которыя иногда влекли за собой замедленіе въ достиженіи цѣли.

Послѣ сраженія при Каннахъ, вся Нижняя Италия отпала отъ Ганнибала; въ Сиракузахъ послѣ Герона власть перешла къ его наслѣднику Герониму, который въ 124 году присоединился къ Ганнибалу: римляне рѣшили немедленно выступить противъ него, для чего снова рѣшили довести свой флотъ до 150 пентеръ, изъ которыхъ 100 предстояло выстроить вновь; часть этого флота немедленно ушла въ Сицилію, гдѣ консулъ Марцеллъ назначилъ 60 кораблей для блокады Сиракузъ.

Для правильной осады Сиракузъ обстоятельства были очень неблагоприятны—въ свое время и аеніяне потерпѣли

113. Выступленіе Рима противъ Сиракузъ.

неудачу у крѣпкихъ стѣнъ этого города: съ тѣхъ поръ укрѣпленія Сиракузъ еще были усилены, а кромѣ того, въ ихъ стѣнахъ находился Архимедъ, техническіе и военные таланты котораго, въ соединеніи съ его научными познаніями оказали громадѣйшія услуги защитѣ города.

114. Защита
города Архи-
медомъ.

Римскій флотъ получилъ приказаніе Марцелла очистить при помощи сгрѣлковъ изъ лука подступы къ стѣнамъ, а затѣмъ обстрѣлять съ ближайшей дистанціи самыя стѣны тяжелыми метательными машинами и пробить въ нихъ брешь. Кромѣ того, Марцеллъ приказалъ сдѣлать нѣчто вродѣ плота (самбука) изъ восьми крѣпко связанныхъ между собой судовъ, на которомъ была построена деревянная башня, поднимавшаяся выше городскихъ стѣнъ; сиракузянамъ, однако, удалось забросать приближавшіеся съ высокими штурмовыми лѣстницами римскіе корабли тяжелыми камнями, свинцомъ и желѣзомъ и настолько повредить ихъ, что они должны были вскорѣ отступить.

Плутархъ утверждаетъ, что Архимедъ, при помощи своихъ машинъ съ такой точностью металъ громадные тяжелые камни, что они каждый разъ попадали въ намѣченную цѣль; съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовали и построенныя имъ меньшія метательныя машины. Рассказываютъ, что онъ металъ противъ кораблей тяжелые снаряды, снабженные крюками и канатами, при помощи которыхъ корабли притягивались къ стѣнамъ и приподнимались кверху за носъ или за корму, и снова отпускались, что причиняло имъ тяжелыя аваріи (?). Упоминаютъ и объ успѣшномъ примѣненіи имъ зажигательныхъ зеркалъ.

Каррагенскому флоту неоднократно удавалось доставлять осажденному городу военные припасы и провіантъ мимо слабо поддерживавшаго блокаду римскаго флота, благодаря чему Сиракузы держались противъ Марцелла свыше двухъ лѣтъ. Римляне лишь однажды одержали успѣхъ у мыса Пахинуса (мысъ Пассаро), принудивъ транспортный флотъ, состоявшій изъ 130 кораблей, бѣжать въ Тарентъ.

115. Дальнѣй-
шія событія
на морѣ.

Въ 207 году римскому флоту, раззорившему окрестности Утики, которая находилась недалеко къ сѣверо-востоку отъ Каррагена, удалось одержать побѣду надъ непріятельскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ 70 кораблей, при чемъ 4 корабля были уничтожены и 17 взято въ плѣнъ.

Затѣмъ, въ 204 году Сципіонъ отправился въ Африку съ 40 военными кораблями и транспортнымъ флотомъ, состоявшимъ изъ 400 кораблей, на которомъ было посажено 40.000 человекъ пѣхоты и 2700 всадниковъ; онъ высадился на берегъ, но взять Картегена не могъ; тогда, въ ожиданіи наступленія зимы, онъ вытащилъ свои корабли на берегъ и окружилъ ихъ крѣпкимъ валомъ.

Такимъ образомъ война эта вовсе не доказываетъ господства римлянъ на морѣ, а только неумѣніе картегенянъ вести морскую войну; ничто не мѣшало имъ выстроить большой флотъ и вести войну до рѣшительнаго результата, но на это у нихъ не хватало смѣлости.

Римляне ходили по морю съ такой увѣренностью, какъ будто у картегенянъ не было вовсе никакого флота: они возили войска въ Испанію, Галлію, Сардинію, въ Адриатическое море, три раза въ Африку, и ни разу неприятель не атаковалъ ихъ на морѣ. Картегеняне со своей стороны неоднократно благополучно перевозили по морю большіе транспорты съ войсками. Картегенскій флотъ только однажды, въ состояніи крайней необходимости, произвелъ атаку на римлянъ незадолго до паденія Картегена, но и то не на морѣ, а въ гавани Утики, гдѣ стоялъ флотъ Сципіона, окруженный четырьмя рядами транспортныхъ судовъ, соединенныхъ между собой дѣльями, брусьями и перекладинами; особеннаго успѣха атака эта не имѣла. Битва при Замѣ положила конецъ войнѣ; условія мира были крайне тяжелыя; между прочимъ, Картегенъ долженъ былъ выдать всѣ свои военные корабли, кромѣ десяти, и лишился права вести какую либо войну безъ разрѣшенія римскаго сената.

Такимъ образомъ картегеняне въ теченіе всей второй Пунической войны ни разу не захватили въ свои руки стратегической инициативы на морѣ, что особенно бросается въ глаза при сравненіи съ блестящими дѣйствіями Ганнибала, который велъ на сушѣ самую смѣлую наступательную войну, какую только знаетъ міровая исторія.

Конечный исходъ войны могъ бы быть совершенно инымъ, если бы Картегенъ во-время воспользовался тѣми стратегическими уроками, которые въ такомъ изобилии и съ такой ясностью преподава ему только что закончившаяся за 20 лѣтъ передъ тѣмъ первая Пуническая война.

*

116. Возраженіе Мехэну.

117. Последняя битва у Утики въ 202 г.

118. Заключительныя замѣчанія.

Несомненно и Римъ тогда дѣйствовать бы иначе. Во всякомъ случаѣ положеніе его было не разъ болѣе чѣмъ критическимъ, даже и безъ участія кареагенскаго флота.

Во время первой Пунической войны римскому народу, вопреки консервативной партіи, крѣпко державшейся за старину, удалось добиться созданія флота, при помощи котораго Кареагенъ и былъ въ концѣ концовъ окончательно побѣжденъ. Во второй Пунической войнѣ для Рима уже не было такой необходимости создавать флотъ, такъ какъ Кареагенъ почти совершенно отказался отъ прежнихъ энергичныхъ дѣйствій на морѣ. Римъ господствовать на морѣ, и владѣя внутренними линіями сообщенія между Италіей и Испаніей, могъ на всѣхъ направленіяхъ отражать кареагенянь, дѣйствовавшихъ по внѣшнимъ линіямъ, не взирая на всю энергію ихъ наступленія. Въ то время, какъ римляне имѣли возможность успѣшно вести войну въ Испаніи, Ганибаль былъ покинутъ въ южной Италіи почти безъ всякой поддержки, и не потому, что Римъ завоевалъ безусловное господство на морѣ, а только потому, что Кареагенъ вообще ничего не дѣлалъ для морской войны, хотя и имѣлъ къ этому полную возможность.

Затѣмъ, въ третьей Пунической войнѣ (мы здѣсь нѣсколько забѣгаемъ впередъ) Кареагенъ совершенно исчезъ съ моря, и римляне получили возможность атаковать его въ самой его столицѣ, для чего даже не потребовалось господства на морѣ, такъ какъ войска могли безпрепятственно быть переправлены въ сѣверную Африку.

Упадокъ, вѣрнѣе гибель, морского могущества Кареагена и былъ главной причиной, по которой Римъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы за міровое владычество.

Однако, Риму съ его флотомъ приходилось выдерживать постоянныя сраженія: такъ напр. въ 190 году, еще передъ третьей Пунической войной, римско-родосскій союзный флотъ въ 80 кораблей былъ атакованъ у острова Теоса Сирійскимъ флотомъ, численностью въ 89 кораблей. Интересно отмѣтить, что Сирійскій флотъ, шедшій въ кильватерныхъ колоннахъ, обойдя достаточно близко римскую эскадру сразу повернулъ всѣми кораблями на 90 градусовъ и выстроилъ одну общую боевую линію; сирійцы были отброшены съ большими потерями.

На Средиземномъ морѣ у Рима больше соперниковъ не было.

Уже во время второй Пунической войны, Картегеномъ на морѣ было сдѣлано очень немногое, а къ тому времени, какъ Картегену была навязана третья война, у него повидимому окончательно заглохли всѣ старыя морскія традиции. Картегенянамъ даже не пришла въ голову мысль о необходимости отразить непріятеля на морѣ, чтобы не дать ему возможности утвердиться въ Африкѣ, гдѣ испытанной сухопутной тактикѣ римлянъ заранѣе можно было предсказать успѣхъ. Повидимому на нихъ нашло какое-то отупѣніе, вслѣдствіе котораго они не хотѣли видѣть надвигающейся опасности; они допустили высадку въ Африкѣ 30-тысячной арміи и 4.000 всадниковъ, и думали, что имъ удастся купить миръ, давъ римлянамъ заложниковъ и выдавъ имъ все свое оружіе и военное снаряженіе.

Съ каждымъ разомъ римляне требовали все большаго, пока наконецъ не объявили, что Картегенъ долженъ быть разрушенъ, а жители его переселены на другое мѣсто, отстоящее отъ моря по крайней мѣрѣ на двѣ нѣмецкія мили. *Carthaginem esse delendam* („Картегенъ долженъ быть разрушенъ“) — слова, которыя постоянно повторяли въ своихъ рѣчахъ Маркъ Порцій Катонъ.

То, чего не могло сдѣлать ни хладнокровное размышленіе, ни энергія—сдѣлало теперь отчаяніе. Картегеняне самымъ предательскимъ образомъ были обезоружены римлянами и лишены всего военного снаряженія. Но тутъ они съ величайшей энергіей принялись изготовлять новое вооруженіе; они разрушали свои дома, чтобы пустить въ дѣло дерево и желѣзо для этой надобности, и когда римскіе консулы, давшіе картегенянамъ нѣкоторое время на размышленіе, начали атаку, они нашли на стѣнахъ защитниковъ, снабженныхъ всѣми средствами обороны.

Картегеняне проявили такое отчаянное мужество, что иногда доводили римлянъ до крайне опаснаго положенія; имъ по временамъ приходилось отказываться отъ наступленія и сосредоточивать все вниманіе на защитѣ своего флота отъ нападенія брандеровъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось только съ назначеніемъ новаго консула, Сципіона Эмилиана, главнокомандующимъ въ Африкѣ. Чтобы отрѣзать картегенянамъ

119. Третья пуническая война. Общія замѣчанія. 149 до 146 г. до Р. Хр.

120. Атаки брандеровъ.

подвозъ припасовъ, онъ устроилъ поперекъ полуострова, на которомъ находился Кареагенъ, укрѣпленный лагерь, а гавань заперъ при помощи широкой каменной дамбы (см. табл. VII).

121. Последнее
выступленіе
кареагенскаго
флота.

Однако черезъ нѣсколько дней послѣ окончанія постройки дамбы, къ величайшему изумленію римлянъ, изъ военной гавани Кареагена по вновь прорытому каналу вышелъ прямо въ море флотъ, состоявшій изъ 50 триремъ и множества мелкихъ судовъ. Флотъ этотъ могъ бы нанести сильный ударъ ничего не ожидавшему и не подготовленному римскому флоту, однако кареагеняне ограничились тѣмъ, что сдѣлали нѣсколько демонстративныхъ рейсовъ, при чемъ осыпали римлянъ насмѣшками. Когда на третій день они начали атаку, римляне уже успѣли приготовиться; произошло рѣшительное сраженіе, послѣ котораго кареагенскія суда ночью столкнулись въ узкомъ входѣ въ гавань, а римляне снова атаквали ихъ съ тыла и разбили ихъ.

122. Конецъ
Кареагена.

Кареагенъ, отъ котораго оставалась почти только груда развалинъ, попалъ, наконецъ, въ руки побѣдителя, Сципіона Африканскаго Младшаго (Scipio Africanus minor). Величайшая морская держава въ западной части Средиземнаго моря кончила свое существованіе; Римъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы и сталъ всемогущимъ не только на сушѣ, но, за отсутствіемъ сколько-нибудь значительнаго соперника,— и на морѣ.

II. Война съ морскими разбойниками.

1. Первая выступленія морскихъ разбойниковъ.

Карагенъ, сильнѣйшая морская держава въ западной части Средиземнаго моря, былъ окончательно низверженъ, но для римскаго флота далеко еще не наступило время предаваться отдыху, несмотря на то, что онъ сдѣлался безусловнымъ господиномъ на всѣхъ моряхъ. Теперь Риму пришлось вести войны въ отдаленныхъ странахъ, куда войска его могли добраться только моремъ; значеніе флота стало постоянно возрастать, такъ какъ ему приходилось энергично содѣйствовать всѣмъ операціямъ сухопутной арміи; вмѣстѣ съ тѣмъ ему же приходилось то здѣсь, то тамъ выполнять функціи морской полиціи, такъ какъ морской разбой сталъ принимать опасные размѣры.

123. Развитие
римскаго
флота.

Благодаря этому обстоятельству, римскій флотъ, требовавшій неустанныхъ заботъ, по временамъ достигалъ очень высокой степени развитія, что ставило его на одинъ уровень съ сухопутной арміей. На ряду съ крупными боевыми кораблями строились легкія суда, предназначенныя для разсылки приказаній и для развѣдочной службы.

На верхней палубѣ крупныхъ боевыхъ судовъ стали устанавливаться сильныя метальныя машины; нѣкоторые корабли снабжались двухъ и трехъ-этажными башнями, въ которыхъ помещались стрѣлки изъ лука для обстрѣливанія палубъ неприятельскихъ кораблей; на судахъ устанавливались и другія боевыя машины, имѣлись зажигательные снаряды, были и особыя брандерныя суда.

Одновременно съ усовершенствованіемъ кораблей шло устройство гаваней, изъ которыхъ нѣкоторыя были укрѣплены и могли запираяться цѣпями; была ускорена постройка военныхъ верфей.

Въ войнѣ съ Митридатомъ, царемъ Понтійскимъ, принимало участіе около 500 римскихъ кораблей, но особенное значеніе флотъ приобрѣлъ въ войнѣ противъ морскихъ разбойниковъ.

124. **Тактика.** По мѣрѣ того, какъ флоту все чаще и чаще приходилось принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, у него стала вырабатываться болѣе опредѣленная уставная тактика; такъ, напр., на походѣ корабли шли большею частью въ двухъ колоннахъ, которыя при сближеніи съ противникомъ склонялись вправо или влево и затѣмъ, сдѣлавъ поворотъ всѣми кораблями на 90°, шли на непріятеля развернутымъ боевымъ фронтомъ, въ одну или двѣ линіи, при чемъ въ первомъ случаѣ корабли второй линіи вступали въ промежутки первой линіи и, такимъ образомъ, образовали одинъ общій фронтъ.

Постепенно вырабатывалась и система передачи приказаній; какъ и въ сухопутныхъ войскахъ, сигналъ къ атакѣ подавался большею частью краснымъ флагомъ (такъ дѣлается и въ настоящее время). Одновременно съ подъемомъ этого флага на кораблѣ главнокомандующаго, всѣ находившіеся на этомъ кораблѣ горнисты начинали трубить въ трубы и въ рожки; вмѣстѣ съ тѣмъ, гребцы издавали боевой кличъ или иногда затягивали боевой гимнъ.

Затѣмъ, при атакѣ каждый корабль намѣчалъ себѣ противника, котораго и старался захватить въ плѣнъ; позднѣе главное вниманіе стали обращать на то, чтобы обломать непріятелю весла; такимъ образомъ, обычнымъ видомъ боя была общая свалка (*mêlée*). При прорывѣ непріятельской линіи, противники, если не переходили сразу же къ абордажному бою, обстрѣливали другъ друга и затѣмъ корабли пытались какъ можно скорѣе атаковать другъ друга съ кормы. Для лучшаго нанесенія удара часто увеличивали разстояніе посредствомъ табаненія ¹⁾. Тактику одиночнаго боя приходилось примѣнять при морской полицейской службѣ.

Получившіе пробоины и давшіе течь корабли далеко не всегда шли ко дну; обыкновенно на борту баласта, инвен-

¹⁾ Положеніе за кормой противника является наилучшей позиціей для нанесенія тараннаго удара. Поэтому, чтобы не дать занять эту позицію, противнику приходилось табанить, желая отойти назадъ. *Ред.*

таря, снаряженія, вооруженія и припасовъ было немного, поэтому корабли большею частью оставались на водѣ, такъ что послѣ сраженія корабли эти обыкновенно брались на буксиръ и отводились домой.

Транспортныя суда, нагруженныя по большей части водою и провіантомъ, шли, насколько возможно было, подъ парусами; гребцовъ на нихъ было мало, такъ что военнымъ кораблямъ часто приходилось брать ихъ на буксиръ, что было тяжелой обузой.

Въ то время, какъ въ западной части Средиземнаго моря римляне вели войну съ Карфагеномъ, на востокъ шли постоянныя войны между потомками военачальниковъ Александра Великаго, изъ которыхъ каждый выкроилъ себѣ изъ громадныхъ владѣній великаго завоевателя особое царство, не имѣвшее большею частью даже опредѣленныхъ границъ; очень часто создавалось полное безначаліе, которое порождало всевозможные беспорядки. Военныя флоты сильныхъ морскихъ государствъ были постоянно заняты войной, что повело къ усиленію морского разбоя, такъ какъ пиратство практиковалось въ древнія времена всѣми мореходными народами, и только впоследствии было подавлено организованными флотами морскихъ державъ. Центромъ морского разбоя сдѣлалась Киликія, находившаяся между Сиріей и Малою Азіей, на границѣ двухъ царствъ.

125. Возникно-
веніе морского
разбоя.

Широкому развитію морского разбоя значительно способствовало то обстоятельство, что двѣ главныя морскія державы того времени Карфагенъ и Коринѣи были въ одномъ и томъ же 146 году до Р. Хр. разрушены римлянами; множество людей, сдѣлавшихся вслѣдствіе этого безпріютными, между которыми были и люди благороднаго происхожденія, опытные и искусные въ морскомъ дѣлѣ и въ морской войнѣ, занялись морскимъ разбоемъ. Въ Киликіи образовалось хорошо организованное разбойничье государство, которое содержало большую армію и флотъ, и постепенно пріобрѣтало все большую силу.

126. Главныя
разбойничьи
гнѣзда.

Государство, разрушившее упомянутыя выше морскія державы и покорившее всѣ прилегающія къ Средиземному морю земли, унаслѣдовало отъ этихъ державъ только господство на сушѣ, но не на морѣ; морское дѣло было заброшено до тѣхъ поръ, пока въ немъ не встрѣчалось настоя-

тельной надобности; между прочимъ было заброшено и морское полицейское дѣло, что дало морскимъ разбойникамъ возможность дѣйствовать съ почти безграничной свободой; они не только захватывали купеческія суда, но грабили побережье и острова, облагали города контрибуціями, захватывали въ плѣнъ уважаемыхъ гражданъ, за которыхъ затѣмъ вымогали крупныя выкупы и т. д. Римлянамъ пришлось войти съ ними въ непосредственное соприкосновеніе при покореніи Малой Азіи во времена Суллы; въ это же самое время распался большой флотъ Митридата Понтійскаго при чемъ многіе офицеры и матросы этого флота поступили на службу къ пиратамъ.

127. Порученіе Суллы. Въ какомъ положеніи находился въ то время римскій флотъ можно судить по тому, что незадолго передъ тѣмъ, въ 87—76 г.г. до Р. Хр. Сулла посылалъ одного изъ своихъ самыхъ энергичныхъ офицеровъ, Лукулла, на востокъ, чтобы собрать флотъ; Лукуллъ объѣхалъ всѣ тамошнія страны, на пути въ Египетъ, едва не попалъ въ руки пиратовъ, и только въ гаваняхъ Сиріи, Кипра и на Родосѣ ему удалось собрать довольно сильную эскадру, съ которой онъ и принялъ участіе въ войнѣ.

Морскіе разбойники продолжали дѣйствовать все съ большей и большей дерзостью и начали грабить даже берега Сициліи и Италіи; они, напримѣръ, подошли къ Сиракузамъ, укрѣпились около бухты и оттуда стали дѣлать набѣги во внутрь острова; города, которые не хотѣли сдаться, или уплатить контрибуцію, они брали штурмомъ, съ острова Липары они брали постоянную дань въ качествѣ выкупа, обезпечивавшаго этотъ островъ отъ разграбленія; подвозъ припасовъ въ Римъ, который всецѣло существовалъ привознымъ зерномъ (житницами Рима были Сицилія, Сардинія и Африка), былъ настолько затрудненъ вслѣдствіе грабежей, что въ городѣ дѣны страшно поднялись и ему сталъ даже угрожать голодъ. Пираты дошли наконецъ до самой Остіи и уничтожили стоявшій въ гавани, снаряжавшійся противъ нихъ римскій военный флотъ.

128. Дорого-визна въ Римѣ. Это переполнило чашу; дѣло шло не только объ оскорбленіи, нанесенномъ Риму; римская чернь, къ тому времени уже ставшая почти всемогущей, вслѣдствіе вздорожанія хлѣба

на себѣ самой почувствовала вліяніе морского разбоя и тогда было немедленно приступлено къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Флотъ и армія уже неоднократно посылались римлянами для уничтоженія морскихъ разбойниковъ, но сколько-нибудь замѣтнаго успѣха достигнуто не было. Только проконсулъ Сервилій, человекъ энергичный, въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 78 по 76 годъ, велъ противъ нихъ упорную и кровопролитную войну и впервые добился нѣкоторыхъ существенныхъ результатовъ; онъ разбилъ ихъ на морѣ, взялъ штурмомъ цѣлый рядъ принадлежавшихъ имъ гаваней, городовъ и крѣпостей въ Ликии, Памфилии, Киликии и Исаврии, уничтожилъ множество ихъ кораблей и вообще нанесъ имъ громадныя потери, за что былъ награжденъ триумфомъ и прозвищемъ „Исаврійскаго“. Однако разбой искоренены не были, и такъ какъ постоянной морской полиціи по прежнему не существовало, то вскорѣ они снова сдѣлались еще сильнѣе, чѣмъ были.

Вслѣдствіе этого уже въ слѣдующемъ году противъ пиратовъ была выслана новая экспедиція, при чемъ начальнику ея, Марку Антонію (отецъ знаменитаго Марка Антонія), были даны такія полномочія, какія до тѣхъ поръ не давались ни одному римлянину: „власть надъ всѣми морскими берегами, состоящими подъ римскимъ владычествомъ“; по этимъ полномочіямъ можно лучше всего судить о томъ значеніи, какое приобрѣли морскіе разбойники. Однако Маркъ Антоній думалъ больше о своемъ обогащеніи, чѣмъ о выполненіи порученнаго ему дѣла: онъ въ теченіе пяти лѣтъ велъ войну, но никакихъ результатовъ не достигъ и даже самъ потерпѣлъ пораженіе на морѣ отъ критянъ, съ которыми и заключилъ миръ.

Это былъ моментъ наибольшаго развитія силъ морскихъ разбойниковъ. Въ 70 году у нихъ было болѣе 1000 прекрасно построенныхъ и вооруженныхъ кораблей, изъ которыхъ нѣкоторые были богато отдѣланы; подъ властью ихъ находилось около 400 городовъ, при чемъ главной гаванью ихъ былъ Корацезіумъ, находившійся на границѣ Киликии и Памфилии, а въ горахъ Тавра, тянувшихся позади этого города, у нихъ было множество укрѣпленныхъ горныхъ замковъ.

Перерывъ въ доставкѣ прованта создалъ въ Римѣ настолько серьезное положеніе, что въ 67 году народный три-

129. Пронн-
сулъ Сервилій
въ 78—76 г.

130. Маркъ
Антоній
Старшій.

131. Силы мор-
скихъ разбой-
никовъ.

132. Законъ
Габинія и его
значеніе.

бунтъ Габиній, несмотря на энергичное противодѣйствіе сената, проведеть въ народномъ собраніи законъ, носившій его имя (lex Gabinia), согласно которому для подавленія морского разбоя было назначено особое лицо, облеченное самыми широкими полномочіями, превосходившими даже тѣ, которыя были даны Марку Антонію: ему была дана неограниченная власть надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ, включая и Понть, и надъ всѣми его берегами на разстояніи 75 километровъ во внутрь страны; въ его распоряженіе былъ данъ флотъ въ 500 кораблей, армія въ 120.000 человекъ пѣхоты и 5.000 всадниковъ, 33 милліона марокъ и, кромѣ того, право распоряжаться по своему усмотрѣнію государственной казной, всѣми капиталами и другими средствами въ провинціи; полномочія эти были ему даны на три года, при чемъ ему было предоставлено право самому выбрать всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

Такая власть противорѣчила всѣмъ традиціямъ, и обещаніе ея одного лица можно считать за переходъ къ монархіи; республика, въ которой могъ пройти такой законъ, должна была считаться подготовленной къ единовластію, и, такимъ образомъ, конецъ Римской республики былъ въ извѣстномъ смыслѣ вызванъ морской войной.

2. Дѣятельность Помпея.

133. Назначеніе Помпея почти неограниченнымъ повелителемъ. Лицо, которому предполагалось дать такія полномочія, названо не было, но это не могъ быть никто иной, какъ Помпей, звѣзда котораго въ то время находилась въ полномъ блескѣ и поднималась все выше; онъ и былъ назначенъ сенатомъ на эту должность и блестяще оправдалъ навшій на него выборъ.

134. Стратегія Помпея. Война противъ морскихъ разбойниковъ не представляетъ интереса въ тактическомъ отношеніи, за то въ стратегическомъ смыслѣ, въ виду ея особенности, она имѣетъ существенное значеніе. Планъ Помпея заключался въ томъ, чтобы въ корнѣ уничтожить разбой на всемъ Средиземномъ морѣ, а не только бороться съ нимъ, какъ это до тѣхъ поръ дѣлалось, въ его основномъ гнѣздѣ—южномъ берегу Малой Азіи и на Критѣ; достигъ этого, сосредоточивъ всѣ свои силы въ одномъ мѣстѣ было невозможно, такъ какъ власть

непріятеля не ограничивалась однимъ или нѣсколькими пунктами, а распространялась на все Средиземное море.

Пораженіе непріятеля въ какомъ-нибудь одномъ пунктѣ имѣло бы значеніе только на короткое время и только для одного этого пункта, такъ какъ разбойники быстро разсѣялись бы въ разныя стороны и снова принялись бы за свое дѣло въ другомъ мѣстѣ или вернулись бы на старое, какъ только побѣдитель оттуда удалился. Поэтому Помпею пришлось отказаться отъ общепризнаннаго въ стратегіи основнаго правила „держать силы вмѣстѣ“, и сдѣлать противоположное тому, что дѣлали его предшественники; это было совершенно правильно, такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло шло не о войнѣ въ обычномъ значеніи этого слова, а о партизанской войнѣ на морѣ. Помпей рѣшилъ атаковать морскихъ разбойниковъ во всѣхъ ихъ притокахъ, по возможности одновременно, но при этомъ не только разбить ихъ, но и окружить такъ, чтобы не дать имъ возможности спастись бѣгствомъ. Для выполненія этого плана въ его распоряженіи имѣлись достаточныя силы, по крайней мѣрѣ для одной половины Средиземнаго моря, такъ какъ онъ, повидимому, даже не воспользовался всѣми данными въ его распоряженіе силами; къ тому же морскіе разбойники далеко не могли считаться равносильными противниками для отлично вооруженнаго и руководимаго римскаго флота, при чемъ и организація ихъ не обладала достаточной крѣпостью, чтобы въ теченіе долгаго времени противостоять въ серьезной борьбѣ міровой римской державѣ. Однако способъ, какимъ Помпей распорядился своими силами и необыкновенная быстрота, съ которой онъ кореннымъ образомъ разрѣшилъ порученную ему задачу, заслуживаютъ полнаго вниманія, вслѣдствіе чего ниже и приводится краткое описаніе его дѣйствій.

Помпей раздѣлилъ Средиземное море на тринадцать райо-
оновъ и въ каждый изъ нихъ назначилъ достаточно сильную
эскадру съ соотвѣтствующимъ количествомъ войскъ; отряды
эти должны были основательно обыскать и очистить весь
берегъ и острова. Самъ онъ оставилъ себѣ эскадру изъ
60 лучшихъ кораблей подъ своимъ непосредственнымъ на-
чальствомъ, съ которой и сталъ крейсировать въ открытомъ
морѣ, чтобы имѣть возможность придти на помощь въ на-
иболѣе опасныхъ мѣстахъ.

135. Дѣйствія
Помпея на
западѣ.

Онъ началъ свою дѣятельность въ западной половинѣ Средиземнаго моря, считая ее до береговъ Греціи; одной эскадрѣ былъ порученъ восточный берегъ Испаніи, другой— южный берегъ Франціи и т. д.; самъ онъ остался въ Тиренскомъ морѣ и крейсеровалъ между Италіей, Сициліей и Сардиніей. Всѣ эскадры такъ быстро и настойчиво принялись за выполнение порученнаго имъ дѣла, что въ теченіе 40 дней это громадное пространство было совершенно очищено отъ разбойниковъ. Морская торговля снова пошла обычнымъ порядкомъ, продовольствіе подвозилось въ Римъ въ изобиліи, и цѣны на зерно упали до обыкновеннаго уровня. Это произвело, конечно, громадное впечатлѣніе.

136. Помпей на востокѣ.

Тогда Помпей перешелъ къ восточной части Средиземнаго моря; онъ распредѣлилъ свои эскадры по всемъ берегамъ и островамъ, какъ это было и раньше сдѣлано, а самъ направился противъ главнаго разбойничьяго гнѣзда — Корациума. До тѣхъ поръ разбойники не осмѣливались оказывать сопротивленія сильнымъ римскимъ эскадрамъ, но тутъ они взялись за оружіе и, послѣ упорной битвы, были разбиты на голову. Тогда Помпей безъ сопротивленія высадилъ свои войска и принялся за разрушеніе укрѣпленныхъ разбойничьихъ замковъ. Значительныя силы, которыми располагалъ Помпей и настойчивость его, произвели сильное впечатлѣніе на разбойниковъ; съ другой-же стороны, къ скорѣйшей сдачѣ ихъ побудило и то, что Помпей обѣщалъ сдающимся жизнь и свободу, тогда какъ до тѣхъ поръ римляне распинали на крестахъ всѣхъ захваченныхъ ими разбойниковъ; при такой альтернативѣ большинство ихъ предпочло сдаться, при чемъ очень многіе были выданы своими же товарищами. Такимъ образомъ и восточная часть Средиземнаго моря въ семь недѣль была очищена отъ морского разбоя.

137. Потери морскихъ разбойниковъ.

У разбойниковъ было частью взято, частью выдано ими самими около 400 судовъ, въ томъ числѣ 90 военныхъ кораблей; кромѣ того, вѣроятно, до 900 судовъ было уничтожено; принадлежавшія разбойникамъ гавани были захвачены, верфи уничтожены, 120 укрѣпленныхъ замковъ разрушено; было убито, повидимому, до 10.000 разбойниковъ и до 20.000 взято въ плѣнъ; кромѣ того, захвачена была громадная добыча и освобождено много плѣнниковъ, въ томъ числѣ много знатныхъ римлянъ, которыхъ уже давно считали по-

гибшими. Захваченных плѣнныхъ Помпей раселилъ по опустошеннымъ городамъ Малой Азіи и друг.

Такимъ образомъ, Помпей менѣе чѣмъ въ три мѣсяца выполнилъ возложеную на него задачу. Въ его распоряженіе были даны громадныя силы, значительно превосходившія силы противника, а потому можетъ показаться, послѣ того, какъ дѣло было уже сдѣлано, что выполнить задачу было очень легко; такъ обыкновенно смотрятъ на всякій, даже величайшій военный успѣхъ: — повторяется исторія съ колумбовымъ яйцомъ; каждый заднимъ числомъ полагаетъ, что необходимость предпринятыхъ мѣръ была очевидна сама собой, на дѣлѣ же изъ многихъ тысячъ людей обыкновенно находятся только единицы, обладающія тѣмъ вѣрнымъ взглядомъ и тактомъ, которые подсказываютъ правильное рѣшеніе. Это, такъ сказать, инстинктивное умѣніе найти наиболѣе цѣлесообразный способъ дѣйствія и есть то главное качество, которое вмѣстѣ съ другими необходимыми свойствами каждаго офицера, дѣлаетъ изъ него вождя. Какъ бы просты и очевидны ни казались мѣры, принятыя Помпеемъ, однако никто изъ его предшественниковъ, изъ которыхъ одному тоже были даны чрезвычайныя полномочія не догадался ихъ примѣнить.

138. Разборъ дѣйствій Помпея.

Подобные случаи повторялись не разъ и въ позднѣйшее время и даже въ текущемъ столѣтіи, хотя и не въ столь крупномъ масштабѣ. Букаиры (флибустьеры) въ свое время образовали въ Востъ-Индіи такое же разбойничье государство; ближайшимъ же примѣромъ являются Берберійскія государства на сѣверномъ берегу Африки; они въ теченіе столѣтій практиковали свое разбойничье ремесло, противъ нихъ отъ времени до времени принимались обширныя мѣры Карломъ V, Людовикомъ XIV; еще въ XIX столѣтіи Алжиръ подвергся бомбардировкѣ англичанъ и сѣверо-американцевъ, но искорененъ морской разбой былъ только тогда, когда Франція въ 1830 году завоевала Алжиръ; впрочемъ, и до сего дня онъ не можетъ считаться окончательно подавленнымъ (Tres Forcas), вслѣдствіе чего наблюденіе морской полиціи остается совершенно необходимымъ, хотя организація этого наблюденія является далеко нелегкимъ дѣломъ. Помпею-же потребовалось менѣе трехъ мѣсяцевъ на очищеніе всего Средиземнаго моря.

139. Аналогичные случаи изъ позднѣйшихъ временъ.

140. Заклю-
чительныя
замѣчанія.

Независимо отъ удачнаго составленія общаго плана войны, стратегическій талантъ Помпея особенно выразился въ его умѣннн сохранить въ тайнѣ намѣченный планъ дѣйствій и свои приготовленія, а затѣмъ—въ быстротѣ дѣйствій, которая обезпечила неожиданность его атаки. Особеннаго вниманія заслуживаетъ одновременная рѣшительная атака непріятели на всѣхъ пунктахъ, благодаря чему у него была отнята возможность укрыться, а также собрать свои широко разбросанныя силы для рѣшительнаго сопротивленія; наконецъ, надо отдать справедливость той быстротѣ и увѣренности, съ которыми онъ велъ всѣ операціи, между прочимъ в руководилъ эскадрами.

Въ теченіе своей богатой событіями жизни, Помпею пришлось совершить не мало значительныхъ дѣлъ; онъ командовалъ арміями и одержалъ не одну побѣду на сушѣ, но самой блестящей страницей его исторіи является несомнѣнно его руководство флотомъ во время этой морской войны, которую онъ съ неожиданной быстротой и полнымъ успѣхомъ довелъ до конца.

141. Дальнѣй-
шее развитіе
кораблестроенія
и морской
тантини.

Тѣмъ временемъ, какъ уже упомянуто въ началѣ этой главы, кораблестроеніе сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи уже послѣ первой Пунической войны; корабли стали строиться крупнѣе и выше, при чемъ ихъ снабжали метательными машинами, для защиты которыхъ, а также сражающихся, стали строить высокіе борты и даже башни; кромѣ тяжелыхъ снарядовъ для разрушенія бортовъ, стали входить въ употребленіе и зажигательные снаряды; были сдѣланы усовершенствованія и для болѣе удобнаго дѣйствія въ абордажномъ бою. Для особыхъ цѣлей начали строить спеціальныя суда, напримѣръ, маленькіе быстроходные корабли. Сраженіе обыкновенно начиналось съ дальней дистанціи и только потомъ переходило въ абордажный бой; таранъ потерялъ большую часть своего значенія, и таранить стали только тогда, когда къ этому представлялся исключительно благоприятный случай. Примѣненіе Римомъ своего флота для поддержки сухопутной арміи выдвинуло много спеціальныхъ задачъ, которыя флоту приходилось выполнять.

142. Роскош-
ные корабли.

Развитіе судостроенія отразилось и въ другой области, напримѣръ въ постройкѣ роскошныхъ кораблей. О такихъ корабляхъ слѣдовало упомянуть въ этой книгѣ еще когда

говорилось объ египетскихъ фараонахъ. Имѣются свѣдѣнія, что парадный корабль Птоломея Филопатора имѣлъ болѣе 400 футъ длины, а высота его отъ киля до палубы равнялась 80 футамъ. Придѣланныя въ видѣ украшенія фигуры животныхъ имѣли 18 футъ высоты; корабль имѣлъ семь башенъ, самыя длинныя весла были въ 55 футъ длины и для противовѣса были залиты свинцомъ; на кораблѣ было 4.000 гребцовъ и болѣе 3.000 людей остальнаго экипажа, всего болѣе 7.000 человекъ, что представляется громадною цифрою.

У другихъ большихъ кораблей на Нилѣ, принадлежавшихъ фараонамъ, особенное вниманіе было обращено на роскошную отдѣлку: помѣщенія для пиршествъ имѣли мозаичные полы, были устроены павильоны, обширныя сады, роскошнѣйшія жилья помѣщенія; вездѣ было кедровое дерево, слоновая кость, позолота, мраморныя колонны и пр.

Въ Сиракузахъ такой корабль былъ у Герона II, выстроенный для него Архимедомъ; мачта его состояла изъ одного куска, для чего было вырублено самое высокое дерево въ Вруціумѣ. На кораблѣ было множество залъ для празднествъ, молитвенныхъ залъ и роскошныхъ жилыхъ покоевъ; кромѣ того, на немъ были купальни, даже паровая баня, дюжина стойлъ для лошадей, большіе резервуары для воды; кругомъ палубы стояло восемь вооруженныхъ башенъ. Главная катапульта, построенная Архимедомъ, могла метать камни вѣсомъ въ 150 фунтовъ на разстояніе въ 400 футъ; желѣзный палисадъ защищалъ отъ абордажа; у корабля было 4 большихъ деревянныхъ и 4 желѣзныхъ якоря. Геронъ впоследствии подарилъ этотъ корабль египетскому фараону, такъ какъ онъ съ трудомъ входилъ въ гавани Сидиліи.

Въ новѣйшее время на днѣ озера Неми въ горахъ Альбани (въ окрестностяхъ Рима) были найдены остатки такого роскошнаго корабля; большая часть этихъ остатковъ находится въ настоящее время въ музеѣ Діоклетіановыхъ термъ въ Римѣ, гдѣ можно любоваться необыкновенно прочной постройкой корпуса и видѣть отдѣльныя части вооруженія корабля. На этомъ кораблѣ также были сады, расположенныя въ видѣ террасъ съ храмами и бесѣдками, и громадныя залы. Этотъ корабль впрочемъ, повидимому, постоянно стоялъ на якорѣ на маленькомъ озерѣ, тогда какъ упомянутые выше

два громадныхъ корабля могли передвигаться, и даже переплывали море.

Такія колоссальныя постройки могли имѣть значеніе въ оборонительномъ смыслѣ, но для наступленія оныхъ, конечно, совершенно не годились.

Роскошныя корабли меньшихъ размѣровъ, конечно, встрѣчались гораздо чаще; такіе корабли имѣлись даже у морскихъ разбойниковъ и отличались легкостью и быстротою хода. Особыя требованія которыя предъявлялъ къ кораблямъ разбойничій промыселъ, также принесли свою долю пользы судостроенію. Такъ, на примѣръ, Агриппа впервые познакомился съ судами, носившими названіе „либурнъ“ (liburna) и оказавшими ему впоследствии значительную пользу, у одного разбойничьяго племени на Иллирійскомъ берегу.

III. Агринна, какъ морской вождь.

1. До битвы при Акціумѣ.

Въ всемірной исторіи обыкновенно очень мало говорится 143. Введеніе. о морскихъ войнахъ, но одно морское сраженіе, тѣмъ не менѣе, всегда упоминается—сраженіе при Акціумѣ въ 31 году до Р. Хр. Обойти это сраженіе молчаніемъ невозможно, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, ни одно сраженіе, сухопутное или морское, не имѣло такого значенія во всемірной исторіи. Сраженіе это на цѣлыя столѣтія предрѣшило судьбы всего извѣстнаго тогда міра, сосредоточивъ власть надъ нимъ въ рукахъ одного человѣка, Октавіана Августа, и создавъ, такимъ образомъ, всемірную Римскую Имперію, которая просуществовала болѣе четырехъ столѣтій (до 395 г. по Р. Хр.), когда Θεодосій раздѣлилъ ее на восточную и западную Римскую Имперію. По сравненію съ этимъ сраженіемъ, не только всѣ другія битвы, повлекшія за собой самыя крупныя послѣдствія, но даже цѣлыя войны отступаютъ на второй планъ, такъ какъ ни одна изъ нихъ не имѣла, даже приблизительно, такого громаднaго и такого продолжительнаго вліянія на судьбы человѣчества.

Чтобы объяснить себѣ этотъ фактъ, нужно припомнить тогдашнее крайне запутанное положеніе дѣлъ, которое мы попробуемъ обрисовать въ краткихъ чертахъ, обративъ особенное вниманіе на значеніе болѣе близкаго знакомства римлянъ съ моремъ.

Въ теченіе почти пяти столѣтій, которыя потребовались 144. Римская
политика. римлянамъ на покореніе Италіи, они, несмотря на длинную береговую линію своей страны и на то значеніе, которое со временемъ пріобрѣла ихъ морская торговля, держались почти совершенно въ сторонѣ отъ моря. До тѣхъ поръ, они всегда придерживались, какъ во внутреннихъ дѣлахъ, такъ

*

и во вѣдшихъ сношеніяхъ, хотя и эгоистичной и агрессивной, но тѣмъ не менѣе, въ общемъ, всегда правдивой и прямой политики; но какъ только они пришли въ постоянное соприкосновеніе съ моремъ, которое, впрочемъ, въ первое время выразилось только въ переправѣ черезъ узкій Мессанскій проливъ,—они тотчасъ же начали отступать отъ своихъ старинныхъ основныхъ принциповъ. Они совершенно справедливо подвергли публичному тѣлесному наказанію, а затѣмъ и казнили участниковъ разбойничьей шайки наемниковъ, которые предательствомъ и убійствами завладѣли Регіумомъ и, какъ морскіе разбойники временъ Помпея, жили главнымъ образомъ грабежемъ; между тѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя они заключили союзъ съ мамертинцами, которые рѣшительно ничѣмъ не отличались отъ этихъ разбойниковъ, и приняли ихъ себѣ въ союзники.

Римляне, т. е. вѣрнѣе сенатъ, руководившій правительственной жизнью страны, своей непоследовательностью сталъ такимъ образомъ въ прямое противорѣчіе съ народными взглядами, а впоследствии, ради матеріальныхъ выгодъ, и вообще измѣнилъ тѣмъ основнымъ нравственнымъ принципамъ, на которыхъ создавалось римское государство, и безъ которыхъ оно никогда не достигло бы своего величія.

Этотъ дурной примѣръ оказалъ вліяніе не только на вѣдшія сношенія Рима, но отразился и на самомъ римскомъ народѣ, и фактъ этотъ можетъ считаться первымъ крупнымъ шагомъ, который былъ сдѣланъ Римомъ на пути къ нравственному паденію.

145. Вліяніе моря и морскихъ интересовъ.

Война на морѣ потребовала постройки и вооруженія громаднаго флота, да притомъ не одинъ разъ, а по вѣдъ самихъ римлянъ, ничего не смыслившихъ въ морскомъ дѣлѣ,—нѣсколькихъ большихъ флотовъ одного за другимъ; это вынудило римлянъ отказаться еще отъ одного изъ основныхъ принциповъ своей политики—мягкаго обращенія съ находившимися въ зависимости отъ нихъ союзниками, которое привязывало ихъ къ Риму; они наоборотъ, стали съ крайней суровостью угнетать своихъ морскихъ союзниковъ, и довели ихъ до такого истощенія, что натолкнули ихъ на мысль о возстаніи и отпаденіи отъ Рима. Это было одной изъ главнѣйшихъ причинъ того, что вторая Пуническая война затянулась на такое продолжительное время, что, въ свою

очередь, повлекло за собой жестокия наказанія возставшихъ и отразилось огрубѣнiемъ нравовъ самихъ римлянъ.

Такимъ образомъ и здѣсь море вызвало отступленiе отъ добрыхъ старыхъ нравовъ.

Большія контрибуціи, полученныя съ Кареагена и другихъ побѣжденныхъ странъ, а также увеличившіяся вслѣдствіе расширенія государства морскія сношенія породили роскошь и легкомысленный образъ жизни, вмѣсто существовавшей до тѣхъ поръ простоты и строгости нравовъ; зло это особенно развилось съ тѣхъ поръ, какъ проконсулы стали возвращаться въ Римъ съ огромными богатствами, награбленными за одинъ только годъ управленія колоніями, число которыхъ постоянно возрастало (тоже самое наблюдалось у чиновниковъ въ англійскихъ Остъ-Индскихъ колоніяхъ; въ настоящее время дѣло поставлено лучше). Весь міръ обѣдвѣлъ, такъ какъ всѣ богатства стекались въ Римъ, гдѣ процвѣтала величайшая роскошь и испорченность нравовъ; вѣра и вѣрность исчезли, все стало продажнымъ, и вездѣ воцарился золотой телецъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, стала разрушаться и прежняя крѣпкая государственная организація. Въ городѣ, достигшемъ колоссальнаго роста, все увеличивалось число рабовъ, пролетаріатъ дѣлался все многочисленнѣе и рѣзкая разница между богатыми и бѣдными классами съ каждымъ днемъ возрастала; это открыло широкое поле для дѣятельности демагоговъ и вліяніе ихъ стало возрастать; возникли крупныя внутреннія смуты. Отдѣльные выдающіеся люди, какъ напр. Марій и Сулла, стали мечтать о единовластіи и звергли государство въ кровавую междоусобную войну. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались массовыя изгнанія и убійства политическихъ противниковъ, отъ которыхъ было желательно избавиться, или даже просто богатыхъ людей, состояніе которыхъ желательно было захватить. Стало опаснымъ играть какую-нибудь политическую роль.

Законъ Габинія давалъ Помпею возможность захватить единовластіе, но у него не хватило рѣшимости воспользоваться этимъ закономъ и, закончивъ въ короткій срокъ войну съ морскими разбойниками, онъ сложилъ съ себя предоставленную ему громадную власть; такъ же поступилъ онъ и еще разъ, при другомъ подобномъ же случаѣ. Однако,

146. Вліяніе роскоши на характеръ римлянъ.

147. Начало политической роли отдѣльныхъ личностей.

нѣсколько лѣтъ спустя, въ 60 году, онъ принялъ участіе въ захватѣ власти, вмѣстѣ съ Цезаремъ и Крассомъ; это раздѣленіе власти продолжалось впрочемъ только около десяти лѣтъ, послѣ чего Цезарь, далеко превосходившій его своей энергіей, одержавъ въ 48 году побѣду при Фарсалѣ, захватилъ всю власть въ свои руки.

148. Цезарь
въ Египтѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, Цезарь въ августѣ мѣсяцѣ того же 48 года отправился въ Александрію, чтобы урегулировать спорный вопросъ о престолонаслѣдіи; онъ взялъ съ собой 5.000 человекъ на десяти военныхъ корабляхъ, которые, были встрѣчены египтянами враждебно. Подъ начальствомъ нѣкоего Ахилла была сдѣлана попытка отрѣзать сообщенія Цезаря съ моремъ и запереть его вмѣстѣ съ кораблями, для чего египтяне установили тѣсную блокаду обоихъ выходовъ изъ гавани.

Однако Цезарь быстро одолѣлъ непріятеля; онъ проврался черезъ линіи египтянъ, отрѣснилъ ихъ въ устьяхъ Нила и тамъ сжегъ ихъ корабли. Затѣмъ онъ занялъ островъ Фаросъ, лежавшій противъ новой александрійской гавани, возстановилъ морское сообщеніе и вытребовалъ изъ Сиріи, Родоса и Крита новыя боевыя силы.

Тѣмъ временемъ египтяне закончили свои зимнія приготовления: въ Нилѣ стояли наготовѣ 27 большихъ кораблей (въ томъ числѣ 5 съ пятью рядами весель) и множество другихъ судовъ. Цезарь могъ выставить противъ нихъ 15 крупныхъ судовъ (въ томъ числѣ также 5 судовъ по пяти рядовъ весель) и 19 меньшихъ военныхъ кораблей. Тѣмъ не менѣе онъ вышелъ въ морѣ и немедленно выстроилъ боевую линію впереди новой гавани; египтяне, отдѣленные отъ него рифомъ, лежавшимъ передъ старой гаванью Александріи, также изготовились къ бою, но ни тотъ ни другой изъ противниковъ не хотѣлъ перейти по одному изъ узкихъ проходовъ, имѣвшихся въ этомъ рифѣ, на другую сторону для атаки непріятеля, такъ какъ опасался очутиться, при проходѣ этого дефиле съ самаго начала въ невыгодномъ тактическомъ положеніи.

Тогда командиръ четырехъ кораблей, пришедшихъ съ Родоса, предложилъ пройти черезъ средній проходъ; Цезарь съ главными силами быстро послѣдовалъ за нимъ, неожиданно атаковалъ египтянъ и, несмотря на значительно болѣе

слабыя силы, послѣ долгаго и упорнаго боя, одержалъ полную побѣду. Только немногимъ непріятельскимъ кораблямъ удалось, подѣ прикрытіемъ выставленныхъ на берегу стрѣлковъ изъ лука, укрыться въ гавань; большая часть кораблей была захвачена или уничтожена Цезаремъ.

Со времени начала первой Пунической войны и до того времени, когда Римъ достигъ владычества надъ міромъ, т. е. надъ всѣми прилегающими къ Средиземному морю странами, прошло почти двѣсти лѣтъ. Несмотря на это, ни на западѣ, ни на востокѣ не было ни одного государства, которое могло бы явиться для него сколько-нибудь серьезнымъ соперникомъ; объясняется это тѣмъ, что никто не оцѣнивалъ того вліянія, какое можетъ оказать флотъ при цѣлесообразномъ его употребленіи, никто не сознавалъ значенія господства на морѣ.

Римляне совершили всѣ свои великіе завоевательные походы на сухомъ пути и пользовались флотомъ только въ случаяхъ крайней нужды для перевозки войскъ или же для какой-нибудь другой определенной цѣли, напримѣръ при осадѣ и т. п.; если бы они цѣлесообразно пользовались флотомъ, то могли бы завоевать тѣ же страны съ гораздо меньшими усилиями, тогда какъ безъ его помощи силы ихъ истощались затяжными или постоянно возобновлявшимися войнами, такъ что иногда имъ требовалось значительное время для восстановленія этихъ силъ.

Первымъ римляниномъ, оцѣнившимъ значеніе морского владычества и построившимъ на этомъ свои планы, былъ Секстъ Помпей, послѣ того, какъ потерпѣлъ неудачу въ сухопутныхъ войнахъ (битвы при Тапсѣ въ 46 году и при Мундѣ въ Испаніи въ 45 г. до Р. Хр.). Когда послѣ убійства Цезаря, Октавіанъ, Антоній и Лепидъ подѣлили между собой весь міръ, Помпей создалъ флотъ въ западной части Средиземнаго моря, съ которымъ въ 41 году и разбилъ флотъ Октавіана у скалъ Сциллы. Въ слѣдующемъ, 40 году до Р. Хр., онъ получилъ полную свободу дѣйствій на морѣ, такъ какъ Октавіанъ долженъ былъ заняться усмиреніемъ опаснаго возстанія, поднятаго въ Италіи женой Антонія, развратчой Фульвіей, которая по собственной инициативѣ пыталась его свергнуть; Помпей воспользовался этимъ случаемъ, опустошилъ побережья Италіи, прервалъ морскую

149. Непризна-
ніе значенія
флота.

150. Признаніе
значенія мор-
ского влады-
чества Сек-
стомъ Пом-
пеемъ,

торговлю и отрѣзать подвозъ припасовъ къ Риму. Въ слѣдующемъ году онъ вошелъ въ союзъ съ Антоніемъ, который незадолго передъ тѣмъ заключилъ триумvirатъ съ Октавіаномъ и Лепидомъ, и когда Антоній съ большимъ флотомъ пришелъ въ Италію, то Октавіанъ былъ вынужденъ согласиться на всѣ требованія Антонія и Помпея, которые являлись полными хозяевами на морѣ. Благодаря этому, Помпею удалось заставить признать себя независимымъ властителемъ Сициліи, Сардиніи, Корсики и Целопонеса, при чемъ съ своей стороны онъ обязался снабжать Римъ зерномъ; такимъ образомъ онъ воспользовался своей властью на морѣ, и такъ какъ Римъ не могъ существовать безъ привознаго зерна, то Октавіанъ оказался въ полной зависимости отъ Помпея.

Такое положеніе дѣла было невыносимо для властителя громаднаго государства, и Октавіанъ, какъ только создалъ флотъ, который считалъ равносильнымъ флоту Помпея, немедленно нарушилъ заключенный съ Секстомъ Помпеемъ договоръ.

151. Развитие морского военного дѣла.

Морское военное дѣло тѣмъ временемъ измѣнилось въ томъ отношеніи, что стало проявляться стремленіе перейти къ дѣйствию въ бою болѣе значительныхъ массъ, чему примѣромъ служить переходъ отъ триремъ къ пентерамъ; аналогично съ этимъ переходомъ и благодаря успѣхамъ тех-

152. Метательныя машины.

ники, начали придавать большее значеніе громоздкимъ метательнымъ машинамъ, метавшихъ большія тяжести на большія разстоянія, между тѣмъ какъ раньше довольствовались лучниками, расположенными на палубахъ и площадкахъ на мачтахъ. Корабли начали строить гораздо прочнѣе и съ высокими бортами, на палубѣ стали устанавливать тяжелыя метательныя машины, а также башни (деревянныя сооруженія, на которыхъ помѣщались легкія метательныя машины, стрѣлки изъ лука, пращники и копейщики).

Доказательствомъ отвращенія римлянъ къ морю можетъ служить то обстоятельство, что у обоихъ противниковъ флотами командовали не сами военачальники и не благородные римляне, а вольноотпущенники, которые раньше считались низшимъ классомъ и употреблялись только для работы на веслахъ.

Прежде всего Октавианъ, безъ объявленія войны, приказалъ внезапно отобрать у Секста Помпея Сардинію и Корсику; послѣ этого произошелъ бой между флотами, въ которомъ флотъ Октавіана потерпѣлъ поражение, а затѣмъ былъ совершенно уничтоженъ бурей. Такимъ образомъ, снова возникла опасность, что Риму будетъ отрѣзанъ подвозъ припасовъ, что легко могло привести Октавіана къ гибели; поэтому, необходимо было создать какъ можно скорѣе новый флотъ и найти для него искуснаго вождя; такимъ былъ Маркъ Агриппа, другъ и товарищъ дѣтства Октавіана, котораго онъ вызвалъ изъ Галліи.

Выдающаяся многосторонняя талантливость Агриппы доказывается тѣмъ, что въ 20 лѣтъ онъ уже выступалъ публично въ Римѣ обвинителемъ противъ Кассія, убійцы Цезаря, въ 22 года отличился въ войнѣ противъ Фульвіи, а въ 25 лѣтъ съ успѣхомъ командовалъ арміей въ Галліи и Германіи. Отсюда онъ былъ вызванъ назадъ въ Римъ, чтобы принять начальство надъ новымъ флотомъ для дѣйствій противъ Секста Помпея. Діо Кассій называетъ Агриппу лучшимъ человѣкомъ своего времени; во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно былъ единственнымъ римляниномъ, обладавшимъ талантомъ къ веденію морской войны.

Агриппа засталъ флотъ еще неготовымъ, и всѣми мѣрами сталъ торопить его постройку, соблюдая, однако, полную и разумную осмотрительность; такъ для защиты отъ удара тарановъ непріятельскихъ кораблей, которые превосходили его корабли быстротой хода и поворотливостью, онъ приказалъ устроить на своихъ судахъ защитный поясъ, состоявшій изъ крѣпкихъ брусевъ, укрѣпленныхъ на корабельныхъ корпуссахъ на высотѣ ватеръ-линии.

Всѣ римскіе военачальники, дѣйствовавшіе до тѣхъ поръ (въ теченіе двухъ съ четвертью столѣтій), удовольствовались бы быстрой постройкой флота и немедленно выступили бы изъ Остіи противъ непріятеля, но Агриппа сообразилъ, что флоту необходима операціонная база, т. е. безопасная гавань съ защищеннымъ рейдомъ, расположенная ближе къ театру войны, къ Сициліи. Отсутствие такой гавани вызывало постоянную необходимость продолжительныхъ переходовъ вдоль береговъ Италіи, у которыхъ не было ни одного укрытаго мѣста, что вызывало большую по-

153. Побѣда Секста Помпея у Нумы.

154. Первое политическое выступленіе Агриппы.

155. Агриппа, какъ командующій флотомъ; техническіе вопросы.

156. Морская стратегія во время мира.

терю времени и было отчасти причиной тѣхъ кораблекрушеній, которымъ неоднократно подвергался римскій флотъ послѣ многочисленныхъ сраженій, разыгравшихся въ этихъ мѣстахъ, начиная съ сраженія у Миле въ 260 году и до сраженія у Кумъ въ 37 году; дальность разстоянія, конечно, отражалась и на быстротѣ исправленія потерпѣвшихъ аваріи судовъ.

157. Закладна Для этой цѣли Агриппа приказалъ прорыть въ двухъ мѣстахъ узкую полосу, отдѣлявшую заливъ Байи (Подоулли) отъ Лукринскаго озера (между Неаполемъ и Кумами) и прорыть отъ него каналъ до Аверскаго озера; такимъ образомъ получилась гавань съ двумя входами и двумя вполне безопасными бассейнами, съ защищенной бухтой, служившей ей рейдомъ; гавань эту онъ назвалъ портомъ Юлія. Здѣсь были собраны, вооружены, снабжены экипажами и начали свои упражненія всѣ корабли, строившіеся по всему побережью. Для пополненія экипажей Октавіанъ освободилъ 20.000 рабовъ, подъ условіемъ службы на судахъ; тогда Агриппа началъ неустанно упражнять своихъ людей, пока они уже не оставляли желать ничего лучшаго.

158. Первые дѣйствія флота. Весной 36 года флотъ былъ готовъ къ дѣйствію. Планъ войны заключался въ томъ, чтобы переправить у Мессаны армію въ Сицилію, а Агриппа тѣмъ временемъ долженъ былъ разбить флотъ Секста Помпея. Октавіанъ вышелъ въ море вмѣстѣ съ Агриппой, но у мыса Полинура флотъ былъ застигнутъ сильной бурей, свирѣпствовавшей во всей средней части Средиземнаго моря; на этотъ разъ не погибъ ни одинъ корабль, но многіе изъ нихъ потерпѣли серьезныя аваріи, такъ что Агриппа воротился назадъ въ портъ Юлія для починокъ.

Та же буря настолько повредила флотъ изъ 70 кораблей, посланный Лепидомъ изъ Африки на помощь Октавіану, что о немъ впослѣдствіи уже больше не упоминается, а также принудила другой флотъ, силою въ 120 кораблей, посланный Антоніемъ изъ Египта, искать спасенія въ Греціи.

Какъ только Агриппа закончилъ исправленіе своихъ судовъ, онъ пошелъ къ Липарскимъ островамъ, занялъ самый южный изъ нихъ (Термесса или Пера) и устроился тамъ для наблюденія за непріятельскимъ флотомъ, стоявшимъ въ Миле, напротивъ этого острова, въ 12—15 морскихъ миляхъ

разстоянія отъ него. Флотъ этотъ находился подъ начальствомъ вольноотпущенника Демохара, между тѣмъ какъ самъ Секстъ Помпей стоялъ съ эскадрой у Мессаны, чтобы помѣшать переправѣ Октавіана съ арміей въ Сицилію.

Оба флота въ теченіе долгаго времени стояли наблюдая другъ за другомъ, и лишь пробовали свои силы въ небольшихъ стычкахъ; наконецъ Агриппа рѣшился дѣйствовать. Послѣ крупной рекогносцировки, онъ рѣшилъ атаковать непріятеля и двинулся на него со всѣмъ своимъ флотомъ, выстроеннымъ въ развернутомъ фронтѣ. Непріятель пови-
димому только и ждалъ этого, и тотчасъ же вышелъ ему навстрѣчу съ такимъ же намѣреніемъ и въ такомъ же строю.

На этотъ разъ съ обѣихъ сторонъ сражались римскіе флоты и поэтому никакого глубокаго или сложнаго боевого построенія не было, а былъ просто тотъ строй, который издавна былъ въ употребленіи у всѣхъ мореходныхъ народовъ, которые никогда не занимались изученіемъ тактики.

Число кораблей, участвовавшихъ въ бою неизвѣстно, но перевѣсъ въ численности былъ на сторонѣ Агриппы; корабли его были больше и тяжелѣе, отчасти вслѣдствіе поясной брони, но за то они были менѣе быстроходны, чѣмъ корабли Помпея. На палубѣ у нихъ были башни, различныя метательныя машины, и экипажъ ихъ былъ болѣе многочисленъ. Таранный ударъ ихъ, въ зависимости отъ большей массы, былъ сильнѣе непріятельскаго. Непріятельскіе корабли были меньше и легче, а потому быстроходнѣе и поворотливѣе, вслѣдствіе чего болѣе пригодны для атаки тараномъ и для обламыванія веселъ и руля; однако дѣйствію ихъ тарана отлично противостоялъ защитный поясъ, а сами они, вслѣдствіе болѣе легкой конструкціи были менѣе устойчивы противъ тараннаго удара; для абордажнаго боя, въ виду меньшей численности ихъ экипажа и меньшей высоты бортовъ, они также были менѣе приспособлены.

Такимъ образомъ на сторонѣ Агриппы было не только превосходство въ численности кораблей, но и въ оборонительной ихъ силѣ и въ силѣ вооруженія. Несмотря на это, исходъ сраженія долго былъ сомнителенъ; командиры кораблей Помпея искусно воспользовались своимъ преимуществомъ въ маневрированіи и успѣли лишить нѣсколько кораблей

159. Сраженіе у Миле въ 36 г. до Р. Хр.

160. Корабли новой постройки.

161. Различная тактика.

Агриппы способности управляться, но противъ ихъ попытокъ таранить, что являлось самымъ опаснымъ приемомъ, броневые пояса оказались превосходной защитой. Съ другой стороны Агриппа и его помощники достигли значительныхъ результатовъ, когда имъ удалось пустить въ ходъ таранъ, но еще больше они нанесли вреда противнику всевозможными метательными снарядами: камнями, бревнами, стрѣлами, копьями, которые они бросали на непріятельскую палубу со своей болѣе высокой палубы и съ еще болѣе высокихъ палубныхъ башенъ; кромѣ того, у нихъ были абордажные крюки, при помощи которыхъ они имѣли возможность пустить въ руколашную свои болѣе сильныя экипажи.

Наконецъ Агриппѣ удалось пустить ко дну непріятельскій флагманскій корабль. Демохаръ со своимъ экипажемъ спасся вплавъ на другой корабль (между сражающимися кораблями ходили шлюпки съ эскадры Помпея чтобы подбирать плавающихъ), но тѣмъ не менѣе онъ принужденъ былъ начать отступление, при которомъ онъ, повидимому, или вовсе не подвергся преслѣдованію или только очень слабому—свѣдѣнія по этому поводу разнорѣчивы. Агриппа потерялъ только пять кораблей, а противникъ его тридцать и былъ вынужденъ покинуть поле сраженія и, такимъ образомъ, Агриппа одержать побѣду въ первомъ же своемъ морскомъ бою.

162. Уничтоженіе транспортнаго флота Октавіана.

Приблизительно въ то же время, какъ происходилъ бой при Миле, Октавіанъ со своими легионами переправился въ Тауромениумъ, къ югу отъ Мессаны, и благополучно высадилъ свои войска; однако, эскадра его, вѣроятно на обратномъ пути въ Регіумъ была атакована эскадрой Помпея и совершенно разбита; почти всѣ корабли были потоплены, захвачены въ плѣнъ или сожжены; самъ Октавіанъ едва спасся на шлюпкѣ на итальянскомъ берегу. Столь могущественному и прославленному впоследствии императору удивительно не везло на морѣ.

163. Сухопутная война.

Три легиона, высадившіеся у Тауромениума подъ командой Конифиція, сильно пострадали отъ войскъ Секста Помпея; надежды на подкрѣпленія изъ Италіи не было никакой, а послѣ уничтоженія эскадры, гибель ихъ была неминуема; однако Агриппа, который тѣмъ временемъ захватилъ нѣсколько городовъ на сѣверномъ берегу Сициліи, чтобы встать твердой ногой на островѣ, получилъ во время извѣстіе о пе-

чальномъ положеніи этихъ легионовъ. Онъ тотчасъ выслать имъ на помощь еще три легиона, которые освободили ихъ и вмѣстѣ съ ними присоединились къ Агриппѣ. Послѣдній занялъ маленькіе города Тиндаръ и Миле и такимъ образомъ обезпечилъ для Октавіана мѣсто высадки, куда тотъ и переправился съ значительной арміей (всего было, будто бы, 21 легионъ), при чемъ къ сѣверу отъ Мессаны безопасность переправы обезпечивалась наблюденіемъ Агриппы.

Противостоять такой силѣ Секстъ Помпей, конечно, не могъ, но такъ какъ избѣгать развязки все равно было невозможно, то Помпей предпочелъ перенести ее на море, на которомъ находился центръ тяжести его силъ. Такимъ образомъ, въ томъ же году, вѣроятно въ октябрѣ мѣсяцѣ, произошло второе морское сраженіе почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ и первое; сраженіе это, по имени лежащаго недалеко къ востоку отъ Миле мѣстечка, носитъ названіе сраженія у Навлоха.

Флотъ Помпея, который конечно стянуть сюда всѣ свои силы, состоялъ, говорятъ, изъ 300 судовъ; командовалъ имъ, кромѣ Демохара, еще другой вольноотпущенникъ, Аполлофанъ. Флотъ Агриппы, былъ повидимому, доведенъ до той же численности, при чемъ экипажъ его состоялъ не менѣе, какъ изъ 120.000 человекъ, что значительно превышало численность экипажей у Помпея; такимъ образомъ, сраженіе это является однимъ изъ самыхъ крупныхъ, которыя когда-либо разыгрывались на морѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сраженіе это было однимъ изъ самыхъ упорныхъ, кровопролитныхъ и рѣшительныхъ по своимъ результатамъ. Корабли, участвовавшіе въ этомъ сраженіи, были вѣроятно того же устройства, какъ и тѣ, которые сражались нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ у Миле, но за этотъ промежутокъ времени корабли Агриппы были еще лучше оборудованы метательными машинами и, между прочимъ, были снабжены новымъ орудіемъ, изобрѣтеннымъ Агриппой—абордажнымъ снарядомъ, который состоялъ изъ бревна, длиной въ три метра, обитаго желѣзомъ, чтобы его нельзя было перерубить и снабженнаго на обоихъ концахъ крѣпкими кольцами; къ переднему кольцу былъ прикрѣпленъ абордажный якорь, а къ заднему—нѣсколько канатовъ. Этотъ снарядъ бросался при помощи большой метательной машины на непріятельскій корабль, который за-

164. Сраженіе
у Навлоха
въ 36 г.

165. Новый
абордажный
снарядъ.

тѣмъ удерживался посредствомъ канатовъ и притягивался къ борту своего корабля; конечно, дальность, на которую можно было метать этотъ снарядъ, была невелика, но во всякомъ случаѣ она была больше той, на которую можно было забросить руками абордажный крюкъ.

166. Зажигательная копьа. Кромѣ того, въ этомъ же сраженіи были впервые пущены въ ходъ зажигательныя копьа и стрѣлы, обмотанныя паклей, густо пропитанной дегтемъ.

167. Ходъ сраженія. Флотъ Секста Помпея, подвигавшійся съ востока (изъ Мессаны) и флотъ Агриппы, шедшій съ запада, были оба выстроены развернутымъ фронтомъ и, судя по большей численности кораблей,—вѣроятно въ двѣ линіи. Рано утромъ съ оглушительными боевыми криками они бросились другъ на друга. Зазвучали рога и, какъ только флоты сошлись на разстояніе выстрѣла, заработали метательныя машины, затѣмъ, на близкой дистанціи, начали стрѣлять пращники и стрѣлки изъ лука, бросавшіе копьа и горящіе дротики. Затѣмъ началась общая свалка, при чемъ противники старались таранить другъ друга, обломать весла, повредить рули или взять непріятеля на абордажъ.

Корабли Помпея шли такъ тѣсно, что не могли воспользоваться своей быстроходностью и поворотливостью, между тѣмъ, какъ новыя абордажныя снаряды оказались очень удобными въ тѣхъ случаяхъ, когда обыкновенныя абордажныя крюки не могли достать до непріятеля, тѣмъ болѣе, что у помпейцевъ не было пикъ съ кривыми ножами на концѣ (*sensae*), при помощи которыхъ можно было бы перерѣзать канаты. Старинный римскій способъ сражаться на морѣ—абордажный рукопашный бой, въ связи съ навѣсной стрѣльбой зажигательными снарядами и на этотъ разъ рѣшилъ участь сраженія и, конечно, въ пользу болѣе высокихъ и имѣвшихъ болѣе сильные экипажи кораблей Агриппы.

Агриппа, кромѣ того, приказалъ своему лѣвому крылу, которое въ сторону открытаго моря выдавалось за непріятельскую линію, атаковать непріятеля во флангъ и охватить его; вѣроятно онъ воспользовался для этого и частью судовъ своей второй линіи; такимъ образомъ помпейцы подъ конецъ были атакованы и съ тыла, почти окружены и прижаты къ берегу; они даже не пытались произвести какой-

нибудь маневръ или перехватить въ свои руки инициативу боя съ того момента, какъ началась общая свалка.

Какъ это обыкновенно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда слабѣйшій, съ отчаянія, ставитъ все на карту въ неравномъ бою, сраженіе закончилось полнымъ пораженіемъ помпеянцевъ; изъ всѣхъ ихъ кораблей только семнадцать удалось бѣжать въ Мессану; изъ числа остальныхъ 28 было пушено ко дну, многіе сожжены, остальные сѣли на мель и были захвачены въ плѣнъ; паника была такъ велика, что Аполлофанъ съ совершенно исправными кораблями сдался Агриппѣ, несмотря на то, что имѣлъ полную возможность спастись бѣгствомъ; Демохаръ съ отчаянія самъ лишилъ себя жизни. Флотъ Агриппы потерялъ, будто бы, только три корабля, пробитыхъ таранами.

Секстъ Помпей не принималъ участія въ этомъ рѣшительномъ сраженіи и наблюдалъ за нимъ лишь съ берега; съ полнымъ пораженіемъ флота для него было все потеряно, такъ какъ армія Октавіана была сильнѣе его арміи, и, кромѣ того, ему угрожалъ Лепидъ. Поэтому онъ бѣжалъ моремъ и при томъ такъ послѣшно, что даже не оставилъ никакихъ распоряженій своей арміи; онъ отправился въ Малую Азію и тамъ попалъ въ руки одному изъ военачальниковъ Антонія, который заперъ его въ Милетѣ въ тюрьму, гдѣ онъ вскорѣ умеръ.

Армія его, оставшаяся безъ руководителя, перешла на сторону Лепида, который съ большимъ войскомъ переправился изъ Африки въ Лилибеумъ и двинулся на Мессану чтобы тоже принять участіе въ дѣлѣ наслѣдства Секста Помпея. Въ распоряженіи у него оказалось 22 легиона, и тогда онъ предъявилъ своему сотоварищу по триумвирату, Октавіану, свои права на владѣніе Сициліей. Обстоятельства принимали такой оборотъ, что Октавіану приходилось снова начинать войну за обладаніе совершенно необходимымъ для Рима островомъ. Обѣ могущественныя арміи стояли въ боевой готовности другъ противъ друга, но Октавіанъ нашелъ способъ покончить дѣло цѣною денегъ, а не кровью; какъ и все въ тѣ времена, продажи были и солдаты и офицеры Лепида. Конечно, для подкупа нужны были громадныя деньги; откуда онѣ были взяты—неизвѣстно, но въ результатѣ Лепидъ неожиданно былъ покинутъ своими вой-

168. Потери помпеянцевъ.

169. Бѣгство Помпея.

170. Октавіанъ вытѣсняетъ Лепида.

сками и оказался одинъ противъ Октавіана, у котораго въ распоряженіи было уже 45 (?) легионовъ. Поэтому онъ сталъ смиренно просить своего молодого сотоварища по владычеству надъ міромъ о пощаду и тотъ, правильно оцѣнивъ его ничтожество и безхарактерность, даровалъ ему эту пощаду.

Заслуживаетъ вниманія, что Лепидъ послѣ этого еще въ теченіе 23 лѣтъ спокойно прожилъ въ качествѣ богача-частнаго лица въ Цирцеѣ около Рима. Въ теченіе полуторахъ десятилѣтій онъ игралъ громадную роль въ политической жизни страны и вмѣстѣ съ Антоніемъ и Октавіаномъ распоряжался судьбами міра; во время триумвирата онъ вмѣстѣ съ ними отправилъ въ изгнаніе и казнилъ тысячи знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ римлянъ (Цицеронъ); послѣ того онъ былъ неограниченнымъ властителемъ громаднаго царства и даже мечталъ о его расширеніи, при чемъ, повидимому, у него зарождалась и мысль о господствѣ на морѣ; теперь же довольствовался ничтожнымъ и празднымъ существованіемъ обеспеченнаго рантье, которое онъ, по милости Октавіана, велъ въ теченіе еще нѣсколькихъ десятилѣтій. При этомъ ни одинъ изъ потомковъ убитыхъ имъ людей ни разу не нарушалъ его благополучнаго существованія. Въ Римѣ уже не было рѣчи о справедливомъ возмездіи или о какихъ-либо нравственныхъ принципахъ: общая распущенность и жажда наслажденій были характернымъ признакомъ того времени; даже наиболѣе выдающіеся люди не имѣли настолько самоуваженія и мужества, чтобы прилично окончить свою жизнь.

171. Техническія замѣчанія.

Такимъ образомъ, Агриппа въ теченіе полугодя побѣдносно закончилъ эту войну въ пользу Октавіана. Съ помощью новаго имъ самимъ созданнаго флота, онъ сперва разбилъ, а затѣмъ и совершенно уничтожилъ гораздо ранѣе возникшій и болѣе испытанный въ морскомъ и въ военномъ дѣлѣ флотъ Секста Помпея, и такимъ образомъ освободилъ Октавіана отъ его самаго опаснаго соперника, отъ котораго самъ онъ не умѣлъ защититься. Поэтому, пожалованный Агриппѣ побѣдный вѣнецъ за подвиги на морѣ („*corona navalis*“ или „*rostrata*“) былъ вполне имъ заслуженъ.

Непосредственное столкновение этихъ двухъ новыхъ римскихъ флотовъ (флотъ Секста Помпея тоже насчитывалъ

только нѣсколько лѣтъ существованія) даетъ поводъ сравнить линейные корабли того и другого флота: къ сожалѣнію, данныя для такого сравненія, какъ это большею частью бываетъ въ описаніяхъ, касающихся морского дѣла, слишкомъ недостаточны, чтобы высказать по этому поводу вполне определенное сужденіе. Однако, несомнѣнной является та разница, что корабли Помпея носили отличительные признаки кораблей, созданныхъ прирожденными моряками: они были легки, быстроходны, поворотливы, между тѣмъ, какъ корабли Агриппы имѣли чисто-римскій характеръ: они были прочны, тяжелы высоки и массивны; въ этомъ послѣднемъ направленіи и пошло дальнѣйшее развитіе кораблестроенія.

Корабли Агриппы, кромѣ того, были снабжены многочисленными метательными машинами того времени (тяжелой артиллеріей) и приспособленіями для навѣснаго обстрѣливанія непріятели, при чемъ и экипажи ихъ были значительно сильнѣе; это давало имъ преимущество, какъ въ бою на дальней дистанціи, такъ и въ абордажномъ бою, такъ что для кораблей Помпея вся надежда на успѣхъ заключалась только въ томъ, чтобы, пользуясь своей быстроходностью и поворотливостью, возможно широко примѣнять таранъ. Противъ этого приѣма Агриппа предусмотрительно защитилъ свои корабли броневымъ поясомъ, первое примѣненіе котораго интересно отмѣтить почти за 2000 лѣтъ до нашихъ дней.

Надо замѣтить, что и тактика Демохара совершенно не давала возможности вполне использовать быстроту и поворотливость его судовъ; и при Миле и при Навлохѣ онъ выступилъ противъ непріятели въ развернутомъ строю; при этомъ условіи бой могъ принять только форму общей тѣсной свалки, въ которой его корабли не могли воспользоваться своими преимуществами, непріятельскіе же корабли находились въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ для навѣсной стрѣльбы и абордажа. Корабли помпеянцевъ и не прибѣгали ни къ какимъ маневрамъ: шель бой одного корабля противъ другого, происходившій въ общей тѣснотѣ, при чемъ октавіанцы, которыхъ таранить было очень трудно, могли со своей стороны использовать всѣ свои преимущества.

Во второмъ сраженіи (у Навлоха) большую услугу октавіанцамъ оказать вновь изобрѣтенный Агриппой абордажный сварядъ (награх), такъ какъ благодаря ему не только атаки

172. Замѣчаніи
относительно
морской так-
тики.

тараномъ но и попытки обламывать противнику весла, были сопряжены для самихъ помпейцевъ съ значительнымъ рискомъ; изобрѣтеніе это явилось осуществленіемъ блестящей идеи, служащей доказательствомъ гениальныхъ дарованій Агриппы въ области морской тактики.

Поворотливость кораблей давала Демохару полную возможность атаковать октавіанцевъ съ фронта и одновременно обойти ихъ и атаковать во флангъ или въ тылъ; весьма возможно, что при этомъ ихъ сомкнутый строй былъ-бы разстроенъ, что дало бы помпейцамъ случай атаковать тяжелые корабли съ боковъ или съ кормы, а можетъ быть даже атаковать одинъ корабль сразу нѣсколькими своими кораблями. Но у Демохара, повидимому, не было никакой находчивости и никакой собственной идеи; представление о морской тактикѣ у него такъ же отсутствовало, какъ у того адмирала новѣйшаго времени, который видѣлъ въ морскомъ бою только дикую свалку.

Единственнымъ тактическимъ маневромъ въ обоихъ этихъ сраженіяхъ является предпринятый Агриппой у Навлоха охватъ непріятельской линіи, благодаря которому непріятель былъ прижатъ къ берегу и почти полностью уничтоженъ; охватъ этотъ, правду сказать, напрашивался самъ собой, такъ какъ большая численность кораблей Октавіана сама по себѣ удлинитъ протяженіе его боевой линіи на лѣвомъ флангѣ, въ сторону открытаго моря.

2. Подготовка битвы у Анціума.

173. Отъ Навлоха до Анціума. Октавіанъ и Антоній.

Послѣ сверженія Лепида, Октавіанъ завладѣлъ и сѣверной Африкой, т. е. Киренаикой. Востокъ и западъ такимъ образомъ стояли лицомъ къ лицу. Октавіанъ, несмотря на свою ограниченность во всѣхъ отношеніяхъ и совершенную неспособность къ военному дѣлу, тѣмъ не менѣе обладалъ неограниченнымъ честолюбіемъ; о томъ, какъ къ нему относился Антоній онъ могъ судить по союзу его съ Секстомъ Помпеемъ. Послѣ смерти Фульвіи, онъ выдалъ за Антонія свою сестру Октавію, которая, какъ исключеніе, была, повидимому, достойной и благородной женщиной; однако Антоній выказалъ къ ней полное пренебреженіе и

открыто велъ распутный образъ жизни съ знаменитой Клеопатрой, египетской царицей, послѣдней представительницей вырождавшагося поколѣнія Птоломеевъ; онъ всецѣло по подпалъ ея власти и предавался безумной расточительности.

Вслѣдствіе этого, дѣло вскорѣ дошло до разрыва. Уже въ 33 году отношенія были очень натянуты, а въ слѣдующемъ году начался открытый раздоръ, такъ какъ Антоній прогналъ отъ себя Октавію, объявилъ Клеопатру своей законной женой и началъ раздавать царства ея незаконнымъ сыновьямъ. Вслѣдствіе этого Октавіанъ подалъ на него жалобу въ сенатъ, за которымъ триумвиры еще сохранили нѣкоторую тѣнь власти. Друзья Антонія не рѣшились выступить на его защиту и бѣжали въ Египетъ; начались приготовления къ войнѣ.

Несмотря на то, что Антоній, какъ человекъ, заслуживалъ полного презрѣнія, онъ тѣмъ не менѣ являлся опаснымъ противникомъ; послѣ долгихъ войнъ въ Азіи противъ парянъ и другихъ народовъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи крупную, испытанную въ бояхъ армію, а кромѣ того обладалъ и могущественнымъ флотомъ. Сборнымъ пунктомъ для всѣхъ своихъ боевыхъ силъ онъ назначилъ Эфесъ. Повидимому онъ считалъ, что Греція всего болѣе подвергалась опасности нечаяннаго нападенія, а потому вмѣстѣ съ Клеопатрой отправился туда.

Тамъ его армія скоро была доведена до 120.000 человекъ пѣхоты и 12.000 кавалеріи; кромѣ того въ его распоряженіи былъ могущественный флотъ; ядромъ этого флота, его главной боевой силой были корабли самого Антонія, число которыхъ по наименьшимъ исчисленіямъ доходило до 170. За исключеніемъ немногихъ триремъ и тетреръ, всѣ корабли эти были октеры и декатеры, съ восемью и десятью рядами весель, громадныя, прочно построенныя корабли съ сильнымъ тараномъ, снабженные деревяннымъ броневымъ поясомъ для защиты отъ удара тараномъ; высота борта посерединѣ корабля доходила до трехъ метровъ и увеличивалась къ носу и къ кормѣ, такъ что брать ихъ на бордажъ было очень трудно; на палубѣ стояли тяжелыя метательныя машины и башни для навѣснаго бросанія снарядовъ. Корабли такой постройки естественно были тихоходны и неповоротливы, за то ударъ ихъ тарана отли-

174. Начало раздора.

175. Приготовленія Антонія къ войнѣ.

176. Флотъ Антонія.

чался громадной силой, хотя нанести его было не легко; наступательная сила ихъ заключалась главнымъ образомъ въ метательныхъ снарядахъ, которые, впрочемъ, дѣйствовали не столько противъ кораблей, сколько противъ ихъ экипажей, и въ abordажѣ. Такимъ образомъ корабли эти имѣли большое сходство съ кораблями Агриппы въ битвѣ при Навлохѣ, при чемъ, однако, не имѣется свѣдѣній ни объ abordажномъ снарядѣ (награх), ни о „воронахъ“ (corvus).

Кромѣ того, Клеопатра привела съ собой 200 египетскихъ кораблей, легкихъ и быстроходныхъ судовъ, о которыхъ болѣе подробныхъ свѣдѣній не имѣется, но которые едва ли обладали большой боевой цѣнностью. Наконецъ, имѣлся еще транспортный флотъ изъ 300 судовъ.

177. Бездѣ-
тельность
обои въ про-
тивниковъ.

По ходу событій, которыя развѣтывались очень медленно, является совершенно необъяснимымъ тотъ фактъ, что у Октавіана къ 32 году почти не было никакихъ силъ для дѣйствія противъ новаго могущественнаго противника; къ тому же и Италия была совершенно истощена. Октавіанъ такъ необдуманно затѣялъ съ Антоніемъ (какъ раньше и съ Секстомъ Помпеемъ) борьбу, которая должна была повлечь за собой рѣшительные результаты, что послѣдній, если бы обладалъ хотя бы небольшою рѣшимостью и энергіей, имѣлъ бы полную возможность валать на него врасплохъ въ самой Итали и такимъ образомъ быстро покончить войну; само население Итали было слишкомъ вяло и равнодушно, чтобы спѣшно организовать сопротивленіе. Въмѣсто этого Антоній велъ съ Клеопатрой, сначала въ Эфесѣ, а затѣмъ въ Аеинахъ, куда онъ перенесъ свой лагерь, самый распущенный и расточительный образъ жизни, при чемъ одно празднество слѣдовало за другимъ. Въ лагерь его находилось 15 царей и принцевъ, дѣти которыхъ должны были нести при египетской блудницѣ самую унизительную службу; самъ Антоній унижился до того, что облачившись въ костюмъ гражданина Аттики, передалъ ей власть надъ городомъ, послѣ чего ея статуя должна была быть установлена въ Акрополь. Мы приводимъ эти подробности для того, чтобы обрисовать царившій въ то время всеобщій упадокъ нравовъ.

Однако не всѣ приверженцы Антонія настолько лишились чувства собственнаго достоинства, чтобы не возмущаться такимъ безстыднымъ и недостойнымъ поведеніемъ; лучшіе

тѣхъ нихъ просто—ушли отъ него, а другіе, съ безсовѣстностью, которая дѣлается обычной во время такой всеобщей распущенности, передались на сторону Октавіана.

Поздней осенью 32 года Антоній отправился на Корциру (Корфу) съ намѣреніемъ оттуда переправиться въ Италію; нигдѣ онъ не встрѣтилъ ни противодѣйствія, ни какого-либо препятствія на своемъ пути, но какъ только на горизонтѣ показались нѣсколько крейсеровъ, Антоній принялъ ихъ за авангардъ флота Агриппы, котораго отъ такъ боялся, и отказался отъ своего намѣренія. Не пустивъ ни разу въ дѣло своихъ боевыхъ силъ, ни арміи, ни флота, онъ пошелъ назадъ въ Патры и въ Ахею, гдѣ и устроился на зимнихъ квартирахъ. Флотъ и армія его были распределены вдоль побережья Ионическаго моря; главные силы стояли у мыса Акціума. при входѣ въ Амбракійскій заливъ (заливъ Арта; см. карты №№ 4 и 6 части I и табл. VІІІ).

178. Наступленіе Антонія.

Можно сказать, что Октавіана спасла слава Агриппы, такъ какъ онъ въ это время былъ совершенно не въ состояніи помѣшать движенію большой арміи къ Риму.

И въ дальнѣйшемъ ходѣ событій Антоній своей полнѣйшей неспособностью сумѣлъ превзойти Октавіана. У него были въ изобиліи и деньги и перевозочныя средства, такъ какъ одна Клеопатра дала 20.000 талантовъ (94,3 милліона марокъ) на военные расходы, и несмотря на это, армія терпѣла недостатокъ въ продовольствіи, такъ какъ доставка его производилась самымъ безпорядочнымъ образомъ; вслѣдствіе этого въ теченіе зимы съ флота дезертировала масса гребцовъ, а кромѣ того повальныя болѣзни производили большія опустошенія среди экипажей, такъ что къ веснѣ 31 года не хватало цѣлой трети ихъ состава. Антоній, который до тѣхъ поръ ни о чемъ не заботился и безпечно утопалъ въ роскоши въ Патрахъ, сдѣлалъ тогда распоряженіе о наборѣ новыхъ людей; однако достаточнаго числа людей набрать было нельзя, а набранные не имѣли никакого навыка въ работѣ.

179. Дальнѣйшее бездѣйствіе Антонія.

Такимъ образомъ сильный, искусный и испытанный въ войнѣ флотъ Антонія еще до перваго удара, даже не видѣвъ ни разу непріятеля, былъ заранѣе ослабленъ и физически, вслѣдствіе непростительной небрежности своего вожда, и морально—его дурнымъ примѣромъ, при чемъ ослабленіе это съ каждымъ днемъ возрастало. Поэтому замедленіе въ

ходѣ военныхъ дѣйствій приносило Антонію только вредъ, между тѣмъ, какъ Октавіанъ выигрывалъ время на то, чтобы закончить свои приготовления, которые, впрочемъ, если бы онъ дѣйствовалъ обдуманно, должны были бы быть закончены еще къ тому времени, какъ онъ вызвалъ разрывъ съ Антоніемъ.

180. Приготовленія Октавіана.

У него не хватало денегъ на вооруженія, а когда онъ вздумалъ помочь этому дѣлу введеніемъ новыхъ налоговъ, то ему пришлось подавлять возникшее изъ за этого возмущеніе. Уваженіе къ власти и къ закону, которое раньше было отличительной чертой римлянъ, было окончательно подорвано вслѣдствіе общаго упадка нравовъ.

Только весной 31 года Октавіанъ могъ наконецъ начать операціи. Сборными пунктами для его силъ были Брундизіумъ и Тарентъ. Армія его состояла изъ 80.000 человекъ пѣхоты и около 12.000 всадниковъ; флотъ, подъ командой Агриппы насчитывалъ не менѣе 260 судовъ, но это былъ уже не тотъ флотъ, съ которымъ онъ одержалъ побѣду у Навлоха, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло только 5 лѣтъ. Какъ это постоянно случалось у римлянъ, тотъ флотъ исчезъ безслѣдно, и Агриппа для борьбы съ Антоніемъ долженъ былъ создавать новый флотъ, и притомъ совершенно особаго рода.

181. Новый флотъ Агриппы.

Какъ было сказано выше, корабли Антонія были совершенно сходны съ тѣми, при помощи которыхъ Агриппа разбилъ и уничтожилъ при Миле и Навлохѣ болѣе мелкія быстроходныя и поворотливыя суда Секста Помпея. Можно было думать, что этотъ рѣшительный успѣхъ окончательно убѣдилъ Агриппу въ полной цѣлесообразности принятыхъ имъ для своихъ кораблей конструкціи и вооруженія; однако, какъ разъ наоборотъ, мы видимъ Агриппу во главѣ флота, корабли котораго были похожи на тогдашніе, потерпѣвшіе пораженіе корабли Секста Помпея. Это были сравнительно небольшіе, низкорботные корабли, по большей части триремы, мало внушительныя на видъ, но быстроходныя и поворотливыя, похожія на „либурны“, отъ которыхъ онѣ и заимствовали свое названіе. Либурнійцы были разбойничій народъ въ Иллиріи; ихъ быстроходные корабли назывались „либурнами“ (діерами, биремами), при чемъ имя это вообще присваивалось быстрымъ низкорботнымъ судамъ.

182. Либурны.

Такимъ образомъ Агриппа въ корнѣ измѣнилъ свой взглядъ на типъ корабля, наиболѣе пригоднаго для веденія войны.

Новые корабли, либурны, имѣли не болѣе трехъ рядовъ весель (триремы), а большею частью имѣли даже только одинъ рядъ весель, изъ которыхъ на каждомъ сидѣло по одному человѣку; они были немного болѣе 30-ти метровъ длиною, отъ 4—5 метровъ шириной, осадку имѣли около $1\frac{1}{4}$ метра и водоизмѣненіе около 80 тоннъ. Экипажъ состоялъ изъ 84 гребцовъ (40—42 на каждой сторонѣ) и 36 офицеровъ, матросовъ, солдатъ и т. п., всего 120 человѣкъ.

Такіе корабли были наиболѣе приспособлены для морского разбоя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для дѣйствій морской полиціи, т. е. для преслѣдованія морскихъ разбойниковъ. По сравненію съ тяжелыми крупными кораблями Автонія, имѣвшими плохо обученные экипажи, новые корабли являлись опаснымъ оружіемъ, при условіи снабженія ихъ смѣлыми и хорошо подготовленными, какъ въ морскомъ, такъ и въ боевомъ смыслѣ, людьми. Къ тому же такіе корабли можно было быстро строить, и выбывшіе изъ строя корабли легко могли быть замѣнены новыми изъ резерва.

Чѣмъ былъ вызванъ такой поворотъ въ воззрѣніяхъ Агриппы—остается неизвѣстнымъ, хотя было бы чрезвычайно интересно выяснитъ этотъ вопросъ въ виду его важности; приходится поэтому ограничиться однѣми догадками. Наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что Агриппа, уже доказавшій въ первой морской войнѣ свою проницательность устройствомъ операціонной базы, введеніемъ бронезащитнаго пояса и изобрѣтеніемъ абордажнаго снаряда, за это время успѣлъ правильно оцѣнить значеніе быстроходности, какъ одного изъ главныхъ свойствъ корабля для успѣшнаго веденія войны вообще, и, въ частности, поворотливости—для веденія боя.

Такой взглядъ могъ выработаться у него еще во время войны съ Секстомъ Помпеемъ, во время которой онъ имѣлъ возможность убѣдиться, что съ быстроходными и поворотливыми кораблями Помпея, если бы использовать какъ слѣдуетъ ихъ превосходныя качества, можно было достигъ совершенно иныхъ результатовъ, и что тогдашней своей побѣдой онъ былъ обязанъ не только численности и величинѣ своихъ кораблей, метательнымъ машинамъ и многочислен-

183. Другіе
типы кора-
блей.

нымъ легионерамъ, но и ошибкамъ непріятели. Подтверженіе такому взгляду онъ могъ найти во время войны противъ иллирійцевъ, происходившей незадолго до 31 года, во время которой онъ могъ еще болѣе оцѣнить достоинства „либурнѣ“. Наконецъ, на его взгляды могло оказать вліяніе и принятое имъ рѣшеніе примѣнять въ будущихъ сраженіяхъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ это было сдѣлано пять лѣтъ тому назадъ, зажигательные снаряды.

Какъ бы то ни было, рѣшеніе совершенно измѣнить всю матеріальную часть флота и перейти отъ кораблей, только что доказавшихъ въ тяжелыхъ бояхъ свою пригодность, къ совершенно новымъ, должно считаться доказательствомъ необыкновенной, гениальной смѣлости.

184. Начало
военныхъ
дѣйствій.

Весной 31 года, какъ только флотъ былъ окончательно готовъ, Агриппа открылъ военныя дѣйствія, въ то время, какъ армія Антонія стояла еще на зимнихъ квартирахъ; Агриппа началъ малую войну на морѣ, отправивъ на линіи сообщеній противника крейсерскія эскадры, которыя захватили много транспортовъ съ провіантомъ и боевыми припасами, шедшихъ изъ Египта, Сиріи и Малой Азіи, вслѣдствіе чего недостатокъ припасовъ, уже давно ощущавшійся въ арміи Антонія, сдѣлался еще острѣе; затѣмъ эскадры эти стали появляться то здѣсь, то тамъ у непріятельскихъ береговъ, производили иногда высадки и разоряли ихъ.

Когда же представлялся удобный случай, Агриппа дѣлалъ и серьезныя нападенія на непріятели и причинялъ ему существенный вредъ; такъ, онъ занялъ послѣ непродолжительной осады Метону въ Мессеніи, на юго-западѣ Пелопонеса, гдѣ находился царь Богудъ Мавританскій; еще важнѣе было занятіе острова Корциры, который со своей прекрасной гаванью могъ служить Антонію отличными опорными пунктомъ, пользуясь которымъ онъ имѣлъ бы возможность помѣщать переправъ Октавіана черезъ Адриатическое море; близости этого острова Агриппа нанесъ пораженіе непріятельской эскадрѣ. Короче говоря, Агриппа наносилъ противнику всевозможный вредъ, не ввязываясь въ рѣшительныя дѣйствія и не рискуя такимъ образомъ крупными потерями.

Экспедиціи эти служили ему и для того, чтобы хорошенько ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ у противника; въ особенности ему важно было убѣдиться, что главныя силы его

флота—тяжелые боевые корабли—стояли въ бездѣйствіи. Тогда онъ убѣдилъ Октавіана переправиться съ арміей въ Эпиръ, что, въ виду близости значительнаго непріятельскаго флота, представлялось предпріятіемъ очень рискованнымъ; численность этой арміи доходила до 90.000 человекъ и Агриппа со своими кораблями охранялъ ея переправу. Впрочемъ Агриппа правильно оцѣнилъ Антонія: переправа шла совершенно безпрепятственно, и такъ какъ островъ Корцира былъ уже занятъ, то высадку оказалось возможнымъ про- извести не къ сѣверу отъ него, а значительно южнѣе, въ бухтѣ, отстоявшей отъ Акціума только въ 22 морскихъ ми- ляхъ, въ портѣ Глюкоюсъ (γλυκυς, dulcis—сладкій), носящемъ въ настоящее время названіе Иоаннесъ, противъ котораго лежитъ островъ Паксосъ (см. карту № 6 части I, и табл. IX).

185. Переправа
Октавіана въ
Эпиръ.

Оттуда Октавіанъ немедленно двинулся вдоль берега къ югу и разбилъ лагерь въ 4-хъ миляхъ къ сѣверу отъ входа въ Амбракійскій заливъ, напротивъ Акціума.

Амбракійскій заливъ имѣетъ $18\frac{1}{2}$ морскихъ миль въ длину и до 10 миль въ ширину, при чемъ по всей его длинѣ глубина воды вездѣ достаточная; входъ въ заливъ однако узокъ, извилистъ и мелководенъ (для тогдашнихъ линей- ныхъ кораблей наименьшая глубина фарватера равнялась двумъ сажнямъ; см. табл. VIII). Наименьшая ширина входа между Акціумомъ и нынѣшней Превезой составляла не- много больше 3-хъ кабельтовокъ, — почти 600 метровъ. Вслѣд- ствіе значительной поверхности залива, даже ничтожная раз- ница уровней въ заливѣ и въ морѣ, происходящая отъ силь- наго дождя, таянія снѣга, вѣтра и т. п. вызываетъ въ узкомъ проходѣ сильное теченіе, которое доходитъ до $2\frac{3}{4}$ узловъ; когда теченіе идетъ изъ залива въ море, увлекаемая имъ твердые частицы, при встрѣчѣ съ плотной, сильно соленой водой Средиземнаго моря, осаждаются на дно, частью и въ проходѣ; поэтому надо предполагать, что въ тѣ времена глубина воды въ этихъ мѣстахъ была значительнѣе, чѣмъ въ настоящее время, когда входъ въ заливъ возможенъ только для судовъ, имѣющихъ не болѣе 12 англійскихъ футъ ($3\frac{2}{3}$ метра) осадки.

186. Описание
мѣстности.

Войска Антонія занимали обѣ стороны входа, а кромѣ того, на сѣверной сторонѣ занимали такую площадь, что на

ней могли размѣститься лагеремъ всѣ его войска. Для лучшей защиты входа, по обѣ стороны его были выстроены башни, на которыхъ стояли тяжелыя метательныя машины; внутри бухты, въ полной безопасности, стоялъ флотъ Антонія, между тѣмъ, какъ флотъ Агриппы долженъ былъ довольствоваться двумя открытыми бухтами у берега, что являлось и не очень пріятной и далеко не безопасной стоянкой.

187. Антоній
переходитъ
въ Анціумъ.

Извѣстіе о переходѣ Октавіана въ Грецію застало Антонія еще въ Патрахъ; въ страхъ онъ тотчасъ же двинулся оттуда въ Анціумъ, куда стянулъ и всѣ свои войска. Сгоряча онъ даже перешелъ съ ними на сѣверную сторону, однако, не принявъ сраженія, на которое неоднократно вызывалъ его Октавіанъ, ограничиваясь попытками отрѣзать противнику подвозъ провіанта при помощи своей кавалеріи, и другими подобными же попытками, которыя большею частью кончались для него неудачно (см. табл. IX).

188. Против-
ники наблю-
даютъ другъ
за другомъ.

Отказъ отъ сраженія на сушѣ можетъ быть объясненъ только нерѣшительностью Антонія, а не какими-либо основательными причинами, такъ какъ армія его была сильнѣе арміи Октавіана; откладывая рѣшительныя дѣйствія, онъ могъ только проиграть, такъ какъ рассчитывать на длительную отсрочку онъ уже не могъ, а между тѣмъ продовольствованіе арміи дѣлалось все болѣе затруднительнымъ; кромѣ того уклоненіе отъ сраженія, въ связи съ продолжительнымъ почти полнымъ бездѣйствіемъ и постоянныя неудачи еще болѣе понижали духъ арміи, и безъ того стоявшій невысоко.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Антоній былъ исполненъ недовѣрія къ окружающимъ его лицамъ, и недовѣріе это доходило до такой степени, что онъ приказалъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, умертвить нѣсколько наиболѣе знатныхъ своихъ сторонниковъ; при этомъ они не были просто убиты или казнены, но самымъ жестокимъ образомъ замучены, какъ это дѣлали самые ужасные восточные деспоты. Это въ свою очередь заставило многихъ уважаемыхъ римлянъ перейти на сторону Октавіана.

189. Мѣро-
пріятія
Агриппы.

Подошелъ конецъ августа, а обѣ громадныя арміи и флотъ Антонія еще рѣшительно ничего не сдѣлали заслуживающаго вниманія. Одинъ только Агриппа, являвшійся душой всего предпріятія на сторонѣ Октавіана, проявлялъ неустанную дѣятельность. Онъ поручилъ наблюденіе за входомъ въ

Амбракійскій заливъ особой эскадрѣ подъ командой Арунція, а самъ продолжалъ, съ все возрастающимъ успѣхомъ, вести малую войну. Онъ занялъ лежащій у берега Акарнаніи, недалеко отъ Акціума, островъ Левкаду, который до того служилъ Антонію (какъ раньше Корцира) въ качествѣ передовой морской станціи, и захватилъ находившіеся тамъ корабли; оттуда онъ сталъ угрожать Акарнаніи, т. е. тыловымъ сухопутнымъ сообщеніямъ Антонія, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отрѣзаль ему морской путь, такъ какъ путь этотъ проходилъ мимо Левкадіи. Затѣмъ онъ разбилъ у Коринесскаго залива эскадру подъ командой Квинта Назидія (повидимому снаряженную отъ Коринеа и Сикіона), которая шла на соединеніе съ Антоніемъ, и занялъ городъ Кориневъ, имѣвшій большое значеніе для сношеній Антонія съ его восточнымъ царствомъ, а также занялъ и Патры, служившія ему въ прошломъ году зимней квартирой.

Во время отсутствія Агриппы, находившагося въ экспедиціи, одинъ изъ младшихъ начальниковъ Антонія, Сосій атаковалъ блокадную эскадру Арунція; благодаря туманной погодѣ ему удалось захватить ее врасплохъ и поставить въ довольно опасное положеніе, но, по счастливой случайности, какъ разъ въ это время появился возвращавшійся изъ экспедиціи Агриппа и совершенно разбилъ эскадру антоніевцевъ, при чемъ былъ убитъ и Сосій.

На этотъ разъ Агриппѣ помогъ счастливый случай, однако счастье рѣдко само собой дается кому-нибудь въ руки; кто жаждетъ его найти, долженъ его искать; лѣнливые приверженцы Антонія никогда его не находили, между тѣмъ какъ Агриппа своей неустанной дѣятельностью, самъ давалъ счастливому случаю возможность наткнуться на него.

Тѣмъ временемъ Антоній со своей арміей снова переправился черезъ проливъ у Акціума; положеніе его стало совершенно невозможнымъ, такъ какъ морскіе пути сообщеній были отрѣзаны, а сухопутные находились подъ угрозой неприятеля и, во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе гористаго характера страны и бездорожья, были недостаточны; между тѣмъ Акарнаній и окрестныя мѣстности на далекое разстояніе были уже совершенно истощены. Такимъ образомъ ему оставалось одно изъ двухъ: или сражаться, или уходить назадъ (см. табл. IX).

190. Печальное
положеніе
Антонія.

Однако, послѣдній исходъ представлялся очень затруднительнымъ.

1) На морской путь, по которому армія и флотъ могли бы отступать совмѣстно, рассчитывать было совершенно невозможно, въ виду того, что на военномъ флотѣ могла помѣститься лишь часть громадной арміи и, такимъ образомъ, необходимъ былъ еще значительный транспортный флотъ; при этомъ не подлежало сомнѣнію, что весь флотъ былъ бы несомнѣнно атакованъ Агриппой, и военному флоту, связанному транспортами, пришлось бы вступить въ бой при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ; даже въ случаѣ побѣды, транспортный флотъ несомнѣнно сильно бы пострадалъ.

2) При раздѣленіи флота и арміи, послѣдняя должна была бы удѣлить флоту по крайней мѣрѣ три легіона (20.000 человекъ), чтобы придать ему достаточную боевую силу, такъ какъ собственно морскихъ солдатъ во флотѣ не было; при выходѣ въ море, флоту несомнѣнно пришлось бы вступить въ бой съ флотомъ Агриппы, и при недостаточной численности экипажей — потерпѣть неминуемое пораженіе, такъ какъ вся сила Антонія должна была заключаться именно въ абордажномъ бою; такимъ образомъ армія была бы значительно ослаблена.

3) Для отступления арміи оставался открытымъ только путь черезъ Элладу, а именно черезъ Акарнанію и Этолію, гористую и бѣдную страну, такъ какъ путь черезъ Эпиръ былъ отрѣзанъ Октавіаномъ; на этомъ пути невозможно было бы избѣжать арріергардныхъ боевъ, а можетъ быть и крупнаго сраженія; вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ пунктъ, гдѣ сходились пути отступления арміи и флота — Коринѣъ — уже находился въ рукахъ непріятели.

4) Наконецъ даже въ лучшемъ случаѣ, нельзя было ничего выиграть отступленіемъ, а между тѣмъ упадокъ духа арміи, уже давно подорваннаго бездѣйствіемъ и лишениями, могъ, весьма вѣроятно, дойти до того, что она пришла бы въ окончательное разстройство.

191. Какъ слѣдовало поступить Антонію.

Такимъ образомъ оставалось одно — сражаться, и Антонію приходилось только выбирать, рѣшать ли дѣло на морѣ или на сушѣ. Самые вѣрные друзья его настоятельно совѣтовали ему дать сраженіе на сушѣ; въ пользу этого рѣшенія говорилось и то, что армія Антонія, состоявшая изъ старыхъ, испы-

танныхъ въ бою легионовъ, все еще превосходила численностью армію Октавіана. Не подлежало также сомнѣнію, что солдаты будутъ сражаться храбро, такъ какъ воинскій духъ арміи, даже при неумѣломъ командованіи и при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, продолжаетъ еще долго держаться, и воинъ по призванію сражается если не за своего вождя и не за его интересы, то за честь своего оружія и знамени.

Но Антоній послушалъ совѣты не своихъ друзей, а Клеопатры, которая желала обратнаго, не ради интересовъ своего любовника, а изъ страха за свою безопасность. Она уже не вѣрила въ побѣду и думала только о томъ, какъ бы во-время покинуть тонущій корабль. Послѣ пораженія на сушѣ бѣжать ей было бы трудно и во всякомъ случаѣ рискованно, между тѣмъ, какъ моремъ она легко и быстро могла добраться до своей родины—Египта. Она, конечно, рассчитывала, что если побѣдитель послѣдуетъ туда за ней, то ей удастся такъ же обольстить его, какъ ей удалось это съ Цезаремъ и Антоніемъ. „Поэтому“, какъ говорятъ документы, „она посовѣтовала дать сраженіе на морѣ, а Антоній, совершенно подчинившійся ей, послѣдовалъ этому совѣту, вопреки собственному убѣжденію“.

Однако, въ пользу сраженія на морѣ можно привести и другія соображенія:

192. Основанія
для сраженія
на морѣ.

1) Если бы сухопутное сраженіе не привело къ рѣшительному результату и даже, если бы оно разыгралось въ пользу Антонія, но безъ полной побѣды, положеніе его сдѣлалось бы еще хуже, чѣмъ было до тѣхъ поръ, такъ какъ при отсутствіи сообщенія по морю его ожидали и въ Эпирѣ тѣ же затрудненія по обезпеченію арміи продовольствіемъ, а переправиться въ Италію онъ не могъ, пока моремъ владѣлъ Агриппа.

2) Наоборотъ, если бы ему удалось одержать побѣду на морѣ, то для него отпадали всякія заботы о продовольствіи и онъ получалъ, въ свою очередь, возможность чрезвычайно затруднить снабженіе продовольствіемъ противника. Затѣмъ, въ случаѣ побѣды, всѣ пути его флоту и арміи были открыты и онъ получалъ возможность идти куда пожелаетъ, а прежде всего въ близкую Италію и Римъ, при чемъ флотъ его могъ бы помѣшать Октавіану переправиться черезъ море для преслѣдованія его.

Рѣшеніе всего вопроса сводилось, такимъ образомъ, къ владѣнію моремъ, которое Агриппа, правильно опѣнивъ обстановку, при помощи своихъ быстроходныхъ кораблей, сумѣлъ закрѣпить за собой.

193. пригото-
вленія Антонія
къ морскому
сраженію.

Въ настоящее время невозможно опредѣлить, насколько эти послѣднія соображенія повліяли на Антонія. Рѣшившись дать сраженіе на морѣ, онъ началъ готовиться къ нему съ приливомъ прежней своей энергіи. На пополненіе сильно порѣдѣвшихъ экипажей своихъ линейныхъ кораблей, онъ назначилъ людей съ другихъ судовъ, которыя затѣмъ сжегъ; такъ онъ поступилъ съ египетскими кораблями, которыхъ осталось только 60; затѣмъ онъ посадилъ 22.000 легионеровъ (20.000 тяжелой и 2.000 легкой пѣхоты) на боевой флотъ.

194. Сожженіе
судовъ было
ошибкой.

Сожженіе судовъ надо считать ошибкой, такъ какъ собственные его люди могли понять это только, какъ признаніе въ томъ, что онъ самъ не надѣялся больше на побѣду и предпочиталъ сжечь корабли, которыхъ не могъ использовать въ бою, чѣмъ отдать ихъ въ добычу противнику. Такая мѣра могла привести только къ тому, что мужество его людей, и безъ того подорванное лишеніями, дезертирствомъ, потерями въ бояхъ и т. п. стало еще больше колебаться, такъ какъ людямъ какъ будто намекали, что предстоящее сраженіе будетъ отчаяннымъ боемъ не на животь, а на смерть. Между тѣмъ, необходимымъ условіемъ успѣха является, чтобы люди шли въ бой съ твердой увѣренностью въ своемъ превосходствѣ надъ противникомъ, и въ своей побѣдѣ; эту увѣренность въ побѣдѣ начальникъ долженъ стараться всѣми мѣрами внушить и укрѣпить въ своихъ подчиненныхъ даже въ томъ случаѣ, если самъ ее не раздѣляетъ; поэтому, онъ долженъ тщательно избѣгать всего, что можетъ ослабить эту увѣренность; сожженіе кораблей, какъ разъ противорѣчило этому правилу.

Этотъ поступокъ Антонія, въ связи съ рѣшеніемъ его дать морское сраженіе, а не безусловно болѣе для него выгодное сухопутное, и съ его позорнымъ бѣгствомъ, даютъ основаніе думать, что онъ съ самаго начала далеко не былъ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ и, до известной степени, заранѣе считалъ себя погибшимъ ¹⁾.

¹⁾ Какъ будто и онъ держался того-же взгляда, что и Клеопатра—имѣть возможность спастись самому. См. § 191. *Ред.*

Число кораблей Антонія въ точности неизвѣстно. Крупныхъ боевыхъ кораблей, по 8—10 рядовъ весель, было около 170; общая численность экипажей должна была доходить до 100.000 или даже болѣе, изъ которыхъ около 25.000 солдатъ (не меньше 120 солдатъ на корабль).

195. Сила
обоихъ фло-
товъ.

Октавіанъ посадилъ на свой флотъ очень большое число легионеровъ—34.000, въ томъ числѣ лучшія свои войска; въ составъ его флота входило около 260 триремъ (либурнь, о которыхъ говорилось выше). Общая численность экипажей должна считаться около 80.000. Чтобы освободить мѣсто на палубѣ, съ кораблей были сняты такелажъ.

3. Сраженіе у Акціума 2-го сентября 31 года до Р. Хр.

И тотъ и другой флоты были раздѣлены на три эскадры; въ теченіе четырехъ дней бурная погода мѣшала начать бой; на пятый день Антоній выстроилъ свой флотъ при входѣ въ бухту въ развернутомъ строю на тѣсныхъ интервалахъ, такъ что оба фланга прямыкали къ берегамъ (см. табл. VIII, а, b; c; разстояніе между линіями двухметровой глубины у обоихъ береговъ равнялось 2500 метровъ, что составляло по 15 метровъ на каждый корабль). Правымъ флангомъ (b), при которомъ находился самъ Антоній, командовалъ Геллій, центромъ (a)—Юстіи и лѣвымъ флангомъ (c)—Целій. Планъ Антонія заключался въ томъ, чтобы, отказавшись отъ всякихъ маневровъ, держать свои тяжелые корабли въ тѣсно сомкнутомъ строю и ждать атаки противника, который, по мнѣнію Антонія, со своими легкими, низкобортными кораблями, не былъ въ состояніи ничего сдѣлать противъ высокой, крѣпкой стѣны его кораблей, защищенной таранами и всевозможными метательными снарядами; такимъ образомъ, онъ предполагалъ ограничиться отраженіемъ ожидаемой атаки. Клеопатра со своими кораблями стояла на-готовѣ позади центра (d).

196. Позіціи
и раздѣленіе
обоихъ фло-
товъ.

Агриппа, который только и ждалъ выхода противника, двинулся противъ боевой линіи Антонія въ обычномъ полукружномъ строю, при чемъ центръ держался немного позади, а оба фланга нѣсколько выдавались за непріятельскую линію

(см. табл. VIII, 1, s, t); самъ Агриппа командовалъ центромъ (r), Люціи командовалъ правымъ (s), а Арунцій—лѣвымъ флангомъ (t). Однако онъ вовсе не собрался, въ угоду непріятелю, хватать быка за рога и атаковать его на той сильной позиціи, которую послѣдній самъ для себя выбралъ, какъ наиболѣе выгодную; поэтому, въ виду невозможности обойти непріятеля, онъ попытался выманить его съ этой позиціи.

197. Такти-
ческій пріемъ
Агриппы.

Онъ не дошелъ до самой непріятельской линіи, а остановился приблизительно въ 8 кабельтовыхъ отъ нея и началъ всевозможными способами вызывать противника на наступленіе. Вѣтеръ, дувшій съ берега, благопріятствовалъ этому замыслу, и хитрость его удалась. По истеченіи нѣкотораго времени, командовавшій лѣвымъ флангомъ Целій не могъ долѣе противиться желанію попытаться атаковать противника, и въ 11 часовъ утра двинулся со своей эскадрой впередъ. Однако, стоявшій противъ него Люцій все-таки не принялъ боя, но, слѣдуя приказанію Агриппы, началъ медленно отступать и въ то же время сталъ размыкать свои корабли вправо, чтобы выиграть флангъ противника (см. табл. VIII, s, c₁); это въ свою очередь заставило Целія, для прикрытія своего фланга передвинуть далѣе влѣво свои лѣвофланговые корабли; такимъ образомъ лѣвый флангъ Антонія оторвался отъ главныхъ силъ, вслѣдствіе чего его боевой строй оказался нарушеннымъ; это было какъ разъ то самое, чего добивался Агриппа: цѣль его, благодаря точному и искусному исполненію Люціемъ его приказаній, была достигнута.

Такъ же неосторожно, какъ Целій на лѣвомъ флангѣ, дѣйствовалъ и Геллій на правомъ, противъ Арунція; онъ также оторвался отъ центра, а такъ какъ послѣдній, согласно плана сраженія оставался на мѣстѣ или только очень медленно подвигался впередъ, то у обоихъ крыльевъ Антонія образовались широкіе разрывы (см. табл. VIII, t, b₁).

198. Насту-
пленіе обоихъ
фланговъ
Агриппы.

Когда Агриппѣ удалось заманить оба непріятельскія крыла достаточно далеко впередъ, Люцій и Арунцій внезапно бросились на нихъ, при чемъ, пользуясь перевѣсомъ въ численности и быстроходности своихъ кораблей, охватили непріятеля съ фланговъ и атаковали его одновременно съ фронта, съ фланговъ и съ тыла. Въ то же время Агриппа, предо-

ставивъ руководство боемъ на флангахъ начальникамъ эскадръ, двинулся со своими главными силами въ промежутокъ между непріятельскими фланговыми эскадрами и бросился на оставшуюся одинокою центральной эскадру Антонія и съ такою стремительностью атаковалъ ее, охватывая ее съ фланговъ, что привелъ ее въ полное разстройство (см. табл. VIII, г, а₁).

Этого именно момента (былъ одинъ часъ пополудни), когда оба флота были увлечены горячимъ боемъ, и дожидалась Клеопатра; вмѣсто того, чтобы бросить въ бой свою свѣжую эскадру, состоявшую изъ 60 судовъ, которая бы могла бы участвовать въ сраженіи, хотя и состояла изъ легкихъ судовъ,—она неожиданно приказала поставить паруса и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, прошла черезъ поле сраженія, между сражающимися эскадрами, въ открытое море (см. табл. VIII, d₁).

Замѣтивъ ея бѣгство, Антоній поступилъ съ такою изощренностью, равную которой едва ли можно отыскать въ исторіи: ради любовницы, которая предательски бросила его въ минуту опасности, Антоній, владетельнѣйшій всего Востока, не задумавшись покинуть на произволъ судьбы свой флотъ, сражавшійся ради него за мировое господство, и армию, которая ждала только приказанія, чтобы сдѣлать то же самое. Онъ погнался за ней на быстроходномъ посыльномъ суднѣ, на которое въ общей суматохѣ сраженія никто не обратилъ вниманія и, когда догналъ ее, считъ себя счастливымъ, несмотря на то, что ему, какъ нежеланному и неудобному гостю, былъ оказанъ очень холодный пріемъ.

Неожиданное бѣгство сильнаго резерва и самого главнокомандующаго должно было произвести удручающее впечатлѣніе на флотъ Антонія; нѣкоторые корабли выбросили за бортъ башни и метательныя машины, подняли паруса и тоже пустились въ бѣгство въ открытое море; главные силы однако стояли непоколебимо, храбро сражаясь за честь своего флага, какъ это дѣлаютъ храбрые солдаты даже при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, и сраженіе продолжалось съ величайшимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ.

Шансы обоихъ флотовъ не были настолько неравны, чтобы развязка могла бы наступить скоро. Пріемъ, употребленный Агриппой въ этомъ бою, заключался въ томъ, что

199. Бѣгство Клеопатры.

200. Позорное бѣгство Антонія.

201. Дальнѣйшій упорный бой.

каждая изъ плавучихъ крѣпостей Антонія была одновременно атакована тремя или четырьмя его легкими кораблями; однако, несмотря на численное превосходство, добиться побѣды было не легко. Корабли Агриппы обламывали противнику весла и рули, уничтожая такимъ образомъ ихъ двигательную силу и обрекая ихъ на неподвижность, но при этомъ многія галеры сами пострадали отъ метательныхъ снарядовъ и даже были пущены ко дну; противъ тараннаго удара неприятельскіе корабли были защищены броневымъ поясомъ, отъ abordжа ограждены высотой бортовъ и сильнымъ экипажемъ, и такимъ образомъ исходъ боя представлялся очень сомнительнымъ, если бы Агриппа не позаботился снабдить свои корабли большимъ количествомъ зажигательныхъ снарядовъ и тому подобныхъ приспособленій.

Кромѣ горящихъ копій и стрѣлъ, которыя употреблялись уже въ бою при Навлохѣ, были пущены въ ходъ еще факелы, бросаемые руками и горшки съ горящей смолой и углями, бросаемые издали метательными машинами; бросались также горшки съ негашеной известью для ослѣпленія людей (вонючіе снаряды китайскихъ пиратовъ). Этими снарядами удалось поджечь и уничтожить много кораблей Антонія.

**202. Побѣда
Агриппы.**

Послѣ бѣгства Антонія, за которымъ послѣдовало нѣсколько его кораблей, успѣхъ сталъ клониться на сторону Агриппы, но тѣмъ не менѣе ожесточенный бой продолжался еще въ теченіе 3—4 часовъ, безъ опредѣленнаго порядка, въ общей свалкѣ; только немногимъ кораблямъ Антонія удалось спастись бѣгствомъ въ Акдіумъ; большая часть была сожжена, нѣсколько кораблей было взято въ плѣнъ.

**203. Сдача
арміи.**

Черезъ недѣлю сдалась и оставшаяся безъ предводителя армія Антонія, такъ какъ она была со всѣхъ сторонъ окружена; вмѣстѣ съ тѣмъ попали въ руки Октавіана и корабли Антонія, бѣжавшіе съ мѣста битвы.

**204. Окта-
віанъ—едине-
личный вла-
дына міра.**

Такимъ образомъ Агриппа со своимъ флотомъ завоевала владычество надъ міромъ въ пользу Октавіана, который тѣмъ временемъ, страдая морской болѣзью, лежалъ въ каютѣ на своемъ кораблѣ позади боевой линіи, вѣ раіона битвы, и вышелъ на палубу только для того, чтобы посмотреть на позорное бѣгство своего соперника, вмѣстѣ съ его любовницей.

Для увѣковѣченія этой побѣды Октавіанъ выстроилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла его армія, городъ, который называлъ Никополисомъ (Nikopolis) — городомъ побѣды; развалины этого города сохранялись до нашихъ дней.

Антоній, вмѣстѣ съ Клеопатрой, отправился въ Египетъ, но тамъ она бросила его; въ отчаяніи, онъ поселился въ хижинѣ на берегу моря; когда въ Египетъ прибылъ Октавіанъ, онъ попытался оказать ему сопротивленіе, но собственные его приверженцы относились къ нему съ презрѣніемъ, а флотъ и армія перешли на сторону противника: тогда онъ лишилъ себя жизни. Клеопатрѣ не удалось приобрести вліянія на Октавіана, и она также покончила самоубійствомъ.

205. Конецъ войны. Смерть Антонія и Клеопатры.

4. Заключительный обзоръ.

Даже при бѣглому взглядѣ на ходъ этой войны, нельзя не видѣть, что Антоній, въ силу своей бездѣятельности, постоянно упускалъ наиболѣе благопріятные случаи, при чемъ дѣлалъ это такъ упорно, какъ будто дѣйствовать преднамѣренно. Всякія излишества такъ разстроили его нервы и расслабили его, что будучи отъ природы несомнѣнно даровитымъ человѣкомъ, неоднократно отличившимся и на военномъ поприщѣ, онъ подъ конецъ обратился въ безвольную куклу въ рукахъ распутной женщины. Въ началѣ войны въ его распоряженіи былъ флотъ и армія, деньги и запасы, между тѣмъ, какъ Октавіанъ былъ совершенно не подготовленъ; такимъ образомъ у него былъ громадный матеріальный перевѣсъ надъ противникомъ, но умственной и нравственной способности использовать этотъ перевѣсъ у него совершенно не было.

206. Слабость Антонія.

Мало по малу онъ приводилъ свои громадныя боевыя силы все въ худшее и худшее состояніе и сдѣлалъ все, что только было возможно, чтобы ихъ ослабить и деморализовать, пока наконецъ уже не оставалось другого выхода, какъ только принять вынужденное рѣшительное сраженіе, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Едва ли можно найти въ исторіи другой примѣръ человѣка, который до такой степени былъ бы самъ себѣ врагомъ, и такъ очевидно стремился-бы къ собственной гибели, какъ Антоній.

О полномъ отсутствіи у Антонія всякой энергіи въ веденіи войны мы только что говорили; кромѣ того, его жалкое поведеніе и погоня исключительно за чувственными удовольствіями не могли не подорвать въ глазахъ его арміи уваженія къ своему предводителю, а полное ранодушіе его къ нуждамъ своихъ людей, которые, вслѣдствіе отсутствія заботы о нихъ, терпѣли недостатокъ во всемъ и гибли въ то время, какъ самъ онъ утопалъ въ роскоши,—конечно, отвратило отъ него всѣ сердца. Однако, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, въ теченіе дѣлаго года разстраивавшія его флотъ и армію, силы его ни въ какомъ случаѣ не могли считаться ничтожными или не заслуживающими вниманія. Когда старый воинъ перестаетъ уважать своего предводителя, и даже презираетъ его, онъ, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ сохранять привязанность къ своему званію и къ своему дѣлу; онъ иногда нарушаетъ дисциплину, перестаетъ повиноваться и даже доходитъ до мятежа, но со своей частью онъ все-таки будетъ храбро, до послѣдней крайности, биться съ непріателемъ. Онъ считаетъ дѣломъ чести сохранить незапятнаннымъ свой мечъ, который не разъ уже сослужилъ ему службу. Въ этомъ и заключалась опасность для Октавіана въ сраженіи при Акціумѣ, несмотря на то, что во всемъ остальномъ обстоятельства складывались для него благопріятно.

207. Агриппа,
накъ стратегъ
и тантинъ.

Октавіанъ тоже ни въ какомъ отношеніи не показаль достойнаго подражанія примѣра; онъ проявилъ поразительное отсутствіе предусмотрительности и осторожности, начавъ войну, къ которой онъ былъ совершенно не подготовленъ, и которая потребовала еще дѣлаго года приготовленій, раньше, чѣмъ можно было начать дѣйствовать. Его спасло полное отсутствіе энергіи и близорукость Антонія, а затѣмъ, во время самой войны—его спасъ его вѣрный другъ и помощникъ Агриппа. О томъ, какъ широко и правильно развились взгляды Агриппы на морскую войну со времени перваго его опыта пять лѣтъ тому назадъ, упомянуто выше.

Мы уже говорили, что римляне строили флотъ только тогда, когда въ этомъ представлялась крайняя необходимость, но зато они строили въ такихъ случаяхъ сразу сильный флотъ и шли съ нимъ прямо на врага; почти всегда они одерживали надъ непріателемъ рѣшительную побѣду,

главнымъ образомъ, благодаря примѣненію новыхъ способовъ абордажного боя (легионеры, абордажные мостки). Успѣхи ихъ были почти исключительно тактическими успѣхами и заключались въ нанесеніи непріятелю сильныхъ ударовъ, для которыхъ послѣдній давалъ удобный случай своимъ незнаніемъ, самонадѣянностью или неумѣніемъ. Стратегія римлянъ была очень простая и примитивная, и заключалась только въ томъ, чтобы разыскавъ непріятеля; случаи иного употребленія флота встрѣчаются только въ видѣ исключенія.

Такъ именно дѣйствовалъ и Агриппа въ войнѣ противъ Секста Помпея; однако, при этомъ, введя въ употребленіе броневой поясъ, абордажные и зажигательные снаряды, онъ проявилъ провидательность не только въ области тактики (пріемахъ боя), какъ Дуилій, но, создавъ портъ Юлія, удобно расположенную и вполне безопасную операционную базу, доказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое пониманіе стратегіи, какого до тѣхъ поръ не проявилъ ни одинъ римлянинъ. Въ войнѣ же противъ Антонія онъ обнаружилъ широкое пониманіе способовъ веденія морской войны вообще, давъ отдѣльнымъ частямъ флота самое цѣлесообразное назначеніе и используя его съ наибольшимъ вредомъ для противника:

208. Заслуги
Агриппы.

1) онъ прервалъ непріятельскія линіи сообщеній, захватилъ транспорты, отрѣзалъ доставку припасовъ по морю и, такимъ образомъ, вызвалъ недостатокъ ихъ въ непріятельскомъ лагерѣ;

2) онъ тревожилъ и разорялъ побережье въ тылу непріятельской арміи;

3) онъ захватилъ укрѣпленные города въ непріятельской странѣ, благодаря чему получилъ возможность еще болѣе опустошить ее; города эти вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли значеніе, какъ гавани или узловые пункты на морскихъ или береговыхъ путяхъ сообщенія; такимъ образомъ онъ прервалъ, или, по крайней мѣрѣ, затруднилъ подвозъ запасовъ непріятелю и сухимъ путемъ (Метона, Патры, Коринѣ);

4) Онъ занялъ острова поблизости непріятельскаго расположенія, служившіе опорными пунктами для его флота (Корцира, Левкадія), и такимъ образомъ стѣснилъ до послѣдней степени раіонъ его дѣйствій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воспользовался этими островами, какъ наблюдательными пунктами для надзора за морскими путями;

5) Наконецъ, онъ пользовался вообще всякимъ случаемъ на морѣ и на сушѣ, чтобы нанести неприятелю вредъ въ открытомъ бою, при чемъ умѣлъ неожиданно появляться тамъ, гдѣ его всего менѣе ожидали.

Начавъ кампанію въ то время, когда его противникъ еще стоялъ на зимнихъ квартирахъ, онъ своей неутомимой дѣятельностью показалъ, чего можетъ въ такихъ случаяхъ достичь флотъ смѣлымъ наступленіемъ; всѣ его успѣхи были достигнуты въ періодъ времени менѣе пяти мѣсяцевъ. Такимъ образомъ Агриппа подалъ примѣръ того, какъ слѣдуетъ вести малую войну, и другой столь же поучительный примѣръ трудно найти. Постоянные успѣхи его должны быть главнымъ образомъ приписаны вялости и бездѣятельности неприятеля, который за все время предпринялъ только двѣ операціи на морѣ (Назидій и Созій), но это нисколько не умаляетъ заслугъ самого Агриппы. Онъ былъ единственнымъ римляниномъ, проявившимъ талантъ въ морской войнѣ, въ которой онъ достигъ блестящихъ успѣховъ.

Однако, Агриппа не ограничивался малой войной и вполне основательно смотрѣлъ на нее только какъ на средство, для достиженія главной цѣли, которой онъ никогда не упускалъ изъ вида — уничтоженія главныхъ силъ противника. Какъ только пришло время, онъ дѣятельно приступилъ къ главнымъ операціямъ; занявъ Корциру и обезпечивъ такимъ образомъ путь Октавіану въ Эпиръ, онъ предложилъ ему переправиться туда; до тѣхъ поръ сдѣлать это было бы рискованно, такъ какъ пока этотъ островъ находился въ неприятельскихъ рукахъ и служилъ станціей для флота Антонія, Октавіану пришлось бы высаживаться по крайней мѣрѣ на 160 морскихъ миль сѣвернѣе Акціума, вмѣсто 22 миль, какъ это было сдѣлано въ дѣйствительности.

Тѣмъ не менѣе, переправу 90 000-ной арміи вблизи сильнаго неприятельскаго флота нельзя не признать крайне смѣлой; смѣлость эта свидѣтельствуетъ, что Агриппа умѣлъ правильно судить о своемъ противникѣ и твердо надѣялся на свой флотъ, что доказываетъ его блестящія способности, какъ флотоводца.

209. Правильная оцѣнка обстановки Агриппой.

Сверхъ ожиданія, арміи Октавіана не представилось случая къ какому-либо серьезнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ Антоній избѣгалъ сраженія. Тогда Агриппа снова взялъ на

себя инициативу и, дѣйствуя настойчиво, упорно и осторожно, поставилъ непріятеля въ такое безвыходное положеніе, что вынудилъ Антонія противъ его желанія и при неблагоприятныхъ для него условіяхъ дать рѣшительное сраженіе; Антоній предпочелъ сраженіе на морѣ, и такимъ образомъ рѣшать дѣло пришлось флоту.

Агриппа, вызванный Антоніемъ на бой, стоялъ передъ страшной отвѣтственностью: отъ него зависѣла участь всего міра; но онъ привыкъ всегда дѣйствовать на войнѣ наступательно и не измѣнилъ себѣ и въ этомъ случаѣ. Не колеблясь ни одного мгновенія, онъ поднялъ брошенную ему перчатку, но при этомъ вовсе не былъ расположенъ, въ угоду противнику, атаковать его на неприступной его позиціи: правильно оцѣнивъ обстановку, онъ немедленно отдалъ распоряженія, сообразуясь съ очень простымъ, но тѣмъ не менѣе часто забываемымъ основнымъ тактическимъ правиломъ: „атаковать непріятеля на сильной позиціи только въ томъ случаѣ, если его нельзя обойти или выманить съ этой позиціи“. Въ данномъ случаѣ обойти непріятеля не было возможности, такъ какъ оба его фланга примыкали къ берегу, а потому онъ рѣшился попробовать выманить его съ его позиціи.

Это кажется очень простымъ, но на войнѣ все очень просто послѣ того, какъ дѣло сдѣлано, въ особенности для посторонняго наблюдателя, который въ своемъ кабинетѣ, подробно зная положеніе обѣихъ сторонъ, спокойно оцѣниваетъ ходъ событій; такъ именно поступало множество нашихъ штатскихъ стратеговъ, которые не находили достаточныхъ словъ для порицанія нашихъ военачальниковъ, въ особенности въ послѣднюю войну 1870—71 года. Однако найти вѣрное рѣшеніе вовсе не легко, а наоборотъ очень трудно для того, кто самъ стоитъ въ самомъ центрѣ дѣйствія и той суеты, которая съ нимъ неизбежно связана, при чемъ у него нѣтъ ни свободнаго кругозора, ни точнаго знанія того, что дѣлается у противника. А затѣмъ, чтобы сохранить полное самообладаніе, и при появленіи непріятеля мгновенно принять вѣрное рѣшеніе, отъ котораго иногда зависятъ громадныя послѣдствія—нужно тоже быть необыкновеннымъ человекомъ, гениальнымъ полководцемъ.

210. Согласно-
ваніе дѣйствій
Агриппы и его
помощниковъ. Выполненіе данной Агриппой диспозиціи тоже кажется очень простымъ, но на самомъ дѣлѣ оно вовсе не таково. Для этого требовались превосходно дисциплинированные начальники эскадръ и командиры кораблей, которые крѣпко держали бы въ рукахъ свои эскадры и корабли, какъ во время маневрированія, такъ и въ пылу сраженія, и обладали бы необходимой выдержкой въ упорномъ бою, при громадныхъ потеряхъ.

Самымъ важнымъ является, чтобы начальники эскадръ были вполне ознакомлены съ намѣреніями адмирала и выполняли ихъ съ надлежащимъ пониманіемъ; однако, въ предѣлахъ своего круга дѣйствій они должны поступать по своему крайнему разумѣнію, такъ какъ тутъ имъ самимъ приходится давать правильную оцѣнку условіямъ пространства (напр. разстояніе отъ непріятеля) и времени, въ особенности, если принять во вниманіе, что на морѣ возможность передачи приказаній въ большей части случаевъ крайне ограничена, если не совсѣмъ исключена.

Отъ младшихъ начальниковъ въ составѣ крупныхъ боевыхъ силъ необходимо требовать, чтобы они всецѣло прониклись намѣреніями своего главнаго начальника и затѣмъ точно выполняли его приказанія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ кажется, что сами они сдѣлали бы лучше; только при этомъ условіи возможно достигнуть хорошихъ результатовъ. Этими вовсе не приносится въ жертву, какъ часто ошибочно думаютъ, собственное (конечно — всегда лучшее) мнѣніе, не совершается преступленія противъ собственнаго разума (*sacrificium intellectus*), а только подчиняютъ свои дѣйствія взглядамъ начальника, сообразно требованіямъ военной дисциплины и послушанія.

Сраженіе при Акціумѣ въ этомъ отношеніи является очень поучительнымъ примѣромъ: въ дисциплинированномъ флотѣ Агриппы, приказанія его были точно выполнены начальниками обоихъ фланговъ, а во флотѣ Антонія командиры эскадръ дѣйствовали наперекоръ его указаніямъ, въ результатъ чего получилось то самое раздѣленіе флота и разстройство крѣпкой позиціи, на которыхъ непріятель строилъ расчеты на побѣду.

Можетъ показаться, что приведенное выше основное тактическое правило — „атаковать непріятеля на сильной позиціи

и т. д.⁴ применимо только въ сухопутной войнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ морская и сухопутная тактика кажутся настолько различными, что, повидимому, не могутъ имѣть ничего общаго между собой. Однако сраженіе у Акціума доказываетъ, что это невѣрно, и подобный случай можетъ повториться и въ наши дни (Aussen-Jade).

Тактику Агриппы при Акціумѣ можно сравнить съ тактикой каррагенянъ при Экомосѣ; расположеніе римлянъ въ этомъ послѣднемъ сраженіи хотя и не примыкало флангами къ берегу, но было также тѣсно сомкнуто и неприступно съ фронта; противъ нихъ наступали каррагеняне (какъ при Акціумѣ Агриппа) въ развернутомъ строю, въ видѣ полуокружности, и для того, чтобы разстроить сомкнутый строй римлянъ и раздѣлить ихъ флотъ, пустили въ ходъ хитрость, начавъ притворное отступленіе своимъ центромъ (при Акціумѣ—флангами); такимъ образомъ и тамъ, какъ и здѣсь произошло три отдѣльныхъ сраженія въ трехъ разныхъ мѣстахъ, при чемъ ни на одномъ изъ нихъ не получилось подавляющаго превосходства въ численности кораблей.

При Акціумѣ Агриппа заманилъ тяжелые корабли Антонія въ открытое море, между тѣмъ какъ при Экомосѣ каррагеняне прижали III и IV эскадры къ берегу; а затѣмъ дѣло было рѣшено разрушительными снарядами, падавшими съ далекаго разстоянія на атакованные со всѣхъ сторонъ корабли Антонія, при помощи которыхъ они были зажжены и уничтожены раньше, чѣмъ имъ удалось перейти къ абордажному бою.

Въ прямую противоположность своей тактикѣ у Миле и Навлоха, Агриппа въ сраженіи при Акціумѣ настойчивой и упорной атакой одержалъ верхъ надъ тяжелыми высокими кораблями, обладавшими огромной оборонительной силой, при помощи легкихъ, низкихъ судовъ, пользовавшихся своимъ преимуществомъ въ быстротѣ хода и поворотливости и снабженныхъ соответственнымъ новымъ оружіемъ.

Октавіанъ былъ обязанъ одному Агриппѣ рѣшеніемъ въ его пользу величайшаго соперничества, которое когда либо возникало, соперничества изъ за міроваго владычества; Агриппа сдѣлалъ его „императоромъ міра“ и „Цезаремъ-Августомъ“, и нельзя не назвать счастливецомъ Октавіана, который въ такое время, когда вѣрность совершенно исчезла

211. Акціумъ
и Экомосъ.

212. Агриппа
и Октавіанъ.

съ лица земли, нашелъ себѣ такого вѣрнаго друга, и къ тому же гениальнаго администратора и военачальника, который для него создалъ, организовалъ, обучилъ и привелъ къ побѣдѣ громадную морскую силу; самъ онъ къ этому былъ совершенно не способенъ.

213. Дальнѣй-
шая біографія
Агриппы.

Приведемъ въ заключение нѣкоторые свѣдѣнія о дальнѣйшей жизни Агриппы. Послѣ сраженія при Акціумѣ, Октавіанъ отправился въ Малую Азію и Египетъ, а Агриппу отправилъ съ неограниченными полномочіями въ Римъ, такъ какъ въ Италіи снова начались волненія въ средѣ ветерановъ; Агриппа, пользовавшійся наибольшимъ довѣріемъ арміи, могъ лучше всѣхъ уладить это дѣло. Повидимому онъ уклонился отъ всякихъ почестей при своемъ прибытіи въ Римъ, такъ же, какъ онъ трижды передъ тѣмъ отказался отъ триумфа, являвшагося высшею дѣлю всякаго римскаго военачальника; онъ принялъ отъ Октавіана Августа въ награду только особый знакъ отличія, единственный въ своемъ родѣ — голубой флагъ, цвѣта морской воды.

Онъ оставался замѣстителемъ императора, который въ 23 году, во время тяжелой болѣзни, даже передалъ ему кольцо съ именной печатью, что означало признаніе его наследникомъ престола. Вызванный этимъ обстоятельствомъ волненія, повели къ тому, что Агриппа добровольно отправился въ изгнаніе въ качествѣ намѣстника Сиріи, но поѣхалъ онъ не въ свою провинцію, а на островъ Лесбосъ. Черезъ два года онъ возвратился назадъ, и Августъ еще тѣснѣе привязалъ его къ себѣ, выдавъ за него замужъ свою только что овдовѣвшую дочь Юлію.

Послѣ войны въ Галліи и Германіи, онъ совершилъ походъ на востокъ, въ Палестину и въ Черное море; въ послѣднемъ походѣ ему помогали своимъ флотомъ Иродъ. Послѣ того, какъ паннонійцы безъ боя покорились ему, онъ возвратился на родину, заболѣлъ въ Кампаніи, гдѣ и умеръ въ 12 году до Р. Хр., 51 года отъ роду.

О значеніи его, какъ тактика и стратега, уже сказано выше; къ его дѣятельности вполне примѣнимо изреченіе: внѣшнія формы мѣняются, но духъ остается всегда неизмѣннымъ. Изреченіе это, имѣющее извѣстное значеніе для всякаго рода дѣятельности, относится и къ веденію войны; поэтому изученіе древней исторіи и тогдашнихъ морскихъ

войнѣ является чрезвычайно поучительнымъ для морского офицера, да и вообще для всякаго, а при правильномъ примѣненіи вытекающихъ изъ этого изученія выводовъ къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ—можетъ даже принести извѣстную практическую пользу на войнѣ.

Этимъ мы заканчиваемъ описаніе морскихъ войнъ, вѣденныхъ римлянами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и третій отдѣлъ исторіи морскихъ войнъ, въ которыхъ для боя примѣнялись гребныя суда.

Мы только въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовали биографію Агриппы, однако уже и изъ нихъ видно, какую выдающуюся роль онъ игралъ въ тогдашній богатый событіями періодъ времени; и дѣйствительно, онъ занималъ наиболѣе значительное мѣсто послѣ Августа, котораго онъ, впрочемъ, превосходилъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Независимо отъ его дѣятельности какъ государственнаго мужа, которая въ виду его общественнаго положенія и связанной съ нимъ власти имѣла громадное значеніе, онъ выказалъ крупныя заслуги въ области военнаго дѣла, которыя обличаютъ въ немъ выдающагося полководца; если же даже оставить въ сторонѣ многочисленныя его походы, то остается еще такое множество его успѣховъ въ морской войнѣ, какое едва ли выпадало кому-нибудь другому на долю.

Агриппа далъ три крупныхъ морскихъ сраженія у Миле, у Навлоха и у Акціума и всѣ три ихъ выигралъ, въ двухъ онъ нанесъ противнику полное пораженіе. Всѣ дѣйствія его въ морской войнѣ—созданіе флота, постройка особаго типа кораблей, защита ихъ отъ удара тараномъ, устройство военной гавани, обезпечившей ему операціонную базу, обученіе корабельныхъ командъ всѣмъ приемамъ боя сперва въ гавани, а затѣмъ въ морѣ—все это доказываетъ его умѣніе охватить однимъ взглядомъ обшую совокупность всего морского дѣла, вѣрное пониманіе его и удивительную энергію въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, а потому являются въ высшей степени поучительными.

Октавіанъ Августъ, сдѣлавшись императоромъ, сталъ постоянно держать въ полной готовности два большихъ флота, одинъ—въ устроенномъ Агриппой портѣ Юлія (у Мизенума) для охраны западной и южной части Средизем-

214. Общее значеніе Агриппы.

215. Римскій флотъ во времена Октавіана Августа.

наго моря, а другой, въ составѣ около 250 кораблей во вновь устроенной гавани въ сѣверной части Адриатическаго моря, на восточномъ берегу Италіи, у Равенны. Этотъ равеннскій флотъ долженъ былъ охранять страдавшую отъ морскихъ разбоевъ восточную часть Средиземнаго моря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще оберегать восточную половину Имперіи.

Затѣмъ, менѣе значительныя эскадры находились въ Понтѣ (Черномъ морѣ), у береговъ Сириі, Африки, Галліи и т. д.; были небольшія римскія флотиліи на Рейнѣ, на Дунаѣ, на Ронѣ, на Сенѣ, на Евфратѣ и проч.

Императорской арміи на границахъ имперіи еще часто представлялись случаи даже для крупныхъ военныхъ операцій, но для флота уже нигдѣ не было сколько-нибудь достойнаго соперника, что естественно повело къ постепенному упадку его боеспособности,

Общія нравственныя основы римскаго народа были поколеблены, что внесло зародышъ разложенія и постепеннаго упадка и въ римскій флотъ, который впоследствии уже никогда не стоялъ на такой высотѣ, какъ во время управления имъ энергичнымъ Агриппой.

216. Значеніе морскихъ сраженій въ древности.

Послѣднее сраженіе у Акціума съ его долготѣнейшей подготовкой и окончательнымъ результатомъ, въ связи съ морскими боями первой Пунической войны и сраженіями, разыгравшимися во времена морскаго владычества Аѳинъ, даетъ чрезвычайно важный матеріалъ для изученія морской тактики. Изъ этихъ сраженій, а также изъ предшествовавшихъ имъ и послѣдовавшихъ за ними событій можно сдѣлать нѣкоторые поучительные выводы, имѣющіе серьезное значеніе и для современной морской войны. Здѣсь собранъ весьма цѣнный матеріалъ, который заслуживаетъ болѣе подробнаго изученія.

Невольно напрашивается сравненіе морскаго дѣла во времена гребного флота съ тактикой первыхъ временъ броненосныхъ флотовъ. Современные паровые военные корабли всецѣло зависятъ отъ необходимости постоянно возобновлять запасы воды и угля; гребныя суда находились въ такой же зависимости отъ необходимости давать отдыхъ гребцамъ; поэтому и древніе и современные флоты были подчинены при выполненіи военныхъ задачъ не только въ тактическомъ, но

и въ стратегическомъ смыслѣ сходнымъ во многихъ отношеніяхъ условіямъ. Парусные военные корабли въ этомъ отношеніи находились въ иномъ положеніи.

Самый знаменитый англійскій флотоводецъ, сэръ Вальтеръ Раллей въ свое время, т. е. приблизительно въ 1600 г. указалъ на важность изученія исторіи морскихъ войнъ въ древности, несмотря на то, что тогда были только парусныя суда. Для своихъ статей, въ которыхъ онъ доказывалъ необходимость наступательныхъ дѣйствій у непріятельскихъ береговъ, какъ наилучшаго способа противодѣйствовать непріятельскому вторженію, онъ постоянно изучалъ греческія и римскія морскія войны.

IV. Венеція и Турція.

1. До появленія турокъ.'

217. Распаде-
ніе римской
имперіи.

Сраженіемъ при Акціумѣ заканчивается исторія римскихъ морскихъ войнъ, имѣющихъ болѣе или менѣе серьезное значеніе; времена римскихъ императоровъ не представляютъ въ этомъ отношеніи почти никакого интереса; большіе флоты, которые содержалъ Августъ, пришли въ упадокъ за немѣнѣеихъ достойнаго противника. Правственная порча повела къ полному внутреннему разложенію имперіи, такъ что императорская власть сдѣлалась игрушкой въ рукахъ преторіанцевъ.

Правственное вліяніе германцевъ, служившихъ въ римскихъ войскахъ, было еще ничтожно вслѣдствіе ихъ малочисленности, и только позднѣе, при Юліанѣ (въ 193 г.), половина всѣхъ высшихъ офицерскихъ должностей была занята германцами.

Во флотѣ, если не считать германскаго флота (*classis germanica*), много германцевъ было въ эскадрахъ Мизенума и Равенны, при чемъ изъ германцевъ состояла и значительная часть младшихъ офицеровъ.

Когда скопища варваровъ, пришедшихъ изъ сѣверной Европы, одно за другимъ, подобно гигантскимъ волнамъ затопили имперію, давно прогнившее и еле державшееся государство легко стало ихъ добычей. Переселеніе народовъ, хотя и влило свѣжую кровь въ жилы выродившагося народа, но послѣдствія этого обновленія не могли обнаружиться въ ближайшее время. Первобытные варвары опрокинули на своемъ пути не только династіи, но уничтожили и дѣльныя государства съ ихъ учрежденіями, разрушили города, въ особенности столицы, и истребили почти всѣ плоды чеповѣческаго генія, съ трудомъ накопленные въ теченіе многихъ

столѣтій, въ видѣ произведеній наукъ и искусствъ. Только немногіе остатки памятниковъ литературы были спасены въ укромныхъ уголкахъ, преимущественно въ греческихъ монастыряхъ, гдѣ они заботливо сохранялись, между тѣмъ, какъ все остальное, неизмѣримо болѣе цѣнное,—погибло; часть этихъ сокровищъ въ теченіе многихъ столѣтій оставалась погребенной подъ развалинами и лишь впоследствии была вновь найдена, какъ, напримѣръ, Геркуландумъ и Помпея или морская побѣдная колонна Дуилия.

Вмѣстѣ съ гибелью старой культуры исчезли и флоты, 218. Причины которые снова возвратились къ младенческимъ временамъ упадка флота. мореплаванія, такъ какъ варвары, наводнившіе Италію и проч. не принадлежали къ числу мореходныхъ народностей сѣвера; морское дѣло можетъ вообще процвѣтать только въ крѣпко организованномъ государствѣ и при постоянной правильной заботѣ о немъ; оно требуетъ высоко развитой техники и значительныхъ расходовъ, и является послѣднимъ и высшимъ созданіемъ культурнаго государства: отсюда происходитъ, что всякое потрясеніе государственнаго механизма вредно отражается на морскомъ дѣлѣ, а сильное потрясеніе можетъ окончательно его погубить. Когда орды варваровъ, которымъ морское дѣло было совершенно чуждо, наводнили Западную Римскую имперію, наступила и окончательная гибель флотовъ.

Восточная Римская имперія держалась гораздо дольше, болѣе чѣмъ на цѣлыхъ тысячу лѣтъ, и пала съ взятіемъ турками Константинополя въ 1453 году, хотя уже за нѣсколько сотъ лѣтъ до этого она совершенно пришла въ упадокъ. Имперія эта тоже содержала флотъ, но о немъ до насъ дошло очень мало свѣдѣній; не представляютъ большого интереса для насъ и операціи византійцевъ на морѣ, а потому мы не будемъ о нихъ распространяться. Однако море по прежнему сохраняетъ свое значеніе, а морская торговля и морское могущество являются факторами, влияние которыхъ остается неизмѣннымъ: поэтому сношенія между отдѣльными государствами, а также между Азіей, Африкой и Европой стали производиться черезъ посредниковъ—финикянъ.

Однако отъ времени до времени для отдѣльныхъ частей римскаго флота находилось дѣло; въ слѣдующихъ главахъ мы опишемъ событія въ Британіи и Германіи. 219. Дѣятельность римскаго флота до 450 года.

Въ царствованіе Траяна, въ 115 году, впервые появились въ Персидскомъ заливѣ и въ Индійскомъ океанѣ римскіе корабли, которые опустошили тамошнее побережье.

Въ правленіе Септима Севера Византія въ теченіе трехъ лѣтъ держалась противъ осады римлянъ (195 г.), пока послѣднимъ, наконецъ, не удалось настолько тѣсно обложить городъ и съ моря, что всякая доставка провіанта была отрѣзана; у византійцевъ пмѣлось наготовѣ до 500 военныхъ судовъ, изъ которыхъ большая часть была снабжена двумя рулями.

Вскорѣ послѣ того, какъ Константинъ сдѣлался самодержцемъ и перенесъ свою резиденцію въ Византію, въ 323 году произошло значительное сраженіе въ Геллеспонтѣ; флотъ Константина, подъ командой Криспа долженъ былъ очистить входъ въ Геллеспонтъ, запертый флотомъ Лицинія подъ командой Абантуса, состоявшимъ изъ 300 кораблей. Флотъ Криспа былъ раздѣленъ на два отряда и атакował нѣсколькими линіями стоявшій при входѣ, въ тѣсно сомкнутомъ строю, флотъ противника.

Первый отрядъ Криспа очень рѣшительно, но съ большими промежутками атакował тѣсно сплоченную линію кораблей Абантуса, таранилъ ихъ, обломать имъ весла и произвелъ между ними большое смятеніе; оставшіяся невредимыми суда вслѣдствіе тѣсноты не могли притти на помощь своимъ товарищамъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ упорнаго боя, въ которомъ принялъ дѣятельное участіе и резервъ Криспа, рѣшившій участь сраженія, Абантусъ, понесшій тяжкія потери, отступилъ и занялъ гавань на Азіатскомъ берегу, между тѣмъ, какъ Криспъ ушелъ въ гавань на европейскомъ берегу.

Попытка Абантуса снова атаковать на другой день непріятеля не удалась; Криспъ не хотѣлъ выходить изъ гавани, такъ какъ замѣтилъ признаки приближавшей сильной бури съ юга; буря дѣйствительно скоро разразилась и причинила Абантусу громадныя потери, составлявшія приблизительно половину его галеръ, всего до 130. Такимъ образомъ Геллеспонтъ оказался въ рукахъ флота Константина.

220. Византій-
скій флотъ.   Теодосій Великій (279—395) пробовалъ обезпечить свое
вліяніе на морѣ тѣмъ, что подъ страхомъ смертной казни
запретилъ учить иностранцевъ искусству кораблестроенія,
вооруженія и снаряженія судовъ, а также мореплаванія.

Вслѣдствіе этого, напр., Берберійскимъ государствамъ въ сѣверной Африкѣ и вестготамъ въ Испаніи было очень затруднено созданіе флота.

Въ 425 году значительный флотъ Θεодосія съ успѣхомъ дѣйствовать вмѣстѣ съ арміей противъ гуннскаго военачальника Элія.

Четыре года спустя, во время похода короля вандаловъ Гензериха изъ Испаніи въ Африку, во всей западной части Средиземнаго моря не было никакого флота, который могъ бы оказать ему сопротивленіе; онъ занялъ не только все сѣверное побережье Африки до Триполли, но захватилъ также и Балеарскіе острова, Сардинію, Корсику и Сицилію и создалъ сильный флотъ.

Противъ Гензериха былъ посланъ въ 467 году спланный флотъ изъ Византіи, который, по преданію, состоялъ изъ 1100 кораблей, съ 100.000 человѣкъ экипажа. Часть этого флота, находившагося подъ главнымъ начальствомъ Базилевса, направилась въ Сицилію, часть въ Сардинію, а третій отрядъ въ Либію, между тѣмъ какъ самъ Базилевсъ съ главными силами высадился недалеко отъ Каррагена. Гензерихъ, желая выиграть время, притворно вступилъ въ переговоры, но какъ только флотъ его изготовился къ бою, онъ ночью пустилъ, при свѣжѣмъ южномъ вѣтрѣ, 75 брандерныхъ судовъ противъ непріятеля и сжегъ значительное число его кораблей. На другое утро онъ искусно воспользовался возникшей вслѣдствіе этого суматохой, атаковать противника и нанесъ ему такое пораженіе, что тому едва удалось съ жалкими остатками своего громаднаго флота уйти въ Сицилію.

Въ 525 году, въ правленіе Юстиніана, въ море вышелъ новый значительный флотъ подъ командой Велизарія, состоявшій изъ 92 военныхъ кораблей и 50 транспортовъ, съ дѣлюю прогнать вандаловъ изъ Африки; однако морскихъ сраженій въ теченіе этой экспедиціи не произошло. Въ 552 году произошла еще одна стычка между 47 готскими кораблями и византійской эскадрой у Анконы, въ Адриатическомъ морѣ. Готы бросились на византійскую боевую линію двумя группами, но безъ всякаго плана и порядка; произошелъ дѣлный рядъ одиночныхъ боевъ, въ результатѣ которыхъ готы, послѣ упорнаго, отчаяннаго сопротивленія,

были совершенно уничтожены испытанными въ бою силами противника.

Въ 550 году гуны сдѣлали попытку переправиться изъ Херсонеса Тракійскаго (Крымъ) на камышевыхъ плоткахъ, но византійскіе военные корабли помѣшали этой попыткѣ.

Византія имѣла до 18 флотскихъ отрядовъ постоянно готовыхъ къ дѣйствию въ разныхъ мѣстахъ побережья.

**221. Основаніе
города въ
лагунахъ.**

Крупныя и малыя рѣки, стремительно падающія съ Альпъ и съ Аппенинъ, какъ напр., По, Эчъ, Брента, Тальяменто и Римини образовали у сѣверо-западнаго побережья Адриатическаго моря, до Триестскаго залива, на протяженіи болѣе ста морскихъ миль громадныя наносы, среди которыхъ создались обширныя лагуны, съ сотнями по большей части очень мелкихъ острововъ. Когда въ 400 году готы подѣ начальствомъ Алариха напали на это побережье (область Венетія), масса обитателей съ материка укрылась въ этихъ мало привлекательныхъ мѣстахъ; возникло нѣсколько поселеній, къ которымъ стали приселяться новые пришельцы, но въ 521 году готы, подѣ начальствомъ Атаульфа снова напали на нихъ.

Около этого времени сенатъ, находившагося по близости города Падуи, постановилъ построить на островѣ Ріальто церковь и устроить городское управленіе; это и было годомъ основанія Венеціи; впрочемъ, это былъ еще не самый городъ, а предмѣстье Гераклея. Въ концѣ пятаго вѣка вновь образовавшееся поселеніе получило новый приливъ поселенцевъ, вслѣдствіе нашествія остготовъ подѣ начальствомъ Теодориха, въ 493 году. Въ это время обитатели этого поселенія, кромѣ рыболовства, вели уже значительную морскую торговлю, а такъ какъ морская торговля нуждается въ постоянной охранѣ, безъ которой она не можетъ существовать (въ данномъ случаѣ охрана была необходима отъ морскихъ разбойниковъ истрійцевъ; Истрія—полуостровъ, на которомъ находится Пола), то обитатели острововъ въ лагунахъ снарядили эскадру и начали первую войну противъ истрійцевъ. Вслѣдствіи они сдѣлались настолько независимыми, что воспретили обитателямъ материка рыбную ловлю и плаваніе въ лагунахъ.

**222. Первая
война Венеціи.**

Въ 533 году, восточно-римскій предводитель по имени Нарзесъ, во время похода въ Италію противъ остготовъ,

находившихся подъ начальствомъ Тотиласа, хотѣтъ переправиться въ Аквилею (недалеко къ западу отъ Триеста, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются лагуны) и въ Равенну, и для этой цѣли нанялъ въ Венеціи суда. Поселенія въ лагунахъ продолжали развиваться, при чемъ на ряду съ мирной ихъ дѣятельностью на поприщѣ морской торговли, шла и военная, направленная на защиту судоходства, такъ какъ постоянныя столкновенія съ истрійцами, иллирійцами и далматинцами, съ древнихъ временъ извѣстными за опасныхъ морскихъ разбойниковъ, никогда не прекращались. Владѣнія этихъ поселеній мало по малу расширялись; такъ въ 735 году они одновременной атакой флота и арміи отняли у Лангобардовъ Равенну, которая въ тѣ времена стояла у моря; это было ихъ первымъ крупнымъ военнымъ дѣломъ.

Въ 800 году маленькое государство—амфибія, которое съ самаго начала пользовалось полною самостоятельностью, было провозглашено независимымъ въ договорѣ, заключенномъ французскимъ королемъ Пипиномъ и восточно-римскимъ императоромъ.

223. Даль-
нѣйшее усиле-
ніе.

Нѣсколько времени спустя между лагуннымъ царствомъ и могущественнымъ Пипиномъ возникли несогласія; Пипинъ захватилъ и разрушилъ два наиболѣе значительныхъ города—Гераклею и Эквину, затѣмъ, завладѣлъ и Маламоккой и началъ наводить мостъ къ Ріальто, являвшемуся послѣднимъ приближищемъ венеціанцевъ, которымъ однако удалось разрушить этотъ мостъ. Тогда Пипинъ собралъ всѣ самыя большіе корабли со всего побережья и атаковалъ Ріальто; однако корабли эти имѣли слишкомъ большую осадку и не могли подойти близко, многіе изъ нихъ вслѣдствіе неумѣлаго управленія сѣли на мель и были сожжены горящими стрѣлами; однимъ словомъ, атака была побѣдоносно отражена.

Мѣстопребываніе венеціанскаго правительства было перенесено на Ріальто, который былъ соединенъ мостами съ шестьюдесятью другими островами; этотъ новый городъ, центръ и столица лагунаго царства, получилъ названіе Венеціа (Venetia), по имени родины ея обитателей, области Венетіи.

224. Госу-
дарство и
городъ Ве-
неціа.

Изъ этого пункта торговля его стала распространяться еще быстрѣе, чѣмъ раньше. Жители города очень вѣрно подмѣчали и заимствовали все хорошее, что видѣли у наро-

*

довъ, съ которыми они входили въ сношенія; такъ напр. они многому научились въ судостроительномъ дѣлѣ отъ грековъ, которые по прежнему оставались лучшими кораблестроителями. Постепенно венеціанцы заняли первое мѣсто на Адриатическомъ морѣ и торговля ихъ распространилась на весь востокъ, такъ какъ Пиза и Амальфи, сдѣлавшіеся впоследствии соперниками Венеціи, еще не достигли своего
225. Появленіе арабовъ на морѣ. полного развитія, а богатая Генуя была занята борьбой съ сарацинами, которые какъ разъ въ это время достигли наибольшаго могущества. Завоевавъ всю сѣверную Африку и наконецъ остановленные Карломъ Мартелломъ, нанесшимъ имъ въ 732 году пораженіе у Тура на Луарѣ, сарацины задумали распространить свое владычество и на Средиземное море. Не имѣя природнаго влеченія къ мореплаванію, они тѣмъ не менѣе построили большой флотъ, основали верфи въ Картагенѣ, Тортозѣ и въ Севильѣ, и сражались на морѣ съ той же необычайной храбростью, какъ и на сушѣ, и такимъ образомъ сдѣлались опаснымъ противникомъ. Въ это время впервые возникло званіе адмирала (повелитель моря, *amir'ul bahr*).

Въ 837 году они, между прочимъ, нанесли полное пораженіе восточно-римскому флоту, къ которому присоединились и 60 венеціанскихъ кораблей, у Кротона (Crotone), въ Южной Италіи и преслѣдовали разбитаго противника до самой Венеціи, такъ что на нѣкоторое время завладѣли всѣмъ Адриатическимъ моремъ. 30 лѣтъ спустя (около 864 года) флотъ ихъ атаковалъ Градо (у Изонцо, западнѣе Триеста); однако, впоследствии они ушли изъ Адриатическаго моря.

Въ правленіе Абдурахмана III, около 950 года, арабскій флотъ стоялъ на высшей ступени своего развитія и обезпечилъ доставку всѣхъ продуктовъ морской торговли въ гавани южной Испаніи, оградивъ эту торговлю отъ морского разбоя.

Позднѣе Венеціи угрожали венгры, которые хотя и не были мореплавателями, но пытались въ 900 году взять городъ съ суши и съ моря; они потерпѣли полное пораженіе отъ венеціанскаго флота.

226. Расцвѣтъ Венеціи около 1000 г. Такимъ образомъ, Венеція посреди борьбы и препятствій продолжала развиваться; наибольшаго развитія она достигла около 1000 года, въ правленіе дожа Орсеоло II (991—1006).

Повидимому уже въ древнѣйшія времена во главѣ общинаго управленія стоялъ выборный предводитель „душъ“ (отсюда—дожь)¹⁾, который, впрочемъ, въ началѣ выбирался только на короткое время; постоянная смѣна дождей вызывала много неудобствъ, вслѣдствіе чего въ 697 году было рѣшено, чтобы дожди выбирались пожизненно. Это тоже не дало благопріятныхъ результатовъ, такъ какъ венеціанцы старались провести въ дожди своихъ родственниковъ, стремились сдѣлать званіе дожа наследственнымъ, или по крайней мѣрѣ постоянно удерживать это званіе среди членовъ одного семейства. Это обстоятельство, въ связи съ самовластіемъ нѣкоторыхъ дождей, давало поводъ къ постояннымъ внутреннимъ раздорамъ и къ частой смѣнѣ дождей, которыхъ тогда безжалостно ослѣпляли, чтобы сдѣлать ихъ безвредными. Мѣстопробываніемъ дождей была сперва Гераклея, а затѣмъ мѣстопробываніе это было перенесено въ Венецію.

Орсоло II, обладавшій широкимъ кругозоромъ, первый повелъ въ обширныхъ размѣрахъ настоящую венеціанскую политику, такую, какая вызывалась интересами торговой республики; онъ покорилъ нарентинцевъ, жестокихъ морскихъ разбойниковъ, которые спльно мѣшали судоходству, завоевалъ всю Далмацію до острова Корфу, посадилъ въ важнѣйшихъ городахъ венеціанскихъ намѣстниковъ (подесты) и такимъ образомъ прочно закрѣпилъ за Венеціей это побережье съ его гаванями и морскими стоянками; кромѣ того, онъ заключилъ цѣлый рядъ торговыхъ договоровъ съ итальянскими государствами, съ восточной римской имперіей, съ Египтомъ и съ Сиріей и договорами этими обезпечилъ за венеціанцами пользованіе особыми гаванями, а иногда и значительныя торговыя преимущества.

Богатство Венеціи стало быстро возрастать, и когда въ 1112 году городъ, состоявшій изъ однѣхъ деревянныхъ построекъ весь выгорѣлъ, то на ихъ мѣстѣ стали воздвигаться тѣ мраморныя дворцы, которыми онъ съ тѣхъ поръ славится.

На блестящее развитіе Венеціи не оказали особеннаго вліянія и неоднократныя возмущенія въ Зарѣ, подавленные съ большими усиліями; не нанесла Венеціи уцѣрба и мор-

227. Дѣянія
дожа
Орсоло II.

228. Даль-
нѣйшая судьба
Венеціи.

¹⁾ Слово дожъ происходитъ отъ латинскаго «dux». Душь слово переносное—другъ, едва ли здѣсь кстати. *Прим. переводч.*

ская война съ норманнами, которые тѣмъ временемъ значительно усилились на Средиземномъ морѣ и основали королевства Сицилію и Апулію; въ 1083 году венеціанцамъ удалось на-голову разбить у Дураццо (Dyrrhachium) нормандскій блокадный флотъ и такимъ образомъ спасти городъ; впрочемъ въ слѣдующемъ году венеціанцы потерпѣли столь же рѣшительное пораженіе отъ новаго норманнскаго флота подъ командой Роберта Гвискара (Guiscard). Начавшіеся вскорѣ послѣ этого крестовые походы особенно способствовали распространенію вліянія Венеціи.

229. Политическая ловность венеціанцевъ. Венеціи пришлось при этомъ вести очень трудную политику, такъ какъ она стояла въ средоточіи противоположныхъ интересовъ другихъ государствъ, и должна была на этой позиціи оберегать свои собственные интересы, которые требовали расширенія ея торговыхъ раіоновъ, обезпеченія гаваней для производства торговли, предоставленія преимуществъ и привилегій, а по возможности и монополій венеціанскимъ купцамъ, и во всякомъ случаѣ удаленія конкурентовъ.

При изгнаніи сарадиновъ, Венеціи пришлось подумать о томъ, чтобы закрѣпить за собой соответствующую часть добычи и принять мѣры, чтобы никакое другое государство не завладѣло вліяніемъ въ восточной части Средиземнаго моря; это послѣднее опасеніе не могло нисколько считаться невѣроятнымъ даже до распада восточной римской имперіи, которая къ тому времени дошла до глубокой степени паденія, такъ какъ императоры относились очень подозрительно къ двигавшимся на востокъ крестоносцамъ, и были вслѣдствіе этого противъ крестовыхъ походовъ. Венеціи приходилось искусно лавировать и, будучи совершенно свободной отъ всякихъ религіозныхъ вліяній или стремленій, она сумѣла выйти изъ этихъ затрудненій; для нея имѣли значеніе только матеріальные интересы—купеческая нажива, какъ у финикянъ и карагенянъ.

230. Постановка Венеціей флота для крестовыхъ походовъ. Для перваго крестоваго похода 1098 года Венеція поставила, за хорошія деньги, большой флотъ, состоявшій изъ 80 галеръ, 55 небольшихъ военныхъ судовъ и 72 транспортовъ, всего 207 судовъ. Къ флоту этому въ Родосской гавани присоединился гораздо меньшій флотъ изъ Пизы, также предназначенный для крестоваго похода; между экипажами этихъ

двухъ флотовъ вслѣдствіе постоянной зависти, возникли ссоры, которыя перешли и въ болѣе высокія сферы, и дали венеціанцамъ желанный предлогъ начать бой съ слабѣйшимъ противникомъ, въ которомъ они захватили у него 20 кораблей и 5.000 человекъ плѣнныхъ.

Послѣ завоеванія Птолемаиды, Венеція закрѣпила за собой, въ награду за оказанную ею помощь, цѣлую часть города въ качествѣ складочнаго мѣста для своей торговли, а также получила право свободно торговать во всемъ Иерусалимскомъ королевствѣ, и собственную юрисдикцію; съ генуэзцами и пизанцами, которые также хотѣли распространять свою торговлю, они жили въ постоянной острой враждѣ.

Во время второго крестоваго похода Венеція заслужила новыя привилегіи тѣмъ, что одержала въ 1123 году полную побѣду надъ крейсировавшимъ у Яффы сарацинскимъ флотомъ; битва была долгая и кровопролитная и рѣшена была абордажнымъ боемъ. Затѣмъ, еще до начала осады Тира венеціанцы выговорили себѣ за свое участіе еще гораздо болѣе значительныя привилегіи, напр., передачу Венеціи цѣлой трети города и области; условія эти были приняты, такъ какъ содѣйствіе флота и морское могущество Венеціи были необходимы для успѣха осады.

231. Дальнѣйшее усиленіе Венеціи на морѣ.

Взятіе, послѣ долгой осады, Тира и Аскалона однако настолько затронуло интересы восточно-римскаго императора, что онъ приказалъ захватить всѣ венеціанскіе корабли; въ отвѣтъ на это дожъ двинулся съ флотомъ въ Архипелагъ, опустошилъ огнемъ и мечомъ всѣ острова, обратилъ жителей въ рабство и т. п.

Приводимъ еще нѣсколько подробностей изъ дальнѣйшей исторіи Венеціи, для характеристики венеціанской политики.

Въ 1143 году Венеція приобрѣла владѣнія на итальянскомъ побережѣ, вслѣдствіе чего произошло столкновение съ Падуей, городомъ откуда происходили венеціанскіе выходцы; тутъ Венеція въ первый разъ была принуждена взять наемныхъ солдатъ; это было прямымъ шагомъ къ гибели, такъ какъ съ этихъ поръ Венеція уже не могла развязаться съ политическими дѣлами на материкѣ, ввязалась въ союзы и въ войны, которые стоили большихъ денегъ, вредили торговлѣ и не приносили никакой пользы. Венеція истощила

232. Переходъ Венеціи на материкъ.

бы правильнѣе, если бы обезпечила себѣ дружбу сосѣдей, которымъ могла сбывать товары.

233. Преобладающее значеніе матеріальныхъ интересовъ.

Въ 1148 году сицилійскій графъ Рожеръ велъ войну противъ восточно-римскаго императора, взялъ Корфу, опустошилъ Грецію, прошелъ Дарданеллы и подступилъ въ Константинополь: тогда императоръ склонилъ на свою сторону обладавшую большими морскими силами Венецію, открывъ для нея бывшія до тѣхъ поръ запретными гавани Крита, Кипра и др.; союзные флоты отобраны назадъ Корфу и причинили страшныя опустошенія въ Сициліи; тогда Рожеръ предоставилъ венеціанцамъ громадныя торговыя преимущества и тѣмъ склонилъ ихъ выйти изъ союза съ императоромъ.

Такое отношеніе къ собственнымъ силамъ, являвшееся насмѣшкой надъ всякими принципами и основанное исключительно на матеріальной выгодѣ, должно было оказать самое развращающее вліяніе на всѣхъ, кто вступалъ въ договоры съ Венеціей, а больше всего на саму Венецію.

Во время четвертаго крестоваго похода Венеція выставила въ 1203 году для крестоносцевъ, за большія деньги, транспортный флотъ; было собрано около 500 судовъ и армія въ 40.000 человекъ: изъ числа этихъ судовъ, 300 новыхъ галеръ было выставлено въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Венеціей. Однако послѣ этого венеціанцы вступили съ крестоносцами въ пререканія и довели дѣло до того, что послѣдніе двинулись не въ Святую землю, а противъ христіанскаго города Зары, стариннаго врага Венеціи, который отъ нея отложился и съ которымъ она одна справиться не могла. Городъ былъ осажденъ, заблокированъ венеціанскимъ флотомъ, дѣль, которой была заперта гавань, разбита и городъ взятъ; это въ свою очередь повело къ ссорамъ. Въ 1204 году Дандоло съ французами взялъ Константинополь.

Заслуживаетъ упоминанія еще слѣдующее событіе.

234. Обрученіе съ моремъ.

Венеціанцы оказали большія услуги папѣ Александру, принявъ его сторону противъ главнаго и смертельнаго его врага, императора Фридриха II. Сынъ императора Оттонъ собралъ противъ Венеціи флотъ изъ 65 нѣмецкихъ кораблей, но былъ разбитъ у Пирано, что избавило папу отъ серьезной опасности. Въ благодарность за это онъ далъ дожу въ 1770 году кольцо (довольно дешевая благодарность) въ знакъ

владычества на морѣ; каждый годъ дожъ долженъ былъ обручаться съ моремъ, какъ съ женой, а море должно было ему покоряться, какъ жена мужу.

Около этого времени произошло измѣненіе въ государственномъ устройствѣ Венеціи, при чемъ у остальныхъ лагунныхъ городовъ было отнято всякое вліяніе; до тѣхъ поръ дожъ пѣбирался непосредственно всѣмъ народомъ въ одномъ собраніи, но тутъ прямое пѣбирательное право было отмѣнено и вмѣсто него были установлены двухъ-и трехъ-степенные выборы, при чемъ городъ былъ раздѣленъ на шесть частей, изъ которыхъ каждая ежегодно выбирала двухъ выборщиковъ; эти двѣнадцать человекъ выбирали изъ всего народа Великій Совѣтъ который состоялъ не менѣе, какъ изъ 476 членовъ и разрѣшалъ всѣ важныя вопросы, вмѣсто народнаго собранія. Такъ какъ такое большое число членовъ не давало возможности часто созывать Великій Совѣтъ, то послѣдній выбиралъ изъ числа своихъ членовъ сенатъ въ составѣ шестидесяти человекъ, мнѣніе которыхъ имѣло рѣшающее значеніе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Для постоянного надзора за дожемъ въ текущихъ дѣлахъ, Великій Совѣтъ выбиралъ еще тайный совѣтъ изъ шести членовъ, при чемъ дожъ во всѣхъ дѣлахъ долженъ былъ опираться на ихъ согласіе. Для того, чтобы окончательно устранить вліяніе народа, выборъ дожа былъ также возложенъ на упомянутыхъ выше двѣнадцать человекъ.

Такимъ образомъ, нѣкоторая доля участія народа въ дѣлахъ управленія была сохранена, но только номинально, такъ какъ все вліяніе оставалось въ рукахъ древнихъ фамилій и собственниковъ. Вышій представитель власти былъ такъ ограниченъ, и находился подъ такимъ надзоромъ, что лишенъ былъ всякой самостоятельности и всякой возможности оказывать, въ порядкѣ закона, какое либо личное вліяніе на ходъ дѣлъ. Вся система была основана на недоуверіи и подозрительности, и хотя давала полную гарантію отъ злоупотребленій властью, за то дѣлала невозможнымъ скольконибудь энергичное веденіе дѣлъ.

Періодъ времени XI—XIII столѣтія былъ благоприятенъ для Венеціи въ томъ отношеніи, что за этотъ періодъ, въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ, свирѣпствовала беспощадная борьба между ея главными соперниками, Генуей и Пизой;

235. Новое государственное устройство.

236. Соперничество съ Генуей.

борьба эта послѣ долгихъ и жестокихъ войнъ, кончилась только въ 1249 году пораженіемъ Пизы.

Послѣ этого началась такая же долгая война между побѣдительницей—Генуей и Венеціей, которая продолжалась 124 года (1257—1381). Война эта началась упорнымъ боемъ у С. Жанъ-д'Акра на Сирійскомъ побережьи, 53 генуэзскихъ кораблей, съ такимъ же числомъ венеціанскихъ; при первой же атакѣ венеціанцы прорвали линію генуэзцевъ, затѣмъ разбили ихъ поодиночкѣ и захватили половину неприятельскихъ галеръ; въ томъ же году, у Трапани, 37 венеціанскихъ галеръ затопили, сожгли и захватили въ плѣнъ 32 генуэзскія галеры, которыя охраняли пути сообщенія между Мальтой и Сициліей.

Война велась однако не только на морѣ, но и въ гаваняхъ прибрежныхъ государствъ Средиземнаго моря, въ особенности въ Константинополѣ, гдѣ между противниками шла жесточайшая конкуренція; это было печальное зрѣлище, но дѣло шло о громадныхъ барышахъ — о посредничествѣ во всей торговлѣ съ Азіей. Въ 1202 году 50 венеціанскихъ галеръ принимали участіе во взятіи Константинополя крестоносцами.

Вскорѣ послѣ этого 38 генуэзскихъ галеръ вошли въ Адриатическое море съ цѣлью уничтожить венеціанскую торговлю; навстрѣчу имъ вышло 9 крупныхъ венеціанскихъ кораблей, которымъ удалось уничтожить всѣхъ своихъ противниковъ; это была поистинѣ блестящая побѣда.

Однако, послѣ 1380 года дѣла Венеціи пошли гораздо хуже, въ особенности, когда генуэзцы подъ начальствомъ Пьетро-Доріа осадили даже Кіуджу; венеціанскій флотъ, какъ разъ во-время возвратившійся съ востока, спасъ Венецію, причемъ Доріа долженъ былъ сдаться на капитуляцію адмиралу Витторо Пизано.

237. Значеніе
Генуи, какъ
морской державы.

Приводимъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія изъ морской исторіи могущественнаго соперника Венеціи—Генуи.

Въ 1147 году генуэзцы отправили въ западную часть Средиземнаго моря большой флотъ съ цѣлью рѣшительно положить конецъ морскимъ разбоямъ мавровъ, что имъ въ значительной мѣрѣ и удалось; въ союзѣ съ испанцами они осадили городъ Алмерію, на югѣ Испаніи, причемъ съ моря его блокировали 63 галеры, а съ суши осаждали 15.000 че-

ловѣкъ сухопутныхъ войскъ; одновременной атакой съ моря и съ суши городъ былъ взятъ союзниками.

Многократные походы противъ Пизы предпринимались всегда съ крупными силами и большею частью оканчивались побѣдой Генуи, напр. въ 1119 г. и позже въ 1180—1185 гг.

Въ 1198 году двѣсти венеціанскихъ галеръ выдержали бой почти съ такимъ же числомъ пизанскихъ судовъ (Пиза въ то время еще обладала такими крупными силами); въ этомъ упорномъ бою, происшедшемъ близости острова Родоса, побѣда осталась за венеціанцами, которые захватили 22 пизанскихъ корабля.

Въ 1284 году между генуэзцами и пизанцами произошло крупное сраженіе недалеко отъ устья Арно, у острова Лелорія. 77-ю галерами генуэзцевъ командовалъ Оберто Доріа, стоявшій съ ними на сѣверной сторонѣ острова между тѣмъ, какъ къ югу отъ него стоялъ, подъ командой Захарія, въ укрытомъ мѣстѣ, резервъ, готовый по первому приказанію ринуться въ бой. Пизанцы, имѣвшіе 86 кораблей подъ командой Морозини, стремительно атаквали Доріа, при чемъ вскорѣ сраженіе обратилось въ рядъ крайне упорныхъ одиночныхъ боевъ, въ которыхъ было много убитыхъ съ обѣихъ сторонъ; послѣ двухъ часовъ кровопролитнѣйшаго рукопашнаго боя, Доріа приказалъ своему резерву вступить въ дѣло, что вынудило противника обратиться въ бѣгство. Въ добычу генуэзцамъ досталось 28 кораблей, съ 7.000 плѣнныхъ; 7 неприятельскихъ кораблей было пушено ко дну.

Въ 1294 года венеціанскій флотъ, состоявшій изъ 95 кораблей и другихъ судовъ, потерпѣлъ у Курзолы, на Далматскомъ берегу полное пораженіе отъ Пизанскаго флота, имѣвшаго на 30 кораблей меньше, чѣмъ венеціанцы; неумѣлое командованіе Дандоло причинило Венеціи потерю 65 потопленныхъ и сожженныхъ кораблей и 18 кораблей, взятыхъ въ плѣнъ съ 7.000 человекъ экипажа (въ числѣ послѣднихъ находился знаменитый путешественникъ Марко Поло); только 12 венеціанскимъ кораблямъ удалось спастись бѣгствомъ.

Вскорѣ въ Генуѣ было образовано особое крупное учрежденіе для завѣдыванія всѣми морскими дѣлами, которому подчинена была и новая морская милиція; численность активнаго флота была опредѣлена въ 120 кораблей.

238. Большой французской флотъ крестоносцевъ въ Египтѣ.

Раньше, чѣмъ снова возвратиться къ Венеціи, необходимо упомянуть еще объ одномъ періодѣ морскихъ войнъ на Средиземномъ морѣ.

Для предпринятаго въ 1248 году французскимъ королемъ Людовикомъ IX шестого крестоваго похода, былъ собранъ большой флотъ который состоялъ изъ:

а) королевскихъ судовъ, для короля Людовика, королевы Маргариты, двухъ братьевъ короля и для большой свиты рыцарей и придворныхъ;

б) большихъ высокортныхъ трехпалубныхъ кораблей (нефы) съ высокой кормой, которые служили главнымъ образомъ для перевозки войскъ, имѣли небольшое число гребцовъ и только двѣ оснащенныхъ мачты;

в) большого числа галеасовъ и галеръ, т. е. собственно боевыхъ судовъ и, наконецъ;

г) множества мелкихъ судовъ для вспомогательной службы и

д) нѣкотораго числа геновскихъ галеръ, которыя присоединились въ пути къ французскому флоту.

Этотъ громадный флотъ вышелъ въ концѣ августа изъ французской гавани, и черезъ четыре недѣли подошелъ къ Кипру, гдѣ были приготовлены шлюпки для высадки. Въ началѣ слѣдующаго года французскій флотъ, состоявшій изъ 1800 кораблей и другихъ судовъ, переправился въ Египетъ, при чемъ на пути корабли были разметаны бурей. Вскорѣ однако Людовикъ IX, снова собравъ свои корабли, двинулся противъ Даміетты, находившейся въ одномъ изъ устьевъ Нила; тамъ стоялъ готовый къ бою египетскій флотъ который встрѣтилъ его метаніемъ камней, горючихъ веществъ и высланными ему навстрѣчу брандерными судами. Крестоносцамъ однако удалось отразить ихъ и вынудить къ отступленію вверхъ по Нилу. Тогда десантный отрядъ былъ высаженъ на берегъ подъ личнымъ предводительствомъ короля и Даміетта была скорѣ взята; въ короткій промежутокъ времени весь Нижній Египетъ былъ занятъ французами.

Голодъ и болѣзни свирѣпствовали среди французскихъ войскъ, самъ король заболѣлъ, и только черезъ нѣсколько лѣтъ возвратился обходными путями назадъ во Францію. Эта экспедиція дала сильный толчокъ развитію морского

дѣла во Франціи, гдѣ стали серьезно заботиться о дальнѣйшемъ усиленіи флота, такъ какъ послѣдующіе Крестовые походы предъявляли въ этомъ отношеніи все новыя требованія.

Эта экспедиція Людовика IX представляетъ особенный интересъ по сравненію съ знаменитымъ египетскимъ походомъ Наполеона въ 1798 году; въ концѣ концовъ экспедиція эта окончилась почти также безрезультатно, какъ и походъ, предпринятый спустя пять съ половиной столѣтій.

По окончаніи этой войны, Венеція достигла вершины **239. Расцвѣтъ Венеціи.** своего могущества. Въ серединѣ XV столѣтія въ ней числилось 200.000 жителей; кромѣ 3.000 различныхъ судовъ, у нея было болѣе 300 крупныхъ купеческихъ кораблей, съ 25.000 экипажа, которые плавали по всему Средиземному морю, а за предѣлами его, ходили во Францію, въ Англію и Фландрію, которая въ тѣ времена была центромъ міровой дѣятельности. Крупная торговля и мореплаваніе находилось всецѣло въ рукахъ дворянства.

Кромѣ венеціанской области, Венеція владѣла восточнымъ берегомъ Адриатическаго моря съ Албаніей, Ионическими островами, Мореей и многими островами Греческаго Архипелага, въ томъ числѣ Негропонтомъ и Критомъ; помимо этого, у нея было множество торговыхъ поселеній на всемъ востокѣ, въ особенности въ Черномъ морѣ. Въ 1489 году къ ея владѣніямъ прибавился еще Кипръ, уступленный Венеціи Екатериной Корнаро.

Постоянный военный флотъ Венеціи въ 1472 году состоялъ изъ 45 галеръ съ 11.000 человѣкъ экипажа; въ военное время флотъ этотъ, въ случаѣ необходимости, могъ быть увеличенъ вчетверо. Въ арсеналѣ работало 16.000 человѣкъ.

Между тѣмъ въ этотъ же періодъ произошли событія, которыя должны были повлечь за собой упадокъ могущественной морской республики; одно изъ этихъ событій носило совершенно мирный характеръ и вліяніе его проявилось только съ теченіемъ времени; это было открытіе морского пути въ Остъ-Индію, вслѣдствіе чего Венеція теряла наиболѣе прибыльную часть своей торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ открытіе громадной новой части свѣта—Америки.

2. Венеція и турки.

240. Выступление турокъ. Другимъ событіемъ было первое военное выступленіе турокъ на морѣ, вліяніе котораго, если судить по теперешнему масштабу, тоже сказалось не скоро.

Уже въ 717 и 718 годахъ на Средиземномъ морѣ появились большіе турецкіе флоты, доходившіе до 800 судовъ, которые подъ начальствомъ Солимана блокировали Константинополь, но вынуждены были отступить съ большимъ урономъ, нанесеннымъ имъ брандерами и греческимъ огнемъ (это была горючая жидкость, плававшая на поверхности воды и состоявшая изъ сѣры, селитры, нефти и смолы, которую можно было погасить только уксусомъ или землей).

Брандеры уже не въ первый разъ встрѣчаются въ исторіи морскихъ войнъ, а при помощи греческаго огня византійцы въ позднѣйшія времена не разъ одерживали крупныя успѣхи надъ русскими морскими отрядами.

Послѣ финикійянъ, грековъ, кареагенянъ, римлянъ, венеціанцевъ и генуэзцевъ, на Средиземномъ морѣ появился новый народъ — турки, которые векорѣ доказали свое могущество; началась упорная борьба на морѣ между востокомъ и западомъ, которая продолжалась много вѣковъ и повлекла за собой самыя разнообразныя послѣдствія и перемѣны. Культура, торговля, судоходство и военное искусство Востока и Запада Европы должны были на берегахъ Средиземнаго моря вступить между собой въ состязаніе за будущее господство.

Турки вышли изъ глубины Азіи, изъ Алтайскихъ горъ, откуда переселились сперва въ сѣверную Персію, а затѣмъ перешли въ Малую Азію и здѣсь, начиная съ конца XIII столѣтія, вступили въ побѣдоносную борьбу съ Византійскою имперіей. Въ серединѣ XIV вѣка они переправились у Галлиполи черезъ Дарданеллы и перешли въ Европу; у Константинополя они потеряли 32 корабля изъ 36-ти, и отъ Родоса они были отражены съ большими потерями. Въ 1352 году флотъ ихъ, состоявшій изъ 42 судовъ, былъ разбитъ 15-ю венеціанскими кораблями у Галлиполи.

Тѣмъ не менѣе, на сухомъ пути, они дошли въ царствованіе Мурада I до самыхъ Балканскихъ горъ; въ 1365 году

Адрианонополь, взятый еще в 1361 году, сдѣлался турецкой столицей и византійскій императоръ въ 1381 году вынужденъ былъ обѣзаться выплачивать туркамъ дань. Въ 1401 году султанъ Баязеть атаковалъ Константинополь съ суши, но взять его не могъ, такъ какъ совершенно не имѣлъ флота. Въ это время побѣдоносное наступленіе монгольскаго князя Тимура (Тамерлана) заставило его возвратиться въ свои владѣнія, въ Персію, Сирію и Малую Азію, и такимъ образомъ гибель Византіи была на нѣкоторое время отсрочена.

Вторая атака Константинополя, произведенная въ 1422 году Мурадѡмъ II, также не имѣла успѣха, такъ какъ городъ былъ очень сильно укрѣпленъ; тогда турки попытались распространить свое владычество въ сторону Германіи и вторглись въ Штейермаркъ и въ Венгрію, гдѣ были отражены Іоганномъ Гуніадомъ.

Впослѣдствіи, Махмудъ II, столь же энергичный, какъ и осторожный полководецъ и выдающійся правитель, снова атаковалъ Константинополь, но уже не съ одной арміей, а и съ многочисленнымъ флотомъ, въ которомъ было будто бы до 400 кораблей (?). Городъ не могъ устоять противъ рѣшительной атаки съ моря и съ суши и палъ въ 1453 году; благодаря своему исключительно благоприятному мѣстоположенію, онъ тогда же былъ сдѣланъ столицей Османской имперіи. Нѣсколько лѣтъ спустя на Дунаѣ, у Бѣлграда были собраны 250 турецкихъ галеръ, которымъ, однако, не только не удалось одержать верхъ надъ непріятелемъ, но наоборотъ, большинство ихъ было уничтожено или взято въ плѣнъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Махмуда II было возстановленіе военной гавани въ Золотомъ Рогѣ, которая была построена еще при императорѣ Юстиніанѣ и совершенно разрушилась за время безтолковаго хозяйничанія византійцевъ. Обезпечивъ такимъ образомъ выстроенному имъ флоту отличную операціонную базу, онъ положилъ начало турецкой силѣ на морѣ, которая до самаго XIX вѣка играла по временамъ выдающуюся роль, и которая насчитываетъ въ своей исторіи не одну славную страницу.

Успѣхамъ Турціи въ значительной степени способствовала острая зависть между Венеціей и Генуей, которые до тѣхъ поръ на востокъ были господами на морѣ. Въ то время, какъ вся Европа и весь христіанскій міръ были повергнуты

241. Взятіе
Константино-
поля.

242. Начало
турецкаго
морского
могущества.

въ ужасъ паденіемъ Византіи и новымъ побѣдоноснымъ наступленіемъ Ислама на Европу, и папа взывалъ къ новому Крестовому походу на мусульманъ, посланники обѣихъ христіанскихъ торговыхъ республикъ Венеціи и Генуи, на перебой другъ передъ другомъ старались угодить султану и заслужить его расположеніе. Султанъ бралъ отъ того и отъ другого все, что можно было взять, но со своей стороны дѣлалъ возможно ничтожныя уступки; впрочемъ, настоящій отвѣтъ его виденъ былъ не въ его словахъ и не въ торговыхъ договорахъ, а въ его дѣйствіяхъ.

Онъ выстроилъ существующіе до настоящаго времени укрѣпленные замки въ Дарданеллахъ (внутренніе) и вооружилъ каждый изъ нихъ 30 орудіями самаго крупнаго калибра, не считая мелкихъ орудій, такъ что съ тѣхъ поръ ни одинъ корабль безъ его разрѣшенія не могъ пройти черезъ Дарданеллы; такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ торговлю съ Мраморнымъ моремъ, Константинополемъ и Чернымъ моремъ своей монополіей, которая при надлежащей организаціи, должна была дать ему громадныя выгоды, такъ какъ въ тѣ времена черезъ Черное море шла торговля не только прибрежныхъ странъ, но и торговля Персіи и всей Средней Азіи.

**243. Дѣйствіи
турецкаго
флота.**

Затѣмъ турецкій флотъ началъ завоевывать острова Архипелага, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежали Венеціи, а другіе имѣли собственныхъ князей; къ 1479 году были завоеваны Аргосъ, Негропонтъ, Лемносъ; около 1500 года—Модонъ, Коронъ. Дольше всѣхъ держался Родосъ, тогдашнее мѣстопробываніе ордена Иоаннитовъ, которые защищались съ величайшимъ упорствомъ; атаки на этотъ островъ происходили въ 1486 и 1506 г.г. и только въ 1522 году, послѣ долгой осады съ моря и съ суши, онъ попалъ въ руки турокъ, подъ начальствомъ Сулеймана II. При этомъ флотъ, какъ и при завоеваніи Греціи, оказалъ громадныя услуги; надо замѣтить, однако, что и офицеры и матросы такъ же, какъ и строители судовъ были не турки, а люди греческаго происхожденія или венеціанцы. Самымъ замѣчательнымъ предводителемъ турокъ на морѣ былъ Хайретдинъ или Барбаросса, греческій ренегатъ родомъ съ Митилены. Вначалѣ онъ былъ морскимъ разбойникомъ, затѣмъ сталъ вести въ крупномъ масштабѣ войну въ собственныхъ интересахъ, и, наконецъ,

поступилъ на службу къ туркамъ, у которыхъ постепенно достигъ званія бекляръ-бека, т. е. главнокомандующаго всеми турецкими морскими силами. Въ 1517 году онъ завоевалъ часть африканскаго берега съ Алжиромъ, и въ качествѣ владѣтеля этой страны сдѣлался вассаломъ Порты; онъ началъ постоянно производить нападенія на побережья Испаніи, Франціи и вообще всей западной части Средиземнаго моря, и неоднократно вступалъ въ удачныя бои съ христіанскими флотами, даже противъ знаменитаго генуэзца Андреа Доріа, который считался первымъ морякомъ своего времени.

Въ 1533 году, когда ожидался большой походъ Карла V противъ Туниса, султанъ Сулейманъ (Селимъ), не находя въ числѣ своихъ приближенныхъ искуснаго предводителя для своего флота, вызвалъ Хайретдина въ Константинополь и назначилъ его бекляръ-бекомъ. Въ качествѣ главнокомандующаго флотомъ онъ повелъ изъ Дарданеллъ войну противъ Карла V, противъ генуэзцевъ и венеціанцевъ, съ большою смѣлостью и большею частью съ успѣхомъ, такъ что сдѣлался грозой всѣхъ прилежащихъ къ Средиземному морю странъ. Въ послѣдній свой походъ онъ вышелъ изъ Константинополя съ флотомъ изъ 110 галеръ и другихъ судовъ, собралъ контрибуцію съ итальянскаго побережья, и вмѣстѣ съ французской эскадрой (Францискъ I состоялъ въ тѣсномъ союзѣ съ турецкимъ султаномъ) захватилъ Ниццу; послѣ этого онъ стоялъ долгое время въ Тулонѣ и умеръ два года спустя въ 1546 году.

Упомянутый выше походъ Карла V въ Тунисъ, въ которомъ участвовало всего до 500 кораблей, окончился удачно; Хайретдину едва удалось бѣжать въ Алжиръ; побѣдителю досталось 100 кораблей и 300 тяжелыхъ орудій. Одинъ изъ кораблей Карла V *Santa Anna*, отличавшійся необыкновенно большими размѣрами, имѣлъ, будто бы, свинцовую броню, которая отлично предохраняла его отъ непріятельскихъ снарядовъ.

Союзъ Франціи, вѣрнѣйшей дщери христіанской церкви съ турками не былъ случайнымъ, но продолжался въ теченіе долгаго времени и именно этому обстоятельству турки были главнымъ образомъ обязаны своими успѣхами на морѣ, такъ какъ они не были бы въ силахъ противостоять всѣмъ соединеннымъ христіанскимъ флотамъ, а кромѣ того военная

244. Союзъ
Франціи съ
Турціей.

гавань Тулонъ въ западной части Средиземнаго моря, конечно, имѣла для нихъ громадную цѣнность въ качествѣ опорнаго пункта. Благодаря этому, завоеванія турокъ распространялись все дальше. Въ 1560 году Андреа Доріа съ большимъ флотомъ былъ неожиданно атакованъ и совершенно разбитъ у острова Джербе, (между Тунисомъ и Триполи, въ Маломъ Сыртѣ, недалеко отъ берега) капуданъ-пашей Піали (хрватскимъ ренегатомъ); спаслось только нѣсколько кораблей, которые вмѣстѣ съ экипажемъ были взяты въ плѣнъ турками при обратномъ завоеваніи острова. Послѣ этого турки оказались полными господами на Средиземномъ морѣ.

245. Турція дѣлается первой морской державой на Средиземномъ морѣ.

Какова была въ тѣ времена безопасность на этомъ морѣ, можно судить по одной жалобѣ, разбиравшейся въ томъ же году въ кортесахъ въ Толедо: въ жалобѣ этой говорилось, что рѣдко какому-либо купеческому судну удавалось уйти отъ разбойниковъ, вслѣдствіе чего морская торговля пришла въ совершенный упадокъ; все испанское побережье отъ Перпиньяно и до португальской границы постоянно находилось подъ такой угрозой пиратовъ, что на разстояніи 15-ти морскихъ миль отъ берега никто не рѣшался строиться и вся полоса земли оставалась необработанной.

Нападеніе, произведенное турками съ большими силами на Мальту, было отражено не флотомъ, а разбилось о необыкновенно храброе сопротивленіе рыцарей—Іоаннитовъ, которые послѣ утраты Родоса, переселились на Мальту со своимъ гротмейстеромъ Жаномъ де Валеттъ (по его имени гавань Мальты названа Ла-Валетта). Фортъ св. Эльма былъ уже захваченъ турками, но овладѣть замками св. Ангела и св. Михаила въ гавани они никакъ не могли, такъ какъ несмотря на всѣ усилія, имъ никакъ не удавалось разбить цѣпь, запиравшую гавань: непріятельскаго флота въ виду не было и турецкій флотъ могъ дѣйствовать съ полной свободой. Въ этомъ дѣлѣ турецкія морскія силы дошли до поворотнаго пункта: такъ далеко на западъ онѣ послѣ этого уже никогда не заходили.

246. Причины войны Турціи и Венеціи.

Огорченный неудачей, Селимъ сталъ искать другого объекта для нападенія и обратилъ взоры на востокъ (что было совершенно непослѣдовательно), гдѣ Кандія и Кипръ находились еще во власти Венеціи. 12 сентября 1569 года внезапно возникшій на верфи въ Венеціи пожаръ уничтожилъ

всѣ постройки, пороховой складъ флота взлетѣлъ на воздухъ и причинилъ громадные разрушенія по всей окрестности; изъ числа галеръ сгорѣло только четыре, но молва говорила, будто бы погибъ весь венеціанскій флотъ. По совѣту своего любимца, еврея Иосифа Мази, султана счелъ удобнымъ воспользоваться этимъ моментомъ и потребовалъ отъ венеціанцевъ уступки острова Кипра.

Венеціанцы вели уже въ теченіе ста лѣтъ съ перерывами вялую войну съ турками, безъ всякой энергіи, при чемъ преслѣдовали только второстепенныя задачи; во главѣ государства стояли крупныя купцы, у которыхъ совершенно не было ни широкихъ взглядовъ на дѣло, ни пониманія того значенія, какое имѣетъ господство на морѣ; поэтому они не умѣли направлять политику сообразно дѣйствительнымъ интересамъ государства, а заботились только о выгодахъ текущаго момента. Никакой устойчивости ни вѣрности, по крайней мѣрѣ въ политикѣ, у нихъ, какъ и раньше, совершенно не было, и они были всегда готовы продать за деньги свою помощь, или за деньги же купить себѣ миръ, хотя бы на самыхъ возмутительныхъ условіяхъ. Въ средствахъ недостатка у нихъ не было, а искусныхъ моряковъ они могли добыть въ любомъ количествѣ на своемъ торговомъ флотѣ или въ своихъ заморскихъ владѣніяхъ, состоявшихъ сплошь изъ острововъ и береговыхъ областей—Далмаціи, Иллиріи и проч. Не могло быть недостатка и въ даровитыхъ предводителяхъ, если бы только имъ была дана возможность выдвинуться.

Венеціанцы, однако, не понимали, что только могущество на морѣ можетъ дѣйствительно обезпечить безопасность торговли и не оцѣнивали надлежащимъ образомъ грозившей имъ со стороны турокъ опасности. вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи отъ природы мало склонны къ военному дѣлу, венеціанцы боялись крупныхъ расходовъ на флотъ, значеніе котораго они не понимали какъ слѣдуетъ. Вслѣдствіе этого, Венеція съ каждой новой войной теряла часть своихъ владѣній на востокѣ; однако предъявленное Селимомъ грубое требованіе объ уступкѣ Кипра Венеція рѣшительно отвергла, вслѣдствіе чего Селимъ, долго не думая, объявилъ ей войну.

Война эта уже давно была подготовлена турками; уже перваго іюля 1570 года капуданъ-паша Піали вышелъ изъ Галлиполи (вблизи Константинополя, гдѣ находились главныя

247. Взятіе
Кипра тур-
нами.

*

верфи турецкаго флота), съ эскадрой изъ 360 судовъ и высадили, безъ всякаго сопротивленія, на южномъ берегу Кипра армію въ 50.000 человекъ пѣхоты а 2.000 кавалеріи, подъ командой Мустафы; венеціанскій флотъ, который долженъ былъ защищать островъ и помѣщать высадкѣ, не показывался. На самомъ островѣ тоже не было, рѣшительно ничего приготовлено для защиты; имѣлся лишь слабый гарнизонъ изъ 2.000 человекъ пѣхоты и 1.000 кавалеріи; гарнизонъ этотъ не могъ, конечно, выступить въ открытомъ полѣ, противъ непріятеля и отступилъ въ укрѣпленные города Левкозію (въ серединѣ острова, недалеко отъ сѣвернаго берега) и въ Фамагусту (на восточномъ берегу). Мустафа осадилъ сперва Левкозію, которая, послѣ упорнаго сопротивленія, за недостаткомъ провіанта и вслѣдствіе слабости гарнизона, 9 сентября пала; при этомъ было убито 2.000 человекъ.

Вслѣдъ за тѣмъ началась осада Фамагусты; она продолжалась болѣе десяти мѣсяцевъ, но въ теченіе зимы велась довольно вяло, такъ какъ флотъ ушелъ домой; тѣмъ временемъ подошелъ и венеціанскій флотъ изъ 12-ти галеръ съ поддержаніями и запасами. Весной, однако, когда возвратился турецкій флотъ и заблокировалъ городъ, начались серьезныя атаки. Венеціанскій флотъ не показывался; послѣ шести отбитыхъ штурмовъ, боевые припасы у венеціанцевъ истощились, и храбрый комендантъ города Брагадино не считалъ возможнымъ долѣе защищать городъ, который и сдался на капитуляцію 1 августа 1571 года, при чемъ гарнизонъ и жители получили право свободнаго выхода изъ города со всею имуществомъ. Однако турки предательски нарушили капитуляцію и жестоко умертвили Брагадино, которому отрѣзали носъ и уши, а затѣмъ привязали къ столбу и съ живого содрали кожу, изъ которой сдѣлали чучело и отослали въ Константинополь.

248. Союзы
противъ ту-
рокъ.

Такимъ образомъ Венеція бросила на произволъ судьбы островъ Кипръ и его храбрый гарнизонъ, не сдѣлавъ даже попытки спасти его. Папа Пій V, горячій ревнитель вѣры, при самомъ началѣ войны настоятельно увѣщевалъ католическія державы оказать помощь Кипру, но король Максъ II, былъ занятъ отраженіемъ турокъ въ Венгріи и Австріи, а Франція продолжала по прежнему состоять въ тѣсной дружбѣ съ султаномъ. Зато Филиппъ II, могущественный король

Испаниі, Сициліи и Неаполя, состоявшій въ союзѣ съ Генуей, тотчасъ же, еще въ маѣ 1570 года, изъявилъ согласіе подать помощь Кипру.

Эскадра Филиппа, подъ командой Андреа Доріа, венеціанская эскадра и эскадра, присланная папой, который специально для этого случая приказалъ выстроить или добыть 12 галеръ, соединились на островѣ Корфу, но, какъ часто бываетъ при коалиціяхъ, между предводителями возникли разногласія; притомъ венеціанскіе корабли были плохо вооружены, имѣли плохой экипажъ, да кромѣ того, никто не дозвѣрялъ венеціанцамъ, которые и въ самомъ дѣлѣ втайнѣ вели съ султаномъ переговоры о мирѣ. Вслѣдствіе всего этого большой флотъ союзниковъ дошелъ только до Крита, и здѣсь, ничего не сдѣлавъ, снова раздѣлился и каждая эскадра ушла назадъ, къ себѣ домой.

Въ началѣ лѣта слѣдующаго года, 25 мая 1571 года, наконецъ былъ заключенъ въ Римѣ формальный союзъ между папой Піемъ V, Филиппомъ II и Венеціей, о которомъ переговоры начались еще 15 мѣсяцевъ тому назадъ. Союзники обязались выставить флотъ изъ 200 галеръ и 100 транспортныхъ судовъ и армію изъ 50.000 человекъ пѣхоты (испанскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ наемниковъ) и 4.500 кавалеріи съ соответствующей артиллеріей; войну предполагалось вести не только противъ султана, но и противъ его вассальныхъ государствъ Алжира, Туниса и Триполи. Главнокомандующимъ былъ назначенъ Донъ-Жуанъ Австрійскій.

Донъ-Жуанъ обезсмертилъ свое имя этимъ походомъ, и такъ какъ жилахъ его, по крайней мѣрѣ съ материнской стороны, текла нѣмецкая кровь, то мы считаемъ умѣстнымъ привести его краткую біографію.

249. Юность
донъ-Жуана
Австрійскаго.

24 февраля 1545 года у незамужней дочери бюргера города Регенсбурга, по имени Варвары Бломбергъ, секретно родился сынъ, котораго императоръ Карлъ V считалъ своимъ; во всякомъ случаѣ въ наружности мальчика наблюдалось много нѣмецкаго: у него были голубые глаза, бѣлокурые волосы и по характеру онъ совершенно не походилъ на своего подозрительнаго, замкнутаго испанца-отца. Ребенокъ вскорѣ былъ взятъ отъ матери, которую выдали замужъ за знатнаго придворнаго, и переданъ благородному испанцу дону Квіадо,

который до 5 лѣтъ держалъ ребенка въ Германіи; затѣмъ онъ былъ отвезенъ подъ большимъ секретомъ въ Испанію, въ одну деревню, находившуюся между Мадридомъ и Толедо, и отданъ на воспитаніе одному бывшему придворному музыканту. Мальчикъ росъ съ деревенскими дѣтьми, почти безъ всякаго ученія, но когда ему исполнилось 9 лѣтъ, Карлъ V приказалъ дону Квіадо взять его въ свой замокъ, гдѣ онъ получилъ хорошее воспитаніе; учился онъ, впрочемъ, съ трудомъ, зато страстно увлекался всѣми рыцарскими упражненіями.

Три года спустя, когда Карлъ V удалился въ монастырь въ Эстремадуру, онъ назначилъ къ себѣ гофмейстеромъ дона Квіадо, чтобы имѣть около себя пажомъ донъ-Жуана, къ которому онъ питалъ нѣжную любовь; однако, императоръ до такой степени застылъ въ формахъ мертваго этикета и въ постоянныхъ интригахъ своей долгой жизни, что никогда не сказалъ Жуану ни одного ласковаго слова и ни однимъ намекомъ не далъ ему понять о существующемъ между ними родствѣ.

Только послѣ смерти Карла V (21-го сентября 1558 г.) съ тайны этой, составлявшей предметъ постоянныхъ пересудовъ при дворѣ, былъ, наконецъ, снятъ покровъ, при чемъ была устроена нѣкоторая комедія, заключавшаяся въ томъ, что 14-лѣтній донъ-Жуанъ встрѣтился съ королемъ на охотѣ въ лѣсу близъ Вальядолида; Филиппъ призналъ его за своего своднаго брата, принадлежащаго къ австрійскому дому, далъ ему рангъ, непосредственно слѣдующій за его сверстникомъ кронъ-принцемъ, несчастнымъ донъ-Карлосомъ, и далъ ему имя „Австрійскаго“.

Оба юноши впослѣдствіи были отправлены въ университетъ въ Алкалу, при чемъ король желалъ, чтобы донъ-Жуанъ принялъ духовное званіе, что, однако, совершенно не соответствовало его веселому, живому характеру. Въ 1565 году, когда турки стали сильно тѣснить Мальту, Филиппъ, по просьбѣ гротмейстера ордена, приказалъ снарядить эскадру, и донъ-Жуанъ, хотѣвшій во что бы то ни стало попасть на нее, тайно скрылся изъ дома и верхомъ проѣхалъ половину Испаніи до Барселоны, чтобы тамъ сѣсть на корабль; однако, на берегу его засталъ королевскій приказъ возвратиться обратно, что онъ и исполнилъ.

Три года спустя, въ январѣ 1568 года, не имѣя еще 23 лѣтъ отъ роду, онъ получили званіе *Capitan general de la mar*; въ этомъ званіи онъ сдѣлалъ небольшой, но успѣшнѣйшій походъ въ испанскихъ водахъ противъ берберійцевъ. Въ слѣдующемъ году ему было поручено подавленіе большого возстанія мавровъ въ Гренадѣ, что онъ и исполнилъ къ концу 1570 года, проявивъ при этомъ необходимую строгость по отношенію къ собственнымъ разнузданнымъ войскамъ и возможную мягкость къ возставшимъ. Полгода спустя донъ-Жуанъ 26-ти лѣтъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзнаго флота.

Онъ съ горячей энергіей занялся снаряженіемъ и отправкой испанской эскадры, но съ одной стороны къ нему былъ приставленъ старый осторожный совѣтчикъ, а съ другой—ему было приказано сперва отвезти изъ Барселоны въ Геную двухъ австрійскихъ эрцгерцоговъ. Наконецъ, 24-го августа онъ прибылъ на сборный пунктъ флота, въ Мессину; флотъ былъ очень внушительный; эскадра, непосредственно подчиненная донъ-Жуану, состояла изъ 77 испанскихъ, 6 мальтійскихъ и 3 савойскихъ галеръ, изъ 106 галеръ и 6 галеасовъ изъ Венеціи, подъ командой генераль-капитана Себастіана Веніеро, и, наконецъ, изъ 12 папскихъ галеръ, подъ командой Марка Антонія Колонна; всего такимъ образомъ въ боевую линію могло быть выставлено 210 кораблей, съ экипажемъ около 80 000 чело-вѣкъ. Кромѣ того, было еще 70 болѣе мелкихъ судовъ и 24 транспорта.

Что касается матеріальной части тогдашнихъ военныхъ флотовъ, то на Средиземномъ морѣ средствомъ передвиженія, какъ и въ древности, оставались весла, а двигательной силой—мускульная сила чело-вѣка, но въ способѣ употребленія весель была большая разница. Несмотря на все, что было сказано выше, трирема остается для насъ до сихъ поръ неразрѣшимой загадкой, а еще больше—пентера кареагенягъ, октера и декатера Антонія, не говоря уже о тессераконтерѣ Птоломея; можно повидимому съ несомнѣнностью утверждать только то, что на всѣхъ этихъ судахъ было по нѣсколько, или во всякомъ случаѣ болѣе одного яруса или ряда весель, и что у пентеры борта были выше, чѣмъ у триремы, а у декатеры—выше чѣмъ у пентеры.

250. Первое военное выступленіе донъ-Жуана.

251. Назначеніе главнокомандующимъ; сила флота.

252. Галеры Средиземнаго моря.

Въ Средніе вѣка мы встрѣчаемъ, наоборотъ, только низкорботныя суда съ однимъ лишь рядомъ весель, т. е. древнюю триаконтеру (30-ти весельное судно) и пентаконтеру (50-ти весельное судно), которыя употреблялись въ качествѣ боевыхъ линейныхъ кораблей только въ древнѣйшія времена, до Поликрата, и уже во времена персидскихъ войнъ служили лишь въ качествѣ посыльныхъ судовъ. Такіе 30—50-ти весельныя суда, галеры, насколько можно судить по крайне недостаточнымъ свѣдѣніямъ о морскомъ дѣлѣ, въ Средніе вѣка играли роль линейныхъ кораблей.

Эти галеры съ теченіемъ времени тоже измѣнялись. Въ XIV вѣкѣ они имѣли около 37 метровъ длины и около 200 человѣкъ экипажа, изъ которыхъ 160—170 гребцовъ, по три человѣка на весло. Впослѣдствіи галера стала строиться большихъ размѣровъ, при чемъ надо предполагать, что поводомъ къ такому увеличенію послужило введеніе пушекъ, которыя съ конца XIV вѣка стали устанавливаться и на судахъ. Ниже приводятся цифровыя данныя, которыя относятся приблизительно ко времени сраженія у Лепанто.

Галера была легкое, узкое, быстроходное судно, около 47 метровъ длины (по свѣдѣніямъ Жюрье де ля Гравьеръ (Julien de la Gravière)—48,6 метра) отъ штевня до штевня, около 6 метровъ (5,85 м.) ширины и $2\frac{1}{2}$ метра глубины внутри; такимъ образомъ отношеніе длины къ ширинѣ=1:8; осадка была немногимъ болѣе метра.

Древній таранъ у галеры выродился въ длинный въ 6—7 метровъ выступъ, который, пожалуй, лучше назвать „клювомъ“, такъ какъ онъ былъ устроенъ не подъ ватерлиніей и не на ней, а выше ея. Этотъ „клювъ“ не годился для таранія, такъ какъ при его помощи можно было нанести ударъ только въ бортъ корабля, выше поверхности воды, или, при практиковавшемся въ тѣ времена насакиваніи одного корабля на другой, носъ противъ носа,—можно было обломать этимъ клювомъ нѣсколько весель или вывести изъ строя нѣсколько гребцовъ; поэтому пользоваться тараномъ совершенно перестали, несмотря на то, что въ другихъ отношеніяхъ тактика боя измѣнилась весьма мало. Кормовая часть галеръ поднималась выше штевня; общая длина отъ конца „клюва“ до кормы доходила до 55 метровъ.

Число веселъ было по 25—23 на каждой сторонѣ; длина ихъ доходила до 12 метровъ (11,8 м.) и болѣе; на большихъ галерахъ, адмиральскихъ, она доходила до 15 метровъ; для дѣйствія такимъ весломъ одного ченовѣка было недостаточно, почему на каждомъ веслѣ работало до пяти ченовѣкъ, при чемъ крайніе гребцы у внутренняго конца весла уже не имѣли возможности сидѣть, а должны были ходить или бѣгать взадъ и впередъ. Для дѣйствія веслами служили рукоятки вродѣ перъ на реяхъ. На большихъ галерахъ было до 250 гребцовъ.

253. Экипажъ галеръ.

Гребцами были рабы или военноплѣнные, съ которыми обращались какъ съ рабами; позднѣе для этой цѣли употреблялись главнымъ образомъ преступники, для чего въ законъ введено было наказаніе—сылка на галеры. Чтобы обезпечить нужное число гребцовъ судьямъ было предписано сылать на галеры возможно большее число преступниковъ; убійцы приговаривались къ пожизненной работѣ на галерахъ, а для меньшихъ преступленій и проступковъ, срокъ соответственно сокращался; въ крайнихъ случаяхъ экипажи набирались принудительной вербовкой.

Во Франціи, откуда до насъ дошла большая часть свѣдѣній, во время гоненій на гугенотовъ, послѣдніе также приговаривались къ сылкѣ на галеры. Это наказаніе дѣйствительно было самымъ тяжелымъ, какое можно себѣ представить и, по сравненію съ нимъ, наши современные смиреннѣе дома являются дѣтской игрой, такъ какъ галерные рабы должны были вести ужасающій образъ жизни. Они всѣ были прикованы цѣпями къ гребнымъ скамьямъ и оставались такъ днемъ и ночью подѣ открытымъ небомъ, безъ всякой защиты отъ непогоды, въ грязи и паразитахъ, во все время, пока галера находилась внѣ гавани. Въ прежнія времена они были совершенно голыми, а съ XVI столѣтія начали получать простѣйшую одежду, состоявшую изъ полотняной рубашки и штановъ для лѣта; зимой имъ давались шерстяные штаны и плащъ, а при очень сильныхъ холодахъ еще шерстяное одѣяло и, кромѣ того, красный колпакъ. Пища ихъ состояла изъ хлѣба (30 унцій) и похлебки изъ бобовъ; при этомъ отъ нихъ требовалась страшно напряженная работа, до 10 и даже до 20 часовъ на веслахъ. Кѣто гребъ недостаточно сильно, того били плетью, для чего на носу,

въ серединѣ судна и на кормѣ стояло по два—три комита (comitu). Если съ кѣмъ нибудь изъ нихъ отъ голода, усталости или боли дѣлалось дурно, его безъ дальнихъ разговоровъ бросали, какъ мертвого, за бортъ; при попыткѣ вырваться на свободу, или оказать сопротивленіе, особыя часовые, специально приставленные для того, тотчасъ же пристрѣливали или зарубали ихъ.

Рангоуть галеры состоялъ изъ двухъ мачтъ, выдвинутыхъ далеко въ переднюю часть судна, съ латинскими парусами; для управленія служили, какъ и въ настоящее время, руль.

254. Вооруженіе галеръ.

Вооруженіе галеры состояло изъ 3—5 орудій на носу, при чемъ въ серединѣ стояло 36-фунтовое, затѣмъ два 8-фунтовыхъ и два 4-фунтовыхъ; кромѣ того были еще камни для бросанія на небольшія разстоянія камней, вѣсомъ въ 30—80 фунтовъ. Артиллерія въ тѣ времена была еще очень мало усовершенствована, и существенное улучшение ея началось только со второй половины XVI столѣтія; поэтому во время сраженія, какъ при атакѣ, такъ и при оборонѣ, главная роль принадлежала солдатамъ, входившимъ въ составъ экипажа; во времена битвы при Лепанто въ вооруженіе солдатъ уже начало вводиться огнестрѣльное оружіе; оружіе это было очень несовершенное, тяжелое и дѣйствовать имъ было очень затруднительно, вслѣдствіе чего стрѣльба происходила очень медленно, при чемъ и мѣткость была совершенно ничтожна; тѣмъ не менѣе, на близкихъ дистанціяхъ оно было чрезвычайно дѣнно. Лукъ и самострѣль еще находились во всеобщемъ употребленіи.

255. Тактика галеръ.

При ничтожной дѣйствительности метательнаго оружія, флоты должны были во время сраженія подступать вплотную другъ къ другу, вслѣдствіе чего, и за упраздненіемъ тарана, исходъ сраженія рѣшался большею частью абордажнымъ боемъ. „Клювъ“, имѣвшій 6—7 метровъ длины, служилъ абордажнымъ мостомъ. Поэтому, численность, вооруженіе и храбрость солдатъ имѣли громадное значеніе. Маленькія галеры XIV вѣка имѣли только 10—15 человекъ экипажа, но въ XVI вѣкѣ экипажъ состоялъ уже изъ 100 и болѣе человекъ, къ которымъ впоследствии прибавились еще матросы. Въ общемъ, экипажъ большихъ галеръ доходилъ до 400 человекъ, изъ которыхъ было 250 гребцовъ и 100—

120 солдатъ (въ томъ числѣ артиллеристы); остальное были матросы и офицеры.

Приемы боя гребныхъ судовъ, еще въ концѣ XVI вѣка, несмотря на то, что со времени введенія артиллеріи на судахъ прошло уже 200 лѣтъ, продолжали оставаться совершенно примитивными и стояли даже ниже, чѣмъ у аѳинскаго флота во время его процвѣтанія двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, такъ какъ тактика дѣйствія тараномъ давала въ тѣ времена случай пользоваться быстротой и поворотливостью кораблей и прибѣгать къ различнымъ тактическимъ эволюціямъ.

Срокъ для постройки галеры во Франціи, около 1700 года, считался въ три мѣсяца; стоимость галеры, вмѣстѣ съ вооруженіемъ, исчислялась въ 54.000 франковъ.

Длинные, низкія, мелкосидящія и легкія галеры понятно отличались очень ограниченными морскими качествами; онѣ не могли и противостоять свѣжей погодѣ даже въ Средиземномъ морѣ; поэтому плаваніе требовало большой осторожности, и оставаться на ночь въ морѣ считалось очень нежелательнымъ; если этого нельзя было избѣжать, то суда ложились въ дрейфъ, при чемъ носъ по возможности облегчался переносомъ всѣхъ тяжестей на корму, вообще же старались ограничиваться небольшими дневными переходами; такимъ образомъ и въ стратегическомъ смыслѣ кругъ дѣйствія галеръ былъ очень малъ, гораздо меньше, чѣмъ у аѳинскихъ триремъ.

256. Примѣненіе галеръ.

Галеасы относятся не къ Среднимъ вѣкамъ и появились лишь въ серединѣ XVI вѣка, когда артиллерія начала приобретать преобладающее значеніе. Первый галеасъ былъ построенъ венеціанцемъ, и потому въ 1571 году такія суда, въ числѣ не болѣе шести, были только у венеціанцевъ. Увеличить численность артиллеріи на легкихъ галерахъ или установить на нихъ орудія болѣе тяжелыхъ калибровъ было невозможно, а потому начали строить, сохранивъ насколько было возможно прежній чертежъ, болѣе длинные, широкіе и высокіе, а вслѣдствіе того и гораздо болѣе тяжелые корабли (въ 800—1000 тоннъ) съ высокимъ бакомъ и шканцами и съ бойницами для стрѣльбы изъ аркебузовъ. Длина ихъ была до 57 метровъ, отношеніе длины къ ширинѣ 6:1. Понятно, что галеасы были гораздо неповоротливѣе и дви-

257. Галеасы.

гались большею частью подъ парусами и только въ бою на вестахъ. Веса, числомъ 30—50, были длиной въ 16 метровъ и на каждомъ изъ нихъ работало по 5—8 человекъ, такъ что число гребцовъ доходило до 400, кромѣ которыхъ на кораблѣ было еще 200—300 матросовъ и солдатъ.

Рангоутъ состоялъ изъ трехъ мачтъ съ латинскими парусами; для управленія, кромѣ постояннаго руля, служило еще по одному рулевому веслу съ каждой стороны, какъ у триремъ и т. п. въ древности; они были очень вадки и очень кренились въ галфвиндъ, но тѣмъ не менѣе, ходили подъ парусами гораздо лучше, чѣмъ галеры.

Вооруженіе было распредѣлено на носу и на кормѣ, при чемъ носъ былъ вооруженъ сильнѣе; самое сильное орудіе, 50—80 фунтовое, стояло на носу, по срединѣ; орудіе откатывалось до самой фокъ-мачты, для чего по срединѣ корабля былъ оставленъ свободный проходъ. Въ позднѣйшія времена на галеасахъ ставилось до 10 тяжелыхъ носовыхъ орудій, въ двухъ ярусахъ, и 8 кормовыхъ; кромѣ того, по бортамъ, даже между гребцами, устанавливалось множество легкихъ пушекъ, такъ что общее число орудій доходило до 72-хъ. Уже во времена Лепантскаго сраженія, артиллерійское вооруженіе галеасовъ настолько превосходило вооруженіе галеръ, что командиръ cadaго галеаса обязывался вести бой съ пятью галерами. Флагманскій корабль эскадры галеасовъ при Лепанто *San Lorenzo* имѣлъ 50 орудій, изъ которыхъ было четыре 60-фунтовыхъ, восемь 30-фунтовыхъ, шесть 18-фунтовыхъ, шесть 9-фунтовыхъ, десять 6-фунтовыхъ и пятнадцать мелкихъ орудій. Вѣсъ снарядовъ для однократнаго заряжанія всѣхъ орудій одного борта, т. е. такъ называемый вѣсъ залпа съ одного борта, равнялся 370 фунтовъ. Самое крупное судно андалузской эскадры могло дать залпъ съ одного борта вѣсомъ нѣсколько менѣе 200 фунтовъ.

Экипажъ *San Lorenzo* состоялъ почти изъ 700 человекъ: 130 матросовъ, 260 солдатъ и около 300 гребцовъ.

Такимъ образомъ, галеасъ является переходной ступенью къ испанскому парусному судну того времени, галіону, неповоротливому кораблю съ высоко поднятымъ носомъ и кормой у котораго орудія по прежнему еще были установлены другъ надъ другомъ, преимущественно на носу и

на кормѣ, между тѣмъ, какъ на бортахъ стояло только очень небольшое число орудій; такая установка артиллерія доказываетъ, что на этихъ судахъ продолжали упорно держаться того устройства, которое было вызвано совершенно другими причинами (веслами *Red.*), а вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуеетъ о недостаткѣ пониманія морского дѣла и объ отсутствіи технической сноровки и изобрѣтательности. Человѣческая душа вообще въ тѣ времена, а въ особенности въ Испаніи, была заключена въ очень тѣсныя рамки (испанскіе башмаки).

Донъ-Жуанъ Австрійскій съ испанской эскадрой прибылъ наконецъ 24 августа въ Мессину, гдѣ Веніеро и Колонна давно его ожидали. Вскорѣ отношенія между честолюбивымъ и вспыльчивымъ главнокомандующимъ, опытъ котораго въ морскомъ дѣлѣ былъ еще очень невеликъ, и начальниками его эскадры сдѣлались очень недружелюбными, въ особенности отношенія между нимъ и престарѣлымъ Веніеро; между испанцами и венеціанцами издавна существовала взаимная зависть, между тѣмъ венеціанцы нуждались въ помощи, а вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣли очень недружелюбно на появленіе значительныхъ чужеземныхъ морскихъ силъ въ восточной части Средиземнаго моря; съ другой стороны, совѣтники донъ-Жуана были исполнены недовѣрія къ венеціанцамъ, вслѣдствіе ихъ ненадежности вообще въ политическихъ дѣлахъ. Къ тому же венеціанскіе корабли были недостаточно снабжены солдатами и матросами, а когда донъ-Жуанъ приказалъ назначить 4.000 испанскихъ и неаполитанскихъ солдатъ на венеціанскіе корабли, имѣя при этомъ, можетъ быть, въ виду гарантировать точное исполненіе своихъ приказаній венеціанскими кораблями,—то это возбудило величайшее неудовольствіе и подало поводъ къ рѣзкимъ ссорамъ и даже кровопролитію, и къ серьезнымъ разногласіямъ между начальниками.

Все это вызывало проволочки въ ходѣ дѣла; кромѣ того, за каждымъ шагомъ донъ-Жуана стали слѣдить и обо всемъ тайно доносить королю, что, конечно, отрицательно вліяло на его горячее отношеніе къ дѣлу; Филиппъ II давалъ донъ-Жуану мелочныя, связывавшія его инструкціи, часто выражалъ ему свое неудовольствіе и требовалъ, чтобы онъ дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ начальниками своихъ

258. Плохія
отношенія въ
союзномъ
флотѣ.

259. Ограни-
ченіе полно-
мочій главно-
командую-
щаго.

эскадръ; такія ограниченія власти главнокомандующаго нельзя не считать ошибочными; въ особенноти необходимо довѣріе къ главнокомандующему въ тѣхъ случаяхъ, когда флотъ состоитъ изъ кораблей различныхъ націй; впрочемъ Филиппъ вообще не отличался довѣрчивостью и на всѣхъ смотрѣлъ подозрительно.

260. Походъ флота. Вслѣдствіе всего этого флотъ вышелъ изъ Мессины только 16 сентября, въ составѣ четырехъ эскадръ, каждая по 30—64 галеръ. Флотъ двинулся небольшими дневными переходами черезъ Тарентъ въ Корфу, гдѣ часть его осталась, между тѣмъ, какъ донъ-Жуанъ съ остальными кораблями 30 сентября сталъ на якорь на другой сторонѣ пролива, у береговъ Эпира, въ защищенной бухтѣ Гоменицѣ (см. табл. IX).

261. Сраженіе у Лепанто 7 октября 1571 года. Высланная на развѣдки галера принесла сюда извѣстіе о паденіи Фамагусты и объ ужасной участи города и его коменданта Брагадино, которое привело всѣхъ въ негодованіе. Отсюда флотъ отправился въ Коринескій заливъ; 7 октября утромъ, въ то время какъ флотъ обходилъ высокій (1400') островъ Оксію, на востокѣ показался турецкій флотъ, и здѣсь, у западнаго угла Этоліи, при входѣ въ Коринескій заливъ, разыгралось сраженіе, получившее названіе отъ города Лепанто, находившагося въ 30 морскихъ миляхъ оттуда; это было самое кровопролитное сраженіе изъ всѣхъ происходившихъ съ самаго начала нашего лѣтосчисленія. Погода была хорошая, ясная, дулъ легкій вѣтеръ, утромъ на востокъ, а затѣмъ, съ 10-ти часовъ—на западъ; морской бризъ былъ незначителенъ.

262. Сила и позиція христіанскаго флота. Флотъ союзниковъ состоялъ изъ 205 кораблей, въ томъ числѣ изъ шести венеціанскихъ галеасовъ; на судахъ было 20.000 солдатъ, не считая матросовъ и гребцовъ, такъ что общая численность экипажей доходила вѣроятно до 80.000 человекъ. Весь флотъ былъ выстроень развернутымъ фронтомъ въ длинную линію, при чемъ фланги нѣсколько выдавались впередъ; лѣвымъ флангомъ, примыкавшимъ къ отмелямъ у берега и состоявшимъ изъ 63 галеръ, командовалъ венеціанецъ Барбариго; правымъ флангомъ, выдававшимся въ открытое море и состоявшимъ изъ 64 галеръ, командовалъ генуэзецъ Доріа. Донъ-Жуанъ съ 37 кораблями стоялъ въ центрѣ и имѣлъ при себѣ венеціанцевъ Веніера и Ко-

лонну, съ ихъ крупными флагманскими кораблями (см. табл. X, I, II, III).

Такое построение соответствовало обычному боевому порядку, но въ него были введены двѣ особенности:

1) шесть венеціанскихъ галеасовъ, подъ командой Дуодо (Duodo) были выдвинуты впередъ передъ центромъ, съ цѣлью использовать ихъ сильное артиллерійское вооружение при самомъ приближеніи непріятеля,

2) позади центра, въ видѣ резерва, были поставлены 35 галеръ подъ командой испанца Санта Крузъ (Santa Cruz).

Такимъ образомъ, вопреки общепринятому порядку, центръ былъ очень усиленъ и состоялъ изъ трехъ линій (смотри табл. X, IV и II в.).

Турецкій флотъ, подъ командой капуданъ-паши Али наступалъ въ обычномъ строю, полукружіемъ. Силу его опредѣляютъ очень различно; вѣроятно, онъ былъ нѣсколько многочисленнѣе флота союзниковъ, приблизительно 220—230 кораблей; большею частью это были галеры, на которыхъ экипажъ былъ въ недостаточномъ числѣ. Али вытребовалъ изъ ближайшихъ крѣпостей гарнизоны и посадилъ ихъ на суда, но тѣмъ не менѣе экипажи эти оставляли желать многого и, въ смыслѣ обученія, уступали экипажамъ союзнымъ судовъ, хотя по численности можетъ быть нѣсколько превышали ихъ. У людей не было огнестрѣльнаго оружія, а только луки и самострѣлы; огнестрѣльнаго оружія совѣтовали не брать, какъ не достигающаго цѣли.

263. Турецкій флотъ.

Правымъ крыломъ командовалъ Магомедъ Силоко (Mahomet Siloco) папа Александрійскій; лѣвымъ — Улугъ-Али (Uluch-Ali) пталъянскій ренегатъ, который прославился своими разбойничьими подвигами; центромъ командовалъ самъ Али. Оба турецкіе фланга выдавались за непріятельскіе (см. табл. X, 1, 2, 3).

Атака произошла въ полдень. Огонь шести венеціанскихъ галеасовъ оказался настолько дѣйствительнымъ, что двѣ непріятельскія галеры были потоплены и еще нѣсколько повреждено. Менѣе успѣшны были дѣйствія союзниковъ, когда произошло столкновение фланговъ.

264. Начало сраженія.

На правомъ турецкомъ флангѣ крайніе корабли, по указаніямъ знающихъ мѣстность людей, подошли къ берегу ближе, чѣмъ расположились венеціанцы, обошли ихъ и атаковали

одновременно съ фланга и съ фронта, что поставило венецианцевъ въ затруднительное положеніе; на другомъ флангѣ Доріа, чтобы не быть обойденнымъ, сильно разомкнулъ свои корабли, что сейчасъ же замѣтили и использовали Улугъ; онъ прорвалъ непріятельскую линію, при чемъ взялъ въ плѣнъ или уничтожилъ нѣсколько непріятельскихъ галеръ. Затѣмъ, онъ схватился на абордажъ съ мальтійскимъ флагманскимъ кораблемъ и, послѣ долгаго и жестокаго боя, при помощи другихъ своихъ кораблей, взялъ его на буксиръ и потащилъ въ сторону. Тѣмъ временемъ на помощь подошли начальникъ резерва Санта Круць; онъ погнался за Улугомъ и, такъ какъ корабль и экипажъ послѣдняго сильно пострадали, принудилъ его обрубить буксиръ и такимъ образомъ освободилъ мальтійскій корабль, на которомъ не оставалось въ живыхъ ни одного человѣка.

Несмотря на выдающуюся храбрость, Улугъ все-таки былъ скорѣе морскимъ разбойникомъ, чѣмъ флотоводцемъ, такъ какъ послѣ этого онъ бросилъ руководство своей эскадрой и уже не достигъ больше никакихъ успѣховъ; такимъ образомъ, на правомъ флангѣ равновѣсіе было восстановлено.

265. Конецъ сраженія.

Наиболѣе упорный бой происходилъ однако въ центрѣ. О венецианскихъ галеасахъ, послѣ того, какъ они въ началѣ сраженія нанесли своимъ огнемъ большой уронъ противнику и тѣмъ привели его въ замѣшательство, больше ничего не говорится; благодаря высокимъ бортамъ ихъ трудно было взять на абордажъ, а благодаря многочисленному экипажу—еще труднѣе захватить въ плѣнъ. Вслѣдствіе своей тихоходности имъ уже трудно было использовать дѣйствіе своей артиллеріи послѣ того, какъ флоты миновали другъ друга. Тѣмъ временемъ, донъ-Жуанъ, какъ только непріятельскій центръ подошелъ ближе, яростно набросился на большую галеру капуданъ-паши, который со своей стороны тоже бросился на донъ-Жуана; при столкновеніи „киковъ“ турецкаго судна проникъ въ непріятельскій корабль до четвертой скамьи; начался жестокой абордажный бой, продолжавшійся очень долго, въ которомъ донъ-Жуанъ лично показалъ примѣръ блестящей храбрости; бой этотъ окончился въ пользу союзниковъ еще до того, какъ на помощь своему главнокомандующему подошли корабли изъ резерва; Али былъ убитъ. Примѣръ донъ-Жуана воспламенилъ окружающихъ и воодуше-

Табл. I.

Табл. II.

Табл. III.

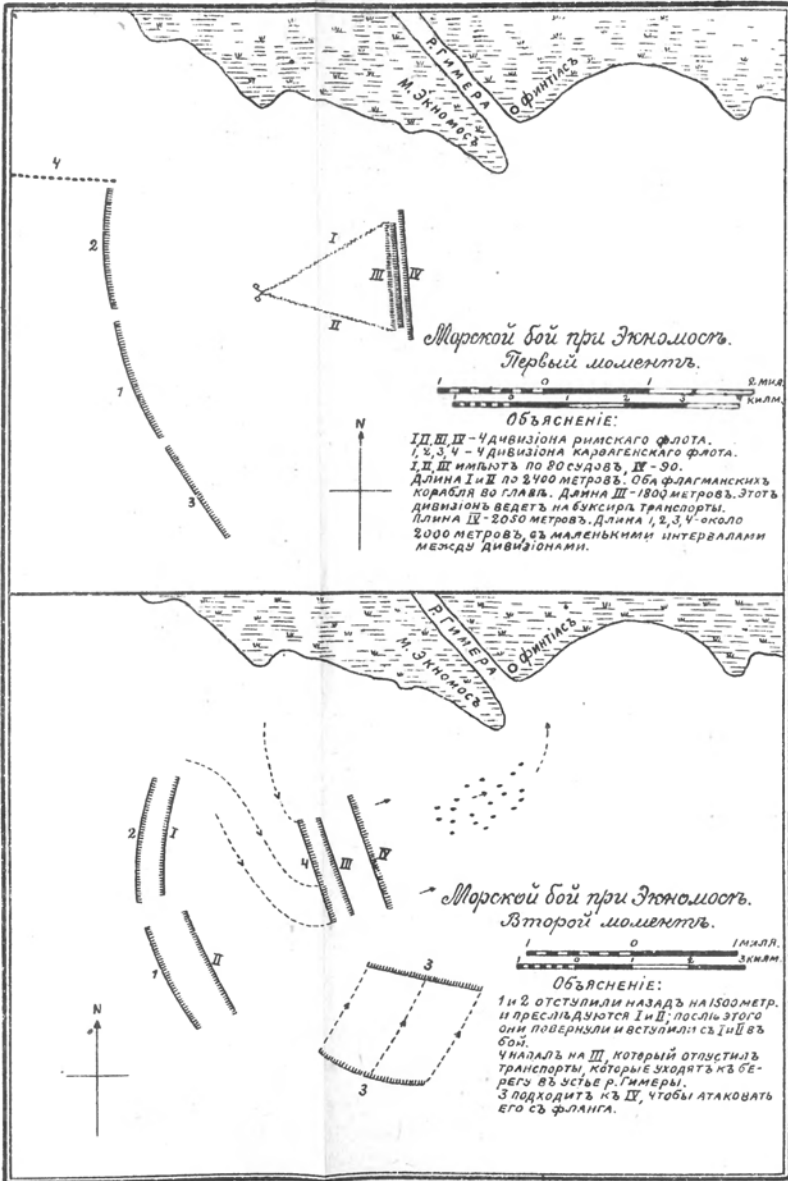

Табл. IV.

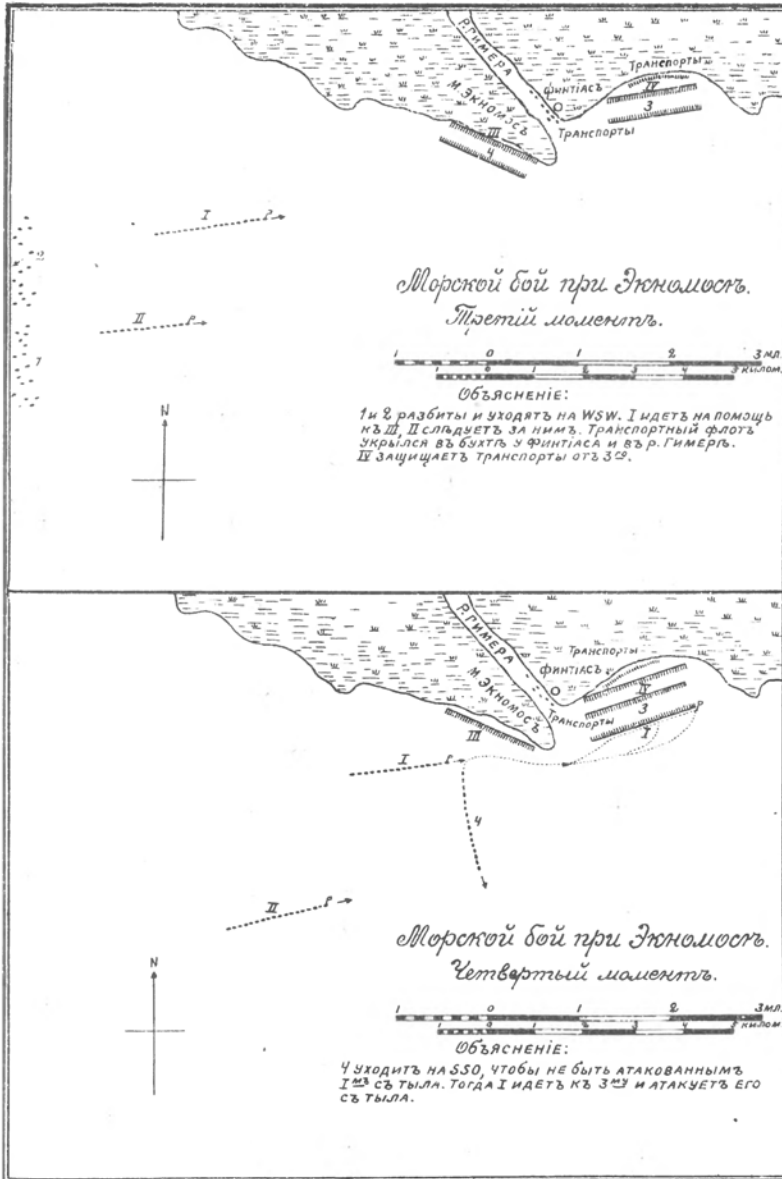

Табл. V.

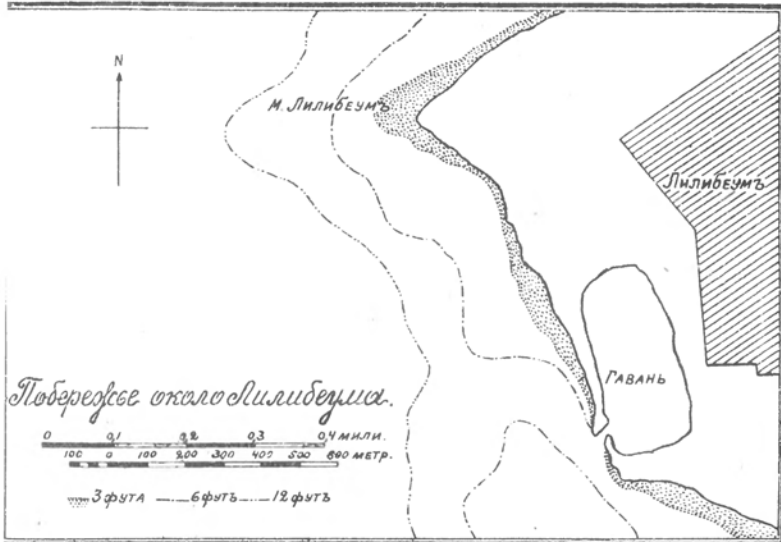
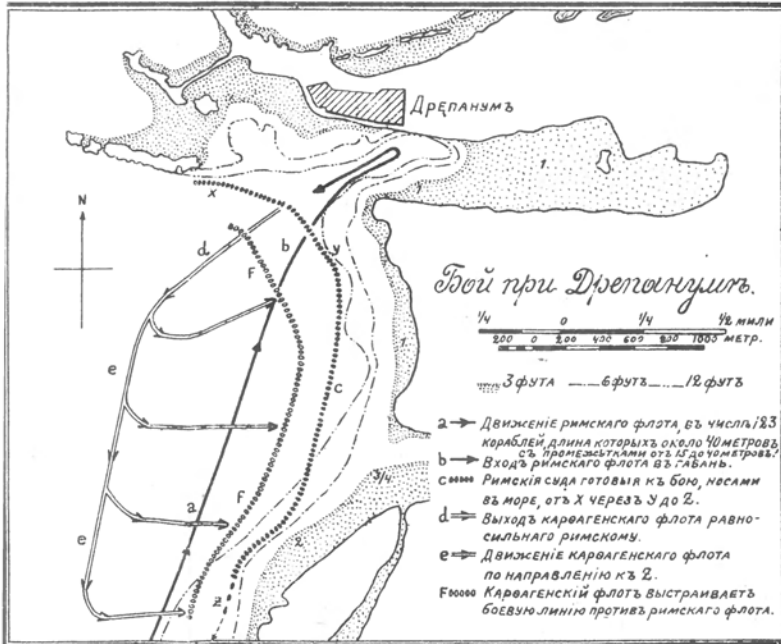
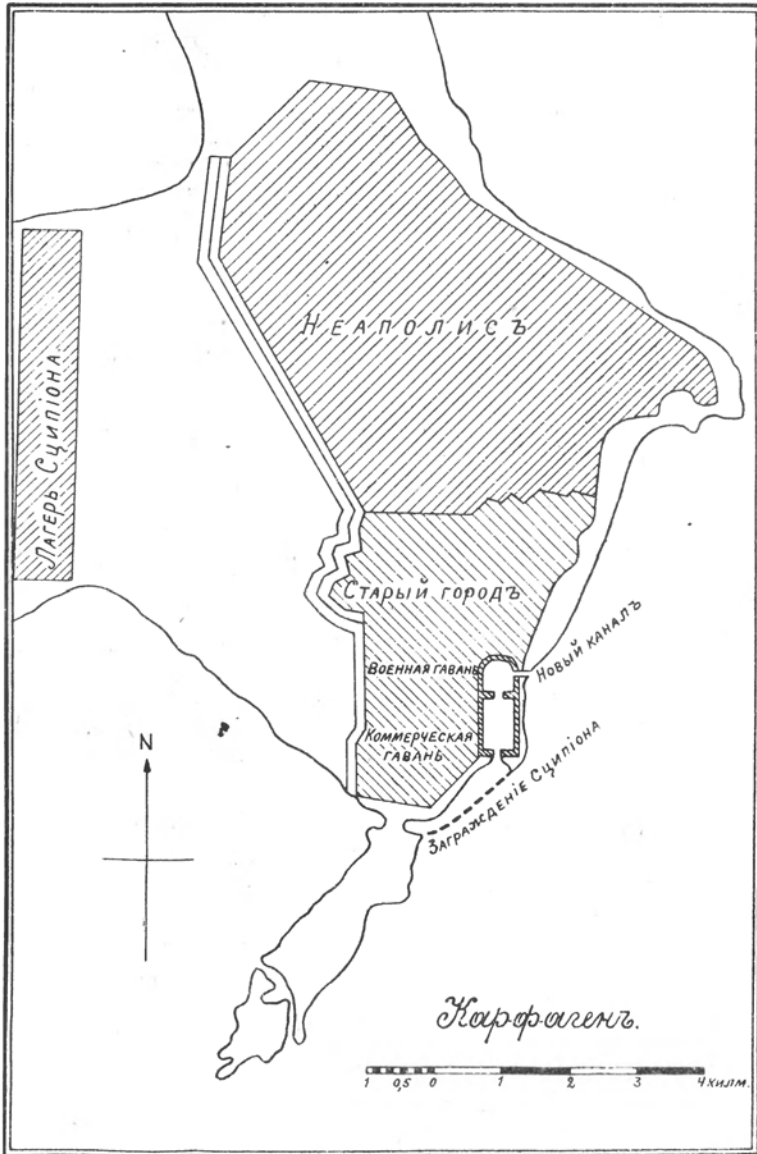
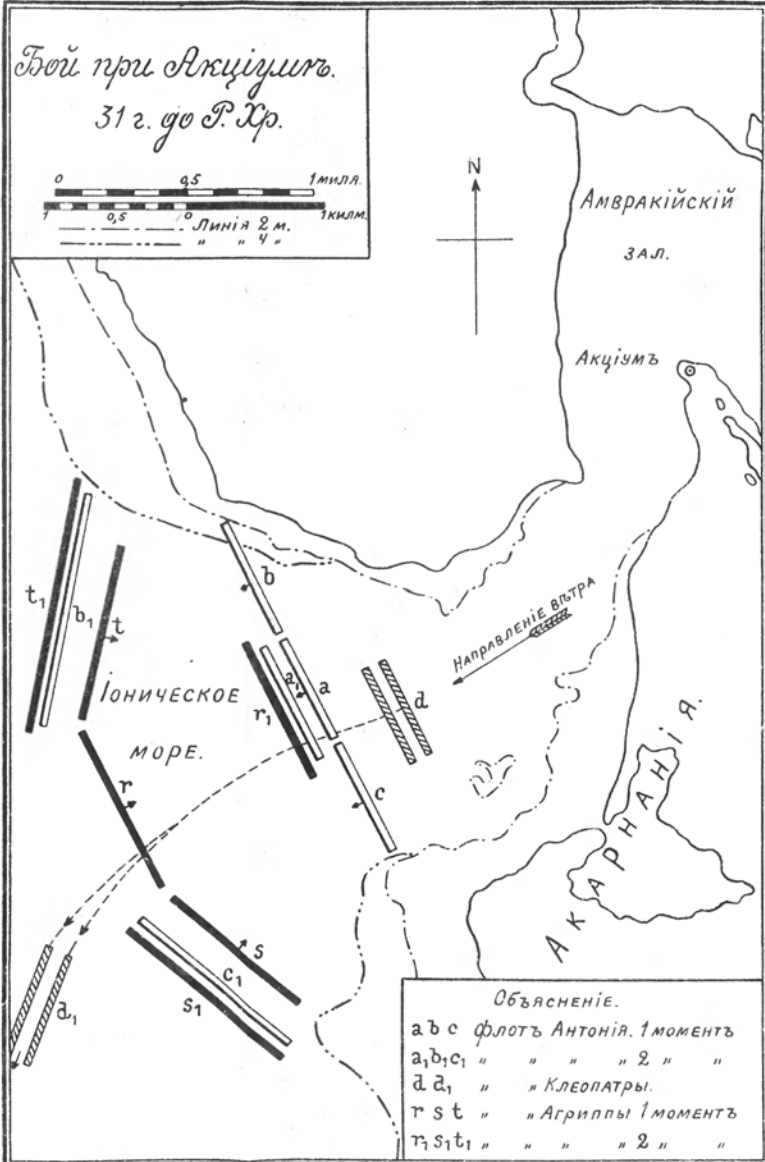

Табл. VI.

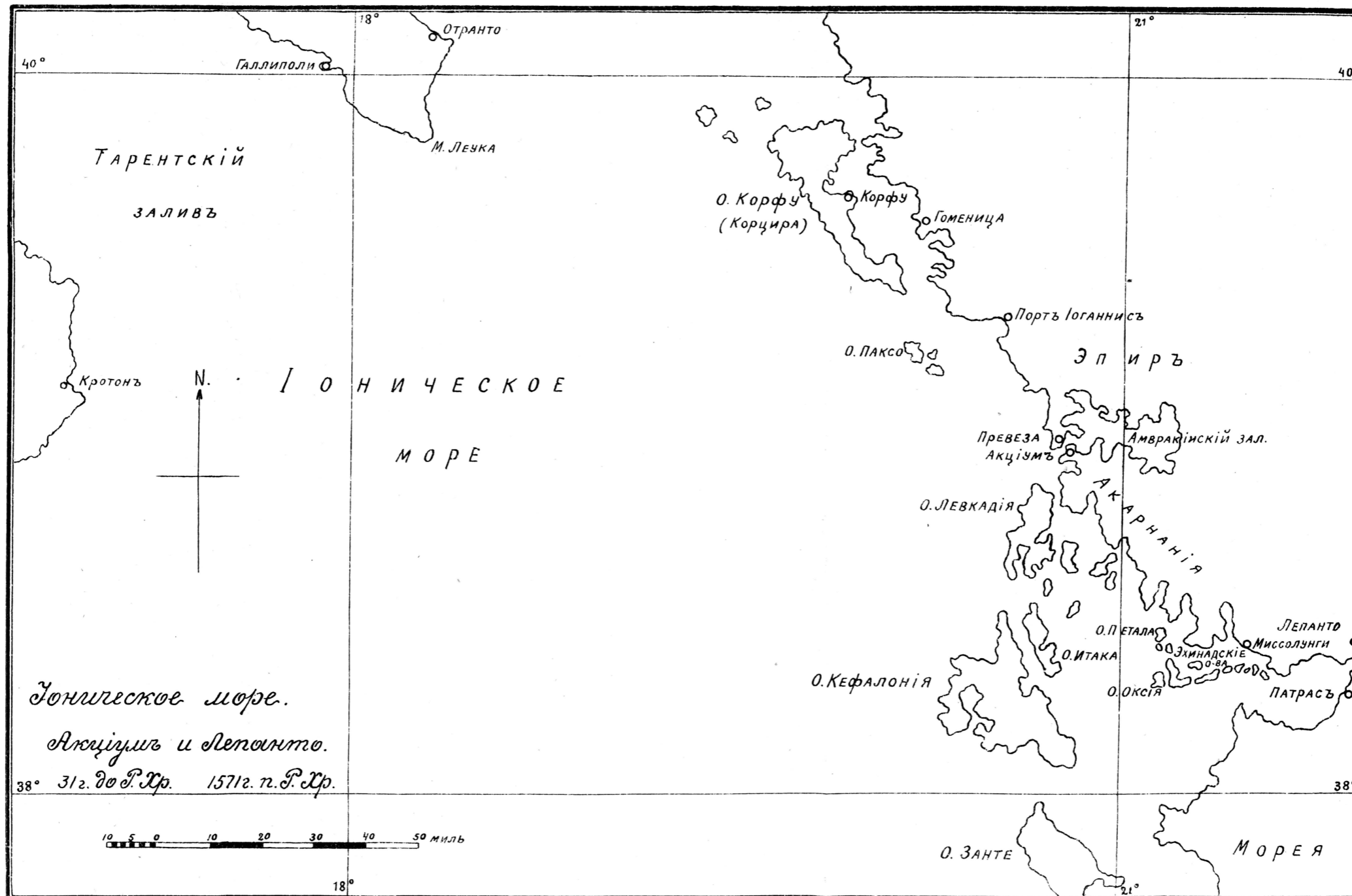

Табл. X.

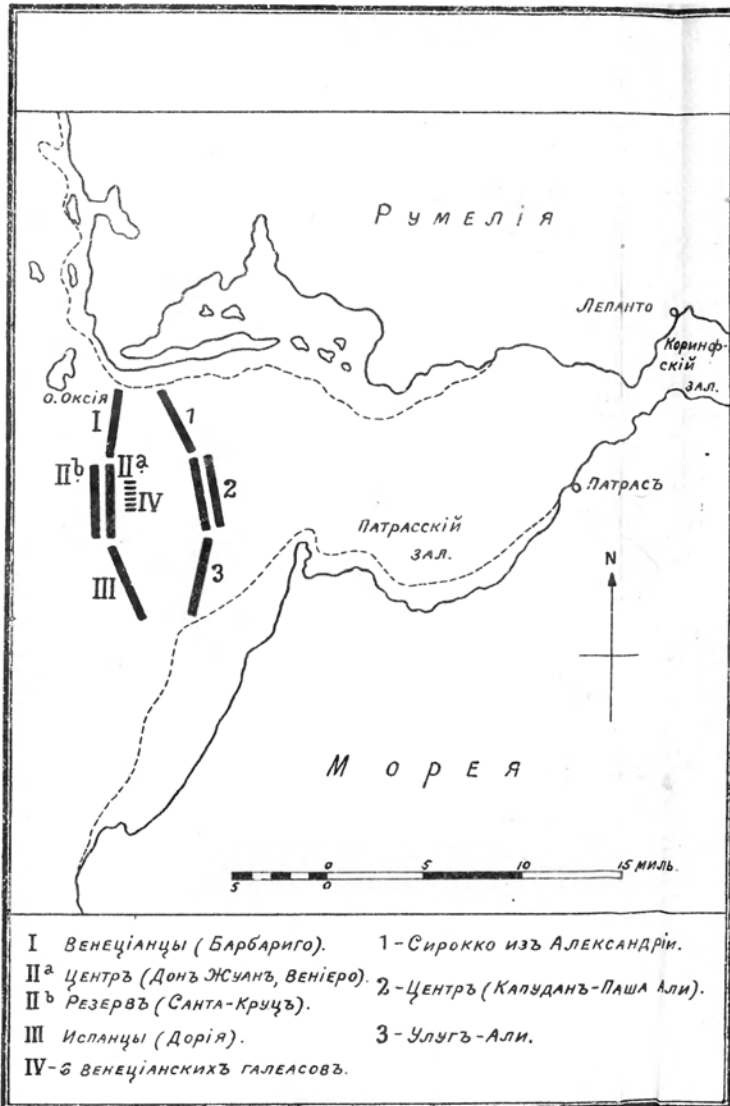

Табл. XII.

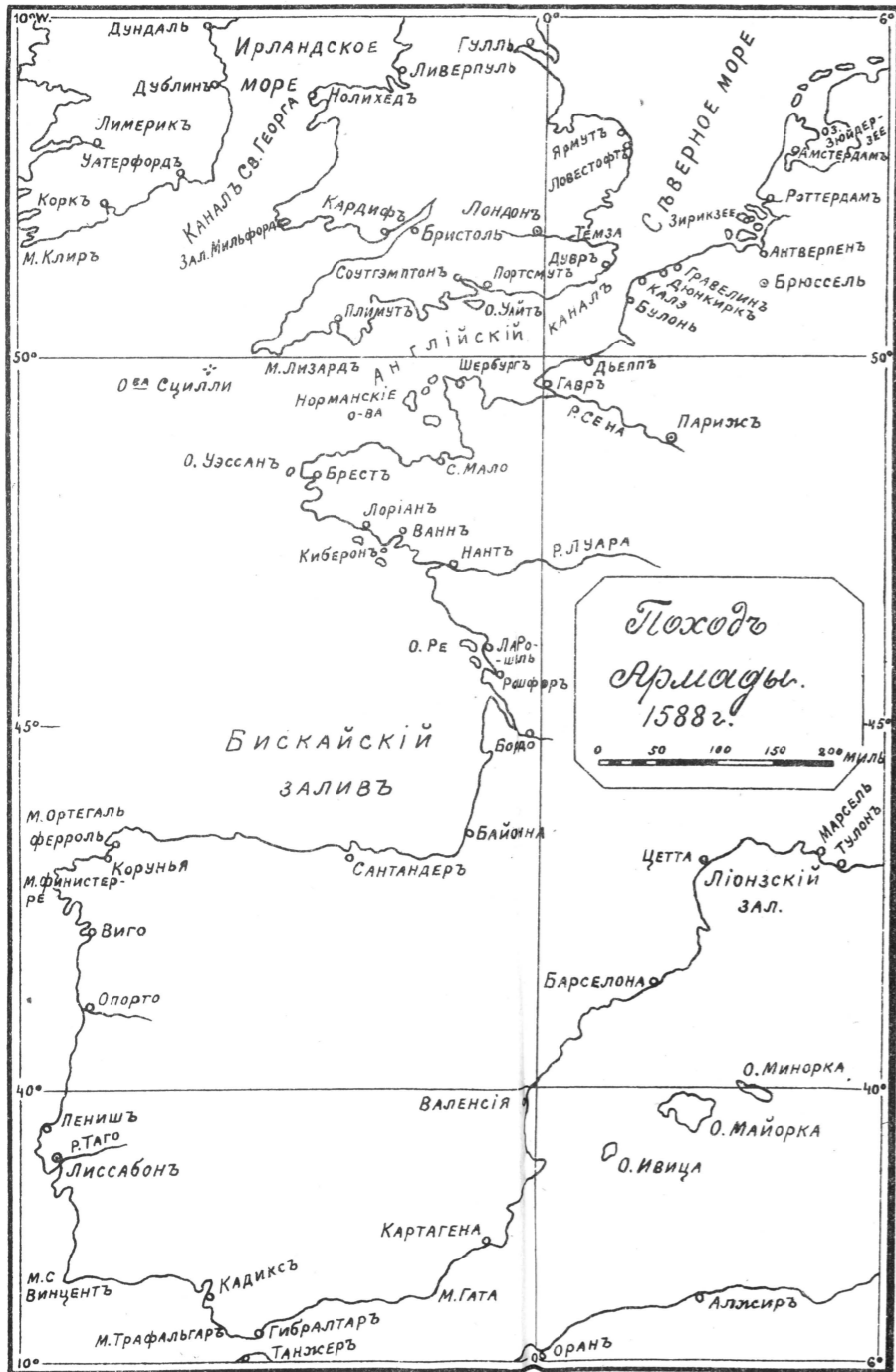

Табл. XIII.

